

Cyrillomethodianum

XII
Thessalonique
1988

Cyrillomethodianum

XII

Thessalonique

1988

ASSOCIATION HELLENIQUE D'ÉTUDES SLAVES

Cyrillomethodianum

RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DES RELATIONS HELLÉNO-SLAVES

Comité de rédaction

A.-E. TACHIAOS, I. TARNANIDIS, C. PAPASTATHIS,
E. KYRIAKOUDIS, S. KISSAS

Rédacteur en chef

A.-E. TACHIAOS

Pour des raisons techniques, le présent volume a été publié en 1993

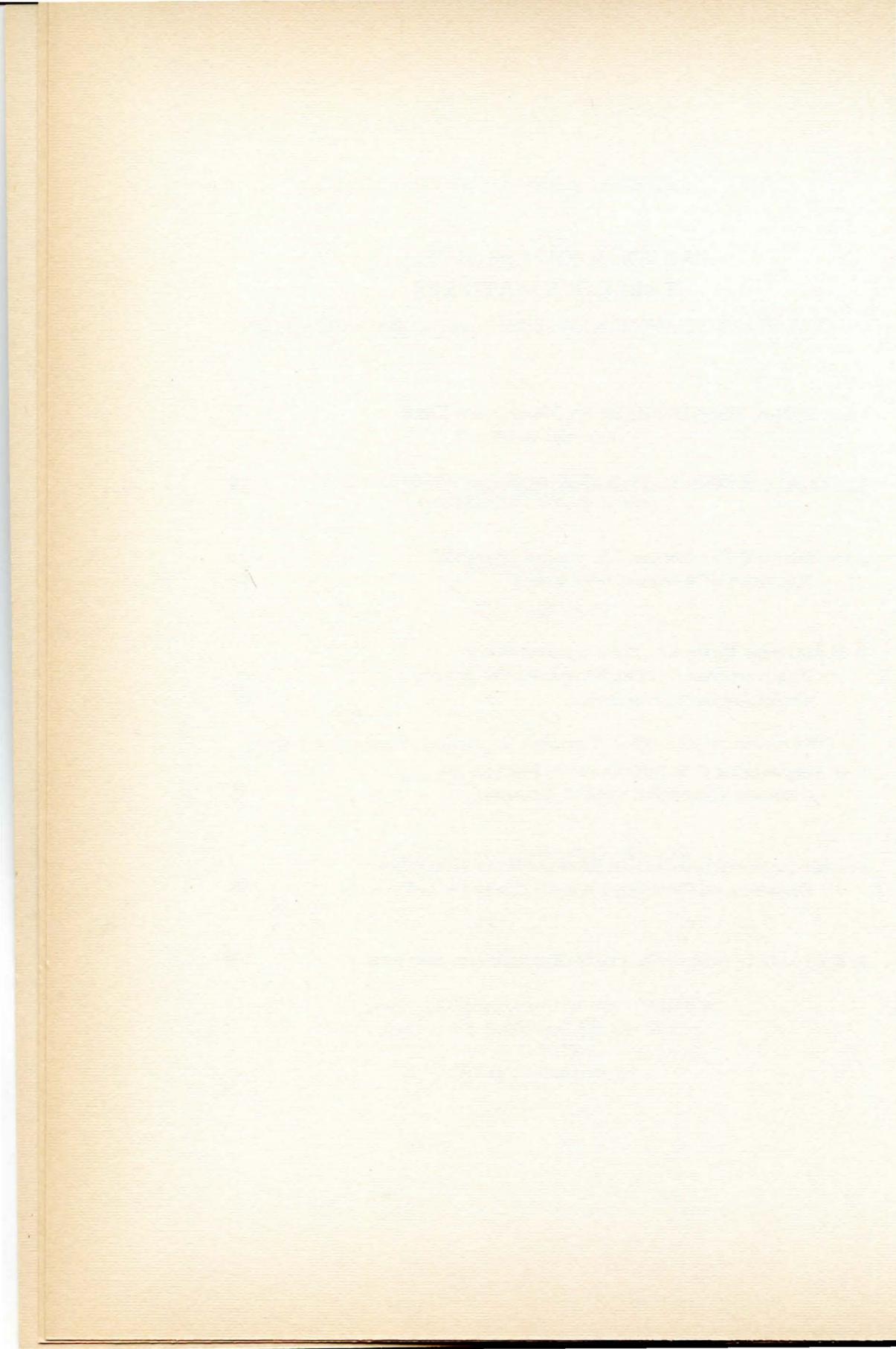
Couverture et mise en pages: K. Cížek

ISSN 1010-2892

Toute correspondance doit être adressée à:
Association hellénique d'études slaves
B. P. 10610
GR 541 10 Thessaloniki

TABLE DES MATIÈRES

<i>Viktor Byčkov, Einige Grundzüge der Altrussischen Kunst</i>	7
<i>Eizo Matsuki, A Greek Icon Painter in Novgorod</i>	15
<i>Константин К. Папулидис, Греческие Переводы "Синопсиса" Иннокентия Гизеля</i>	41
<i>И. И. Макеева, История Книги о Двенадцати Драгоценных Камиях Епифания Кипрского в Русской Письменности</i>	67
<i>Н. Н. Запольская, П. В. Постников — Выпускник Славяно-Греко-Латинской Аладеми</i>	75
<i>Игумен Иннокентий Павлов, Византийская Традиция Священного Писания у Юхныз Славян и на Руси</i>	93
<i>О. Б. Страхова, Новгородская Школа Братьев лихудов</i>	109

EINIGE GRUNDZÜGE DER ALTRUSSISCHEN KUNST

Viktor Byčkov

Anlässlich des Milleniums der Taufe Russlands ist eine Beschäftigung mit der russischen mittelalterlichen Kultur von besonderem Interesse. Ohne sich das vage Ziel zu setzen, die gesamte ästhetische Eigenart der altrussischen künstlerischen Kultur zu analysieren, was heute noch kaum möglich ist, möchte ich jedoch die wichtigsten Charakterzüge dieser Kunst aufschließen, weil sie einige wichtige Aspekte des altrussischen ästhetischen Bewußtseins besser verstehen helfen.

Meines Erachtens sind als solche das **Systematische** (*sistemnost'*), das **Sophianische** (*sofijnost'*), der **Symbolismus**, das **Kanonische** (*kanoničnost'*) der altrussischen Kunst sowie ihre höchst sittliche Ausrichtung zu bezeichnen.

Es ist klar, daß fast alle diese Charakterzüge ziemlich allgemein sind und vereinzelt oder in verschiedenen Kombinationen in vielen anderen Kulturen entdeckt werden können. In jeder anderen Kultur bilden sie aber andere Strukturen; sie haben dort andere ästhetische Inhalte, die sich in voller Größe nur durch eine tiefgehende Analyse der Kunst der entsprechender Kultur erfassen lassen.

Die Erforschung der altrussischen künstlerischen Kultur zeigt, daß sie ein spezifisches *System*, eine Ganzheit bildet, die auf einer einmaligen Synthese mehrerer Kunstarte basiert. Hier geht es um einige Künste, die dem kirchlichen Kultus dienten.¹

¹ Dabei sei bemerkt, daß in der Alten Rus' auch eine vielseitige Volkskunst und Folklore als Fortsetzung vorchristlicher Slawentraditionen gepflegt wurden. Leider ist von diesen viel weniger als von der Berufskunst erhalten geblieben. Ihr ästhetischer Wert und Bedeutung für die Kultur des russischen Mittelalters werden zur Zeit aktiv erforscht; jegliche Verallgemeinerungen in dieser Hinsicht wären aber heute noch verfrüht.

Der hohe künstlerische und ästhetische Wert der altrussischen Iko-nenmalerei, der Kirchenarchitektur und -kunst, der dekorativen und angewandten Kundsthanderwerke sowie der hymnologischen Künste wurde in letzter Zeit von vielen Kunstvorschern ganz überzeugend bestätigt. Eine tiefgehende Analyse dieser Künste überzeugt den Forscher aber, daß die Semantik, die Logik und die Eigenart der jeder dieser Künste eigenen "Sprache" nie *vollkommen* begriffen werden, wenn er sich bei seiner Analyse auf die Gesetze einer Kunstgattung *allein* beschränkt.

Mehr noch: heute wird die rein ästhetische Wahrnehmung der altrussischen Kunstwerke auch dadurch erschwert, daß diese Werke losgelöst von ihrem funktionalen Zusammenhang ausgestellt bzw. präsentiert werden, obwohl sie immer als Bestandteile eines bestimmten Zusammenhangs konzipiert worden waren. So werden die Ikonen zum Beispiel in Gemäldegalerien ausgestellt, also ohne das Bauwerk, für welches viele davon gemalt wurden. Die Kultusmusik wird in Konzerthallen, also auch nicht in der Umgebung und nicht in dem Zusammenhang vorgeführt, für die sie im Mittelalter geschaffen wurde. Die Architektur wird meistens auch "pur" präsentiert, d.h. ohne ihre innere Ausstattung, was der mittelalterliche Baumeister natürlich nicht erwartet hatte.

Historisch wurden die Werke der altrussischen Malerei, Architektur, Musik und der dekorativen Künste (und damit auch ihre künstlerischen "Sprachen" oder Systeme ihrer Darstellungs- und Ausdrucksmittel) immer als Bestandteile eines Systems, nämlich des einheitlichen Systems der liturgischen Handlung geschaffen; also können sie nur unter Berücksichtigung ihrer kulturhistorischen Funktion richtig verstanden und ästhetisch wahrgenommen werden. Dabei sei betont, daß sich jede dieser Künste selbstständig, wenn auch parallel zu den anderen, entwickelte, daß sie ihre eigenen Entwicklungsgesetze und einen selbständigen künstlerischen und ästhetischen Wert hatte.

Die sakrale Kunst der Alten Rus unterschied sich ihren Zielen und Aufgaben nach prinzipiell von der antiken (griechisch-römisch) wie auch von der westeuropäischen Kunst aus der Zeit nach der Renaissance. Die direkte Darstellung (- Nachahmung) der materiellen Welt war ihr genauso fremd wie die Darstellung der psychologischen Zustände und Erlebnisse des Menschen. Der Komplex der die Kirche bedienenden Künste sollte — so die christlichen Ideologen der damaligen Zeit — vor allem zur Schaffung einer ganz besonderen, sakralrealistischen Welt, einer ganz eigenartigen geistigen und materiellen Umwelt dienen, damit der Mensch der unsichtbaren Welt des höchsten Geistes teilhaftig

werden und in einer gemeinsamen Kirchlichen Handlung mit dem Absoluten Kontakt aufnehmen kann. Diese sakrale Welt wurde als eine Art Grenzgebiet, als Übergangsstelle zwischen der sichtbaren und der unsichtbaren Welt, als ein reales "Fenster" ins Himmelreich aufgefaßt, und dieses "Fenster" öffnete sich nur im Prozeß der liturgischen Handlung, die bekanntlich eine Synthese mehrerer Künste war.

Den geistig-mystischen Höhepunkt der Liturgie bildet das Mysterium der Eucharistie, der realen Teilhabe am Leibe und Blute Christi (durch ihre direkte Ein- und Aufnahme). Das ist der Mittel- und Höhepunkt des liturgischen Weges zur Einigung des Menschen mit Gott. Den Hauptinhalt des Gottesdienstes bildet das Gebet. Der mittelalterliche Mensch kommt in die Kirche, um an einem gemeinsamen (katholischen) Gebet teilzunehmen, um seine Verwandtschaft und Einheit mit anderen (mit dem gesamten Menschengeschlecht, das — mit Vorvater Adam an der Spitze — in der Kirche sozusagen auch präsent ist) und mit Gott zu spüren, den er in seinem Gebet anfleht und lobpreist.

Die Eucharistie als Höhepunkt des Gottesdienstes wurde also zu dem Konvergenzpunkt, und das Gebet zu dem die Funktion und den Inhalt bestimmenden Grundsatz der Vereinigung der sakralen Künste in der Orthodoxie. Die konstruktive Grundlage dieser Vereinigung auf der Ebene der materiellen und künstlerischen Realisierung bildet dabei die Architektur. Sie formt den einmeligen multidimensionalen Raum der Kirche als notwendige architektonische Basis der Synthese. In der altrussischen Kreuzkuppelkirche hat dieser Raum zwei Mittelpunkte: den Altar und die Hauptkuppel. Das Sakrament der Eucharistie wird im Altarraum vollzogen; die Blicke und das Gemüt der Gläubigen sind dem Bild des Pantokrators in der Hauptkuppel zugewendet. In beiden Fällen erinnert die "Symbolik des realen Raumes"² den Menschen an den geistigen Himmel mit allen seinen Bewohnern. Dementsprechend werden auch die Hauptachsen oder Richtungen des realen Raumes (vom Westen nach Osten, d.h. zum Altar, und von unten nach oben) zu einer neuen Achse des geistigen Raumes, die von der irdischen zu der himmlischen Welt führt.

Diese spezifischen Funktionen der altrussischen Kunst im System der sakralen Handlung bestimmten viele ästhetisch wirksame Element und Mittel der Farbenpalette, der Komposition und Rhythmisierung der altrussischen Malerei, die Methoden und Verfahren der

² Zur "Realsymbolik" der liturgischen Handlung siehe: Byčkov V. V., 'Iz istorii visantijskoj estetiki', *Vizantijskij vremennik*, Bd. 37, 1976, S. 182-183.

architektonischen Massen- und Raumgestaltung sowie die melodische und rhythmische Organisation des gottesdienstlichen Gesangs.

Die kulturhistorischen Aufgaben, die die altrussische Kunst zu lösen hatte, bestimmten in vieler Hinsicht auch einen anderen Charakterzug dieser Kunst, vielleicht den wichtigsten: das war ihr spezifisches Prinzip, der An- und Grundsatz ihres Denkens, das **Sophianische** (*sofijnost'*). Mit diesem Wort bezeichnen wir die erstaunliche Fähigkeit der Schriftsteller und Maler des russischen Mittelalters, die höchsten geistigen Werte ihrer Zeit, die essentiellen Probleme des Daseins im Sinne ihrer allgemein menschlichen Bedeutung mit rein künstlerischen Mitteln auszudrücken.

Der altrussische Mensch hatte wenig Sinn für die abstrakte, mit keinen konkret wahrnehmbaren Kunstformen verbundene christliche Vorstellung vom Geist; daher mußte er — vielleicht viel öfter als ein Byzantiner — sich der Kunst zuwenden, um geistige Nahrung zu finden. Er mußte der Schönheit der Kunst auch mehr Wert beimessen, als sein byzantinischer Zeitgenosse. Unter der äußeren Schönheit sah der Altrusse viele weitere, immer tiefer liegende Ebenen, die sich schlecht in Worten fassen, dafür aber gut spüren ließen. Kein Zufall, daß das Volk neben den Buchschreibern auch Maler als "Weise" bezeichnete und die Kunst als eine Ausdrucksform der allgemeinen Weisheit, der Sophia betrachtete. So nennt Epiphanius der Weise (Ende des 14. Jh.) in seinem bekannten Brief an Kyrilles von Twer den Maler Theophanes den Griechen (Feofan Grek) einen "ehrwürdeigen Weisen" und "sehr begabten Philosophen". Ein Maler, ein Buchschreiber wurden in der Alten Rus immer als Weise angesehen, und die zahlreichen Werke der mittelalterlichen russischen Kunst und Literatur zeigen, daß das mehr als nur eine rhetorische Formel war.

So ist "Das Lied von der Heerfahrt Igors" zum Beispiel nicht nur ein Bericht über den mißglückten Feldzug dieses russischen Fürsten gegen die Nomaden; das ist auch ein hohes und kunstvolles Werk der Philosophie des russischen Geistes, ein dichterisches Nachdenken über das Schicksal des russischen Staates und seinen Stellenwert in der natürlichen und sozialen Umwelt, in der Geschichte. Und dieses Beispiel bildet keine Ausnahme. Die Ganze russische Literatur war im Mittelalter praktisch eine poetisch dargelegte Philosophie, Historiosophie oder Theologie.

War die "Weisheit der Bücher" in der Alten Rus aber nur wenigen zugänglich, so lag die "Weisheit der Ikonen" praktisch jedem Altrussen nah: er begegnete ihr in der Kirche und zu Hause. Die wahre Kunst war für den Altrussen untrennbar mit Schönheit und Weisheit verbunden.

Die Maler wurden dafür geehrt, daß sie weise genug waren, um Schönheit schaffen zu können. Die "unausgesprochene" Schönheit der Kunstwerke, die dem mittelalterlichen Zuschauer "unaussprechliche" Freude und Wonne brachte, war für den Altrussen ein Zeugnis des hohen Sinnes und Wertes der Kunst.

Seinen höchsten Ausdruck fand das Sophianische der altrussischen Malerei zweifelsohne in der Kunst des Andrej Rubljow. Sein ganzes Schaffen ist eine Philosophie des Humanismus, der Schönheit und des Guten, eine Philosophie der allumfassenden Harmonie des Geistigen und des Materiellen, eine optimistische Philosophie der begeisterten, erleuchteten und durch das Licht der Weisheit, durch die endlose und allumfassende Liebe verklärten Welt.

Die Orientierung der Kunst auf Ausdruck der höchsten, aus dem transzendenten Absoluten resultierenden geistigen Werte ermöglichte und bedingte auch die immer höhere Abstraktion ihrer Ausdruckssprache, die immer kompliziertere Symbolik ihrer Ausdrucksmittel und im Endeffekt die Entwicklung des hohen künstlerischen *Symbolismus*, der für alle Arten der altrussischen Kunst kennzeichnend war, obwohl die "Kunsttheoretiker" der alten Rus fast bis Ende des Mittelalters so gut wie nichts darüber sagten. Praktisch alle Hauptfarben und ihre Mischungen, einzelne Gegenstände, Hügel, Bauten, die Gesten und Posituren der Figuren in der Male-rei, die Raumgliederung und viele Bauelemente in der Architektur, die Tropen und Gestalten in der Literatur sowie viele Formen der hymnologischen Kunstwerke hatten in der Alten Rus immer einen tiefen symbolischen Sinn. Mehr noch, in vielen Werken der altrussischen Kunst wurde sozusagen das gesamte essentielle Potential der geistigen Kultur der Zeit konzentriert: sie wurden zu ganzheitlichen Kunstsymbolen der Epoche. Als Bei-spiel kann die Dreieinigkeitsikone von Andrej Rubljov oder die Fresken von Dionysios (Ende des 15. - Anfang des 16. Jh.) im Ferapont-Kloster (Ferapontov Monastyr) genannt werden. Ohne Berücksichtigung dieses Phänomens wird der moderne Mensch vieles in der künstlerischen und ästhetischen Welt der Alten Rus' nicht verstehen. Damit ein hoch entwickelte kunstsymbolisches Denken im Rahmen einer Kultur normal funktionieren kann, sind bestimmte Mittel notwendig, die die symbolischen Strukturen im ästhetischen Bewußtsein festhalten helfen. In der Alten Rus (wie auch in einigen anderen alten und mittelalterlichen Kulturen) wurde diese Funktion vom *Kanon* übernommen. Das **Kanonische** (*kanoničnost'*) bildet ein weiteres wichtiges Prinzip des altrussischen Kunstdenkens.

Der künstlerische Kanon bildete sich im Prozeß der Entwicklung des ästhetischen Bewußtseins (und dementsprechend der Kunstpraxis) mittelalterlichen Typs heraus. Darin fand auch das ästhetische Ideal der Zeit, der Kultur, dert Kunstrichtung usw. seinen Ausdruck; er diente zum Festhalten des gesamten Systems von darstellerischen und gestalterischen Mittel, die sich am besten für die Verwirklichung dieses Ideals eigneten. Der Kanon bestand aus einer Reihe von Gliederungen (Schemata, Modellen), bildhaften Gestalten, die die wichtigsten Bedeutungselemente des geistigen Inhalts der jeweiligen Kultur am besten und am genauesten ausdrückten. Der Kanon bildete sozusagen die erste (Makro-)Ebene des ausdrückenden künstlerischen Inhaltes. Auf der semantischen Ebene war er der Träger der gesamten zu formalisierenden Information, und auf der Strukturebene bildete er die konstruktive Grundlage jeder Struktur. In der altrussischen Kunst war der Kanon Hauptträger der Überlieferung (Tradition); in der Struktur der Kunstgestalten Übte er die Funktion des Zeichenmodells der geistigen Welt aus, die nicht mit der Vernunft zu begreifen war. Im System der christlichen Weltauffassung hatte er die Aufgabe, die ansonsten nicht praktisch ausdrückbaren Inhalte der Ebene des Überdaseins auf der phänomenalen Ebene auszudrücken, d.h. ein System der Symbole zu bilden, die der Zeitkultur entsprachen.

Obwohl der Kanon also die konstruktive Grundlage der Kunstsymbolik bildete, war er selbst aber selten der Träger des ästhetischen bzw. des künstlerischen Wertes. Der letztere konnte in jedem konkreten Kunstwerk aber *nur* auf der Grundlage des Kanons entstehen (wenn er überhaupt entstand). Das Wesen des künstlerischen Schaffens bestand in den Kulturen kanonischen Typs darin, daß der Meister (Vertreter einer Kunsgattung) das Schema des Kanons gut kennen und — wenn er wirklich ein Meister war — seine ganze Kreativität auf die Lösung rein künstlerischer Aufgaben, d.h. auf die konkrete Realisierung dieses Schema in Form und Farbe, Klang und Ton usw. konzentrieren mußte. Der Kanon, der die Freiheit des Künstlers zum Beispiel in der Auswahl des Sujets, des Themas oder der Komposition begrenzte, verlieh ihm gleichzeitig eine unbegrenzte Freiheit der Auswahl der für diese Kunstart üblichen Mittel, beispielsweise der Farben, der Formen und der Rhythmis in der Malerei usw.

Die künstlerische und ästhetische Wirkung der kanonischen Kunstwerke resultierte also aus der Überwindung des kanonischen Rahmens innerhalb des Kanons selbst. Das wurde mit Hilfe eines ganzen Systems von äußerlich unbedeutenden, dafür aber künstlerisch

bedeutsamen Variierungen aller seiner Grundelemente und ihrer Verbindungen erreicht. Die Wiedererkennung des Kanons in einem Kunstwerk bedeutete für den mittelalterlichen Rezipienten eine Wiederbelebung des beständigen Komplexes von traditionellen Inhalten in seiner Psyche, und die leichten Variationen der Formelemente, die nuancierten Abweichungen und das bewußte Abgehen vom idealen Schema eröffneten vor ihm ein breites Feld für emotionale und intellektuelle Improvisationen zum vorgegebenen Thema. Das war keine "Widerholung" immer gleicher Klischées, die die Rezeptionsfähigkeit mit der Zeit abstumpfen könnte, sondern eine ständige Anreizung dieser Fähigkeit durch immer neue, unauffällige Abweichungen vom Vorgegebenen innerhalb seines festen Rahmens, was den Rezipienten zu einer tieferen Erforschung des scheinbar so bekannten Sujets, zur Erkenntnis seiner essentiellen, ursprünglichen Grundlagen, zur Entdeckung immer neuer Schichten und Ebenen der geistigen Tiefen des Bildes motivierte. Darin bestand eben der wichtigste ästhetische Wert des Kanons in der alt-russischen Kultur.

Auch Leien die sich kaum mit Forschungen im Bereich der altrussischen Kunst befaßt haben, werden bald feststellen, daß diese Kunst ganz konsequent bestimmte moralische und ethische Prinzipien vertritt. Besonders deutlich kommt das in der Ikonenmalerei und im russischen Schrift-tum des 11.-17. Jh. zum Ausdruck. Der altrussische Schriftsteller, ganz gleich was er schrieb — eine Chronik, eine Predigt, Heerfahrtsbeschreibungen oder Viten — glaubte vor allem, seine Leser erziehen zu müssen, ihr Lehrer und Betreuer in Fragen der richtigen Lebenshaltung, d.h. also ihr Sittlichkeitstrainer zu sein. Nur ein richtiges (in Begriffen der damaligen Zeit), ein gerechtes und höchst moralisches Leben konnte mit der ewigen Seligkeit, mit der Zulassung zu diesem idealen Zustand gelohnt werden, und der alte Autor war überzeugt, daß neben dem Priester auch er der ho-hen Gnade teilhaftig sei, die ihn zum Wegweiser für die Menschen macht. Je nach der Genre seiner Texte nutzte der altrussische Schriftsteller ver-schiedene Mittel aus, um diese moralischen Normen und Ideale zu verbreiten, von einer direkten Dozierung und Erläuterung der moralischen Grundlagen des gesellschaftlichen und privaten Lebens über die Zitierung markanter Beispiele aus der griechisch-römischen, russischen und Bibelgeschichte bis zur Entwicklung idealer Heldengestalten, deren Prototypen oft bekannte Vertreter der russischen Kultur und Geschichte waren.

Die moralische Problematik stand im Mittelpunkt der meisten Werke der altrussischen Literatur. Sie übte einen wesentlichen Einfluß

Viktor Byčkov

auf ihren Charakter, ihre Form, ihre typischen Hauptperson und ihre künstlerischen Ausdrucksmittel aus.

Der oben angeführte Komplex von Prinzipien des ästhetischen Bewußtseins der Alten Rus', die seine Eigenart charakterisieren, fand im theoretischen Denken der damaligen Zeit so gut wie keinen Ausdruck und keine Widerspiegelung. Erst mit einer tiefgehenden Analyse der altrussischen Kunst und Literatur, die heute vorgenommen wird, kann er in voller Größe erkannt und interpretiert werden.

Moskau

A GREEK ICON PAINTER IN NOVGOROD*

Based upon the excavation of the homestead of Olisei Grechin

Eizo Matsuki

Archaeologists working in Novgorod had the good fortune to discover a new type of written materials in 1951, when the first birch-bark documents were found by excavation. Since then the number of documents has increased to over 620.¹ They have been excavated mainly from various city dwellers' homesteads (усадьбы) of the 11th-15th centuries, together with many other objects of daily use.² Some of the documents, especially letters addressed to the dwellers of an

*This essay was printed originally in Japanese in 1986 as: Eizo Matsuki, 'Novgorodo no girisha-zin eshi: Olisei Grechin no yashiki no hakkutsu ni yosete: Chichukai-Ronshu', *Studies in the Mediterranean World: Past and Present*, No 10, Mediterranean Studies Research Group at Hitotsubashi University (Tokyo, 1986), pp. 91-108. In this English version some footnotes were added.

¹ A small number of birch-bark documents have been discovered in some other towns than Novgorod, mainly located in the north-west part of Russia: Staraya Russa (14 in number), Smolensk (10), Pskov (4), Vitebsk (1), Mstislavl' (1), Tver' (1). 614 documents (No. 1-614) discovered in Novgorod until 1983 have been published in eight volumes: A. V. Artsikhovskij and M. N. Tikhomirov, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)* (Moscow, 1953), (No. 1-10) (the following volumes are referred to like as: НГБ. 1951 г., М., 1953; НГБ. 1952 г., М., 1954 (No. 11-83); НГБ. 1953-1954 гг., М., 1958 (No. 84-136); НГБ. 1955 г., М., 1958 (No. 137-194); НГБ. 1956-1957 гг., М., 1963 (no. 195-318); НГБ. 1958-1961 гг., М., 1963 (No. 319-405); НГБ. 1962-1976 гг., М., 1978 (No. 406-539); НГБ. 1977-1983 гг., М., 1986 (No. 540-614). Historical and archeological interest of the Soviet scholars in the Novgorodian birch-bark documents is reflected well, for instance, in: L. V. Cherepnin, *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник* (Moscow, 1969); V. L. Ianin, *Я послал тебе бересту*, second edition (Moscow, 1975).

² The Novgorodian birch-bark documents are strictly confined to the period from the 11th through 15th century. The number of the unearthed documents by century is as follows: the 11th century - 19, the 12th century - 141, the 13th century - 131, the 14th century - 235, the 15th century - 86. See: НГБ. 1977-1983 гг., p. 8. For the city dweller's homestead in Novgorod, see: P. I. Zasurtsev, 'Усадьбы и

excavated site, reveal that the homestead under excavation belonged to a certain family or a person who is known from other written sources, like chronicles, deeds, and so on.³ The first and most remarkable example of such an instance was the discovery of a few homesteads belonging to a famous *boiar* family who lived in Nerev End, one of the five medieval districts of the town, and a family that played a very important role in the political history of Novgorod in the 14th-15th centuries. This so-called "Nerev Excavation" opened a new period in the study of medieval Novgorod society by making it possible to combine archaeological and topographical materials with extant written sources.⁴

A similar case, though much more modest in its importance, occurred also in the Troitsky Excavation in 1973-1983. In 1973-1977 and 1981-1982 the archaeologists unearthed an icon painter's homestead consisting of several wooden houses and an atelier on the medieval Chernitsyna Street in Liudin End.⁵ This icon painter was identified with the Greek immigrant who was called "Grechin" and was referred to several times in the First Novgorod Chronicle. The result of the excavation indicated that he continued to live there from the eighties of the 12th century into the first decade of the 13th century. The findings in his homestead, which range from a few birch-bark letters ordering icons from him to various instruments and raw materials for painting, brought to light some aspects of early icon painting history in Russia. Combined use of archaeological data, birch-bark documents and the Chronicles reveals some aspects of the life of an icon painter who went to Novgorod about 200 years before Feofan Grek.⁶ This

постройки древнего Новгорода', in: *Материалы и исследования по археологии СССР*, No. 123 (1963), pp. 5-165.

³ The documents are very various in their contents. L. P. Zhukovskaya, however, classifies them roughly into three categories: epistle (письмо), memo (запись) and official document (официальный документ). See: L. P. Zhukovskaya, *Новгородские берестяные грамоты* (Moscow, 1959), pp. 30-60.

⁴ Concerning the Nerev Excavation, there are too many reports and researches to cite here. For the significance of the Excavation in the study of medieval Novgorod, see: V. L. Ianin and B. A. Kolchin, 'Итоги и перспективы новгородской археологии', in: *Археологическое изучение Новгорода* (Moscow, 1978).

⁵ Medieval Novgorod consisted of five semi-autonomous districts called Ends (концы). The city-plan was divided by the Volkhov river into two, west and east, Sides (стороны): the Sophia Side and the Market Side. Sophia Side included the *Detinets*, the later Kremlin or citadel, and three Ends: Liudin, Zagorod and Nerev. Market Side comprised the market and two Ends: Slovno and Plotnik. The Liudin End, in which the homestead under consideration was discovered, occupies the southern part of the Sophia Side. About five Ends, see also footnote 15 infra.

⁶ On Feofan Grek, see footnote 71 and 73 infra.

essay uses recent archaeological findings and written sources in an attempt to reconstruct the painter Grechin's life story.

I

A clergyman named Grichin (Гръчин) or Grechin (Гречин), is referred to several times in the First Novgorod Chronicle from the end of the 12th century to the thirties of the thirteenth century. He was nominated for the archbishopric, the highest ecclesiastical position in Novgorod, in 1193 and 1229, but was unlucky in the lot drawing for both elections.⁷ Grechin was, however, inaugurated as abbot of the Iuriev Monastery in 1226, which gave him the second highest rank in the holy orders of Novgorod.⁸ In 1231, he was deprived of the abbacy due to a political upheaval, was confined in a cell, fell ill and died six weeks later.⁹ The above is all that the chronicler tells us about Grechin's ecclesiastical career in Novgorod. We can find the name Grechin just once more in the entry for the year 1196 of the Synodical copy of the First Chronicle. The chronicler tells us that a painter called Grechin Petrovich (Гръчин Петрович) painted the mural of the church of Holy Mother of God at the Prechischensky Gate.¹⁰ It is impossible to determine readily from the Chronicle whether this painter is the same person as the one who was so influential in Novgorod as to be nominated for the post of archbishop and who became the abbot of Iuriev Monastery. Though it is well known that many of the icon and mural painters in the world of the Orthodox

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Moscow and Leningrad, 1950) (hereafter НПЛ), pp. 231-2, 68, 274-5. Since 1156 the archbishop of Novgorod was first chosen by the *veche* and then was sent to Kiev for formal confirmation by the metropolitan. It became a custom to draw lots on the altar of St. Sophia when the *veche* split on the choice. See: I. D. Beljaev, *Рассказы из русской истории*, vol. 2, *История Новгорода Великого* (Moscow, 1864), pp. 119-22; A. S. Khoroshev, *Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики* (Moscow, 1980), pp. 35-48.

⁸ НПЛ, pp. 65, 269. From this time on, the abbot of the Iuriev Monastery, bearing the title of archimandrite, came to command all the Novgorodian monasteries, and became one of the state officials chosen by the *veche*. See: V. L. Ianin, 'Из истории высших государственных должностей в Новгороде', in: *Очерки комплексного источниковедения* (Moscow, 1977), pp. 141-8.

⁹ НПЛ, pp. 70, 274-5.

¹⁰ НПЛ, p. 42. "The same year [1196], the archbishop Marturi painted the church of the Holy Mother of God at the [Prechischensky] Gate. The painter was Grichin Petrovich." Cf. НПЛ, pp. 41, 234.

Church were clergymen,¹¹ we cannot determine exactly if only one clergyman called "Grechin" lived at that time in Novgorod.

The word ГРЕЧИН, like ГРЕК, originally meant "Greek". Therefore it is not clear whether the word Grechin mentioned several times in the Chronicle refers only generally to ethnicity or whether it was used as an epithet for identifying a person who came from Greece or who was of Greek origins. In the book, "The Church History of Novgorod," A. I. Nikitskii cites the above-mentioned passages to prove that Greek clergymen were still respected in the first half of the 13th century in Novgorod and that there existed a "party" which recommended the Greek people for the most important holy positions.¹² In other words, Nikitskii interprets the word Grechin ethnically, not to imply a name identifying a specific person. It is not, however, convincing to assume that so many Greek clergymen were chosen for the archbishopric of Novgorod or the abbacy of Iuriev Monastery and happened to follow each other in such a short period of time.¹³ According to the Chronicle, the *veche* nominated three candidates: "Marturi," "Mitrofan" and "Grechin" for the post of archbishop in the year 1193; and "Spiridon," "Osaf" and "Grechin" in the year 1229. In two cases the nominees are identified by their personal (baptismal) names, except in the case of Grechin. It is unnatural to think that only the third candidate (Grechin) is mentioned ambiguously as "some Greek man," unlike the other two candidates who are identified exactly by their personal names. Therefore, it is appropriate to think that "Grechin" is a kind of epithet that Novgorodians gave in order to identify a certain person of Greek origin whom they knew very well at that time. Nevertheless, we hesitate to deduce from the Chronicle that Grechin Petrovich, the painter, is the same as Grechin, the influential person among the clerics and the society of Novgorod, since there

¹¹ It is well known that most icons were produced in monasteries, especially in the early years, but many lay icon painters (иконники) were found in Novgorod in the 16th century. According to a land register (писцовая книга) of the 1580s, there were 41 icon painters in total. Shop registers (лавочная книга) recorded during the same period testify that roughly half of the icon painters were clergymen of various rank, and the rest of them were laymen. See: S. V. Bakhrushin (ed.), *Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г.* (Moscow, 1930), pp. 7, 8, 13, 14.

¹² A. I. Nikitskii, *Очерки внутренней истории церкви в Великом Новгороде* (St Petersburg, 1879), p. 32; E. E. Golubinskii, *История русской церкви*, vol. I, *Первая половина тома* (Moscow, 1904), pp. 674-6; M. D. Priselkov, *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси* (St Petersburg, 1889), p. 32.

¹³ "Grechin" is mentioned only in the description of the period from 1193 to 1231, and is not found in other places in the Synodal copy of the First Novgorod Chronicle.

are also some cases where "Grechin" represents ethnicity.¹⁴ We cannot derive any other information about Grechin from the Chronicle.

During the excavation started in 1973, the Novgorod Archaeological Expedition did unearth a homestead of a person called "Grechin" who was a painter as well as a clergymen. Letters addressed to him were found, and it was determined that he was called "Olisei Grechin." This made it clear that his baptismal name was Olisei and that "Grechin" was his epithet. The strata belong to the eighties of the 12th century through the beginning of the 13th century, which corresponds to the first half of the period during which the name Grechin is mentioned repeatedly in the Chronicle. The homestead is located 200 meters south of Spasskaia Tower, the south gate of the Citadel, i.e. in the Liudin End, which is one of the five medieval communal districts (five Ends).¹⁵

According to topographical research of medieval Novgorod, the plan of Liudin End is outlined by Proboinaia Street which begins from Spasskaia Tower toward the outer wall of the city, and stretches south to north, with a number of

¹⁴ According to the entry of 1228, a Greek messenger was sent from Pskov to Novgorod. There, the word "Гръцин" is used to represent a Greek. *НПЛ*, pp. 66, 271.

¹⁵ Some of the five Ends (концы) are referred to in the Chronicle already in the 11th century (the earliest is Nerev End in 1067); by the end of the 12th century four Ends had been mentioned: Liudin, Slovno, Plotonik and Nerev. Only Zagorod End appears rather late in the 14th century. V. L. Ianin and M. Kh. Aleshikovskii set up the hypothesis that "Novgorod" (New City) originally consisted of three small independent settlements which became later three Ends: Liudin, Nerev and Slovno. In fact these three Ends were always the most important and most influential communities, both in political and economic terms, during the republic period of Novgorod history. For the history of the Ends and their significance, see: A. V. Artsikhovskii, 'Городские концы в Древней Руси', *Исторические записки*, vol. 16 (1940); V. L. Ianin, *Новгородские посадники* (Moscow, 1962); idem, 'Проблемы социальной организации Новгородской республики', *История СССР*, 1 (1970); V. L. Ianin and M. Kh. Areshkovskii, 'Происхождение Новгорода (К постановке проблемы)', *История СССР*, 2 (1971); M. Kh. Areshkovskii, 'Социальные основы формирования территории Новгорода', *Советская Археология*, 3 (1974); L. A. Fadeev, 'Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов', in: *Русский город: Историко-методологический сборник* (Moscow, 1976). Cf. Henrik Birnbaum, *Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State* (Los Angeles, 1981), pp. 55-81. For the details of the whole Troitsky Excavation including the homestead of Grechin, see: *Археологические открытия 1973 г.* (Moscow, 1974), pp. 35-8 (henceforward referred to as *АО 1973 г.*); *АО 1974 г.* (M., 1975), pp. 44-7; *АО 1975 г.* (M., 1976), pp. 48-51; *АО 1976 г.* (M., 1977), pp. 36-8; *АО 1977 г.* (M., 1978), pp. 42-5; *АО 1978 г.* (M., 1979), pp. 45-7; *АО 1979 г.* (M., 1980), pp. 39-42; *АО 1980 г.* (M., 1981), pp. 37-9; *АО 1981 г.* (M., 1983), pp. 43-6; *АО 1982 г.* (M., 1984), pp. 37-40.

parallel streets lying east to west, crossing Proboinaia Street.¹⁶ The streets, which are 3-4 meters wide, are paved by a decking of pine logs.¹⁷ The homestead of "Grechin" was found at the south-east corner of Proboinaia Street and Chernitsyna (Nun) Street, the fourth street counting south from Dobrynina Street, the most northern and the nearest street to the Citadel.¹⁸ The home site is square in shape with 27 meters east to west and 26 meters south to north, and is enclosed by stake fences. The fence gate is located along Proboinaia Street. In the yard, there are five wooden buildings of various sizes along the east and south fences, making a hook-shape. The lot at the north-west corner is enclosed by the two streets and serves as a garden. The gateway leading to the main building is also paved by logs. Many finds from this excavation indicate that at least one painter lived in the homestead and worked on the production of icons at the atelier located on the site.¹⁹ In addition, birch-bark documents indicating that the painter was probably also a clergyman and was usually called "Grechin" were found. One of them suggests that he was of high social standing either as a clergyman or as a painter. As will be apparent below there is a high probability that the painter Grechin and Grechin, the nominee for the post of archbishop, mentioned in the Chronicle, were the same person. Thus, in our search for more detail regarding Grechin we had the opportunity to combine two kinds of materials: archaeologi-

¹⁶ For the topography of medieval Novgorod, see: S. N. Orlov, 'К топографии Новгорода X-XVI вв.', in: *Новгород: К 1100 -летию города* (Moscow, 1964), pp. 264-85.

¹⁷ Most of the main streets in the city were paved by a decking of pine logs. According to S. N. Orlov, such streets were found about sixty in number: *ibid.*, p. 265. Paving of the streets in the city were imposed as a kind of tax on the population both in the city and the country. See: *Памятники Русского Права*, part 1 (Moscow, 1952), pp. 207, 213-17; V. L. Ianin, *Устав князя Ярослава о мостех*, in: *Очерки комплексного источниковедения* (Moscow, 1977), pp. 91-122.

¹⁸ For the details of the topography of Liudin End and the place around the homestead of Grechin, see: B. A. Kolchin, A. S. Khoroshev, and V. L. Ianin, *Усадьба новгородского художника XII в.* (Moscow, 1981), pp. 5-31. The name Chernitsyna (Nun) came from the St. Varvara convent, which was located on the same street and 200 meters west of Grechin's homestead.

¹⁹ The details of the layout and structure of Grechin's homestead and the analysis of various excavated articles for daily use are given in the book in footnote 18 above. See: *ibid.*, pp. 50-113. The chronology of the strata of this home site from the second half of the 12th century to the beginning of the 13th century is discussed in detail pp. 32-42, and various finds related to icon production pp. 114-35 of the same book.

cal data obtained from a street corner of medieval Liudin End, and the well-known written document, the Novgorod Chronicle.²⁰

The discovery of the homestead of Grechin is a part of the Troitsky Excavation which began in 1973 and is still going on. The digging took place at the intersection of Proboinaia and Nun Streets and its vicinities, which were occupied by five homesteads in total. The cultural deposit in the excavation contains a number of well-preserved finds and wooden structures from the 10th to 15th centuries. Twenty-seven layers of wooden pavement of Nun Street piled up during the period from the 10th to 15th centuries. Many layers of logs used as a foundation and remains of wooden buildings of each period were unearthed. Needless to say, we can find a history of residents in this homestead both before and after Grechin. But the finds which tell us about the life history of Grechin as an icon painter or a clergymen belong only to the second half of the 12th century through the beginning of the 13th century, and they have no bearing on the residents before and after Grechin. The reason for this discontinuity might be that he was a foreigner from a remote country. He came to live here around the eighties of the 12th century and lost everything in a big fire in 1209, after which traces of his activities at the homestead site completely disappear. A new house was built at the site, but the new residents had nothing to do with the clergy nor with icon painting. Thus, it would be reasonable to investigate this homestead only for the period of 20 to 30 years when Grechin was living on Nun Street. In 1981 the specialists of Moscow State University who participated in this excavation published their study on the homestead of Grechin for the period during which he was living there.²¹ The research was conducted from 1973 through 1977 as part of the Troitsky Excavation which is going on still now. Supplementary reports on the excavation after 1977 in addition to this publication, cover almost all the archaeological information on the homestead of Grechin.²² To what extent could the archaeological information obtained from Nun Street increase our knowledge of "Grechin" from the Chronicle and what kinds of new questions does it raise?

²⁰ As an apt and brief introduction to the comprehensive research of recorded sources and the materials excavated from painter Grechin's homestead in 1973-1977, the most recommendable is: V. L. Ianin, *Открытие художественной мастерской XII в. в Новгороде*, *Вестник Академии Наук ССР* (1980), No 1, pp. 112-21.

²¹ B. A. Kolchin, A. S. Khoroshev, and V. L. Ianin, *Усадьба новгородского художника XII в.* (Moscow, 1981), pp. 3-167 (henceforward referred to as: B. A. Kolchin et al., *Усадьба*).

²² The west half of Grechin's homestead that remained unearthed in 1973-1977, was completely excavated in 1981-1982. An outline of the findings in the excavation in 1981-1982 will be found in: *AO 1981 г.*, pp. 43-6; *AO 1982 г.*, pp. 37-40.

II

The most direct evidence showing that the Grechin who lived on Nun Street was a professional icon painter are the letters placing orders for icons. Thirty-one birch-bark documents in total were revealed in the layers from the second half of the 12th century to the beginning of the 13th century.²³ Most of them are lists of Russian baptismal names (Saints' names). This type of documents was unknown to us before (we will touch upon these documents later). Along with the lists, three letters addressed to Grechin were also found.²⁴ Two of them were sent by a priest: one is a letter of order for icon production, the other is a reference to an icon painting previously ordered. The former is as follows:

"Greeting from the priest to Grechin (Покланияие от попа к Грыциноу). Please paint two icons with two angels with six wings each. The icons will be placed on the tier just above the Deesis. Kissing you. The remuneration will be decided by God, but please let me know all the terms" (No. 549 1196-1209.)²⁵ "Angel with six wings" means seraph, the highest of nine ranks

²³ The number of the birch-bark documents found by 1982 in the Troitsky Excavation was 73, of which 31 were unearthed from the homestead of Grechin in his period. See: V. L. Ianin and E. A. Rybina, *Открытие древнего Новгорода*, in: *Путешествие в древность* (Moscow, 1983), p. 172.

²⁴ No. 502 (1196-1209), *НГБ. 1962-1976 гг.*, pp. 96-9; No. 549 (1196-1209), No. 558 (1196-1209), *НГБ. 1977-1983 гг.*, pp. 20-2, 30. All of these documents were revealed from the layer parallel with the 13th level (counting from the newest) of log-constructed street pavement which was dated at 1196-1209 by the application of tree-ring analysis of the wood (dendrochronology). The first letter addressed to Grechin, No. 502, will be referred to below. See footnote 77 infra. Except three letters, a little birch-bark document, on which was written just the name грицынь, was discovered. No. 546 (1196-1209), *НГБ. 1977-1983 гг.*, p. 17. This is considered to be a kind of label attached to goods sent to the Grechin's homestead. Thus far, six similar documents have been found in other excavations in Novgorod: No. 58, 79, 319, 323, 498, 499. *НГБ. 1952 г.*, pp. 60, 79; *НГБ. 1958-1961 гг.*, pp. 9, 13; *НГБ. 1962-1976 гг.*, pp. 55, 92.

²⁵ *НГБ. 1977-1983 гг.* pp. 20-2. The word "reward" or "remuneration" (мезда) used in the second half of this letter attracts our attention. Since icon-making was originally regarded as a holy work, "selling" or "buying" icons was considered to be blasphemous. Therefore, the act of trading icons was often expressed through other verbs, for instance, "exchange" (променивать) instead of "sell," or "obtain" (выменивать) instead of "buy." In the account book of St. Sophia Cathedral in Novgorod (16th century) we can often recognize the cases recording the purchase of icons when the verb выменить is used. See: S. V. Bakhrushin, *Научные труды*, vol. 1 (Moscow, 1952), pp. 104-5; B. D. Grekov, *Избранные труды*, vol. 3 (Moscow, 1960), pp. 82-3.

among angels.²⁶ Since the letter indicates that the icons are to be placed just above the Deesis²⁷ — which is a combination of three icons, "Christ," "the Virgin" and "John the Baptist" — it is obvious that these icons are to decorate the iconostasis of a church. The other letter is shorter: "From the priest Mina to Grechin (От попа от Минь ко Грициноу). Please bring with you the icons with seraphs by St. Peter's Day. [June 29]" (No. 558. 1196-1209).²⁸ Both letters are in the same handwriting. Priest Mina, the person who placed the orders, seems to have been ordering icons at that time for his newly-built church. It may be that his church was located some distance from Novgorod, since letters would not have been necessary to send from a location within the city. In any event, the

²⁶ In the Christian mystical theology there are nine ranks of angels: seraphim, cherubim, virtues, powers, principalities, dominions, thrones, archangels and angels. Together they comprise a hierarchy or choir of angels in the heavenly realm. As objects of devotion, most attention and veneration has been given to the four angels mentioned in the Old Testament: seraphim, cherubim, and the archangels Gabriel and Michael. In icons and in murals of churches the last two angels appear most frequently, but six-winged seraphim as well as four-winged cherubim, the second highest angel, sometimes are depicted. A seraph painted in Russian icons or frescoes often appears as only a face at the center of six wings spread in all directions. The Adoration of the Cross, a famous Novgorod icon of the 12th century which belongs to a Byzantine trend and which V. N. Lazarev is inclined to regard as one of "Grechin's" works, depicts two six-winged seraphim together with two cherubim on the top of the icon. As far as fresco in Novgorod is concerned, we can see the figures of seraphim, for instance, in the famous mural in the church of the Saviour of the Transfiguration on Il'in Street that Feofan Grek painted in 1378. See: V. N. Lazarev, *Новгородская иконопись* (Moscow, 1976), pp. 11-12, pl. 9; K. Onasch, *Icons* (London, 1961), pl. 11 & p. 348; G. I. Vzdornov, *Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. К 600-летию существования фресок 1378-1978* (Moscow, 1976), pp. 26-55.

²⁷ The Deesis or Deisus (дeисус) is from Greek δέησις (prayer) and in iconography means the combination of Jesus Christ flanked by the Virgin, usually on his right and St. John the Baptist, usually on his left. It is also called "Trimorphon" (Three Figures). It might consist of whole figures, half-length or even only heads. The Orthodox Churches in general attached more significance to this triple icon than others. The Russian iconostas developed upward and sideward from this icon. See: S. Hamada, *Ikon no sekai* [The world of icons] (Tokyo), pp. 61-72; N. P. Kondakov, *The Russian Icon* (Oxford, 1928), pp. 30-1.

²⁸ НГБ. 1977-1983 гг., р. 30. От попа от Минь ко Грициноу. А боуди семо ко Петровоу дени сы икоунами сер(а)фімо. The last word of this letter is unclear. In the book published in 1981 V. L. Ianin read this word as сы трімо (с tremя), but at the place cited above he interpreted it as сер(а)фімо, assenting to the opinion of A. A. Zalizniak. If the latter is correct, this letter comes to be the reference to the icons ordered by the first letter (No. 549). Cf. B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 141.

most noteworthy point is the fact that Grechin was a professional icon painter who painted icons used to decorate iconostases and walls of churches.

Icon painting is the most developed genre among the religious arts introduced into Russia from Byzantium. As is frequently noted, nowhere was icon painting so popular as in Russia within the realm of the Orthodox Church.²⁹ According to G. I. Vzdornov, a specialist in Russian art history, the fundamental reason for this phenomenon is that most medieval Russian churches were made of wood, in which the walls could not be decorated with frescoes. "The only way left was to decorate the most important part, if not all, of the walls with icons, and moreover, with so many icons as to be able to substitute for frescoes. For this reason, in Russia a large number of icons can be found, and in addition they are various in their motifs. The importance of icons in the ancient Rus's art history is just the same as that of mosaics and frescoes in Byzantine and south Slavic art history respectively."³⁰

Undoubtedly, a number of stone-built churches were constructed in Novgorod, as well as in Kiev, Vladimir and Moscow, and therefore, there were many cases where church walls were decorated with frescoes.³¹ Let's pay our attention to the description of the Chronicle for the end of the 12th century, when Grechin was playing an active part in Novgorod. The walls of the church of the Holy Annunciation at St. Arkadhi Monastery were painted in 1189, and the walls of the church of Holy Transfiguration in the Gorodishche and the church of Holy Savior at Staraiia Russa were painted in 1199. Besides these, the church of the Holy Mother of God at the Citadel's gate was decorated, as we already know, with a fresco by "Grechin Petrovich" in 1196.³² There is a strong possibility that Grechin on Nun Street was the same painter as the Grechin Petrovich mentioned in the entry of 1196. Therefore it may be certain that our Grechin (if so, his full name have been Olisei Petrovich Grechin) painted walls as well, not only icons. Indeed, Professor V. L. Ianin suggests an interesting hypothesis that the frescoes of the church of the Transfiguration at Neredita,³³ which was the most grandiose

²⁹ G. I. Vzdornov, 'Живопись', in: *Очерки русской культуры XIII-XV вв.*, part 2 (Moscow, 1969), p. 319.

³⁰ Ibid.

³¹ N. G. Porfiridov, *Древний Новгород* (Moscow and Leningrad), pp. 249-89. According to a personal information from Dr. Jack Kollman (UC Berkeley) who counted the number of masonry churches built in medieval Novgorod, their number is roughly 105: 10 from 1045 to 1198 and 95 from 1200 to 1470.

³² НПЛ; pp. 39, 42, 44, 230, 238.

³³ This church, one of the typical Novgorodian churches of the 12th century, was built by prince Iaroslav Vladimirovich in 1198 on Neredita Hill, outskirts of the city. It was famous for its many well-preserved 12th century frescoes, but was destroyed by German shelling during the second World War. About the architecture and

mural of 12th-century Novgorod, were the result of a collaborative work of all the Novgorodian painters under the direction of Grechin.³⁴

Aside from wall painting as mentioned above, however, the main work of Grechin in Novgorod must have been icon painting. As G. I. Vzdornov points out, the number of masonry churches in Novgorod, Kiev, Vladimir and other areas was "a drop in the ocean,"³⁵ compared with the number of wooden churches in the whole of Russia. Even in Novgorod, where an exceptionally large number of masonry churches had been constructed, wooden churches outnumbered the stone ones. We can safely say that virtually the whole city Novgorod was made of wood. The wooden churches, therefore, were often damaged or destroyed by fire and reconstructed each time. When we look at church construction in Novgorod during the last 30 years of the 12th century, for example, the rebuilding of old churches comprises half of the total construction activity.³⁶ It is quite possible that Grechin received many orders for icon paintings to be placed in those wooden churches.

An additional set of circumstances resulted in an increase in the number of orders for icons and murals during the period in which Grechin lived in Novgorod. The republican reform which began in the first half of the 12th century developed further by the second half of the century when he began his work in the city. This reform brought significant changes in the character of churches themselves. Until the beginning of the 12th century the main political group to provide church financial support with the expectation of ideological backup was the "*Kniaz'*" (Prince) class. But by the second half of the century an increase in popular support for churches developed among broader social classes.³⁷ This produced much change in the social composition of church builders. By the end of the century *boiars*, merchants, merchant guilds and district communities of Ends (концы) and Streets (улицы) began constructing churches. The number of churches constructed by archbishops also increased. Archbishops had built up a closer connection with the *boiars* by this time and were already free from the influence of the Princes.³⁸ The "popularization" of churches is also reflected in the form of the newly-built churches themselves. M. Karger, a

murals of this church before destruction, see: A. Strokov and V. Bogusevich, *Новгород Великий* (Leningrad, 1939), pp. 50-8 D. S. Likhachev, *Новгород Великий: Очерк истории культуры новгорода XI-XVII вв.* (Leningrad, 1945), pp. 26-30.

³⁴ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 156-66.

³⁵ G. I. Vzdornov, op. cit., p. 319.

³⁶ N. Dejevsky, 'The Church of Novgorod: The Overall Pattern', *California Slavic Studies*, 12, p. 222.

³⁷ A. S. Khoroshev, op. cit., p. 32; N. G. Porfiridov, op. cit., pp. 256-7.

³⁸ A. S. Khoroshev, op. cit., p. 40.

specialist in medieval Russian architecture, writes as follows: "Thus, the new form of churches emerged in Novgorod at the second half of the 12th century. The churches built before were luxurious, but they were small in number. New churches were far smaller, simpler and homely, but constructed in great numbers."³⁹ According to N. Dejevsky, who made a count of the churches built and recorded in the Novgorod Chronicle, the number constructed in the first third of the 12th century was nine, in the second third — 12, and in the last third — 34.⁴⁰ These changes in the social component of church supporters, and in the number and scale of churches were accompanied by a change in their location and function as well. The churches once constructed mainly in the places strongly associated with the official functions and power structure of the city, such as "Market", "Citadel" and "Gorodishche", began to be built also in the places where people were spending most of their time in everyday life, such as Ends and Streets. The number of churches continued to increase until the 14th century, and became more and more an indispensable part of the everyday lives of the people. Grechin happened to come to Novgorod in the days when such social changes started. Thus the orders for icons received by Grechin were placed by many "small, simple and homely" churches, which were built mainly by *boiars*, merchants, and the communities of Ends and Streets.

III

Grechin, however, painted not only large icons for churches, but also a larger number of the ones for home and private use. We can easily guess that the building at the north-east corner of his homestead yard was his atelier, since from that place were excavated dozens of various instruments, raw materials and half-finished goods all of which are associated with icon paintings: natural pigments of various color, metals and minerals from which artificial pigments were made,⁴¹ vessels in which pigments are processed,⁴² decorative metal plate for

³⁹ M. Karger, *Novgorod the Great* (Moscow, 1973), p. 22; N. G. Porfiridov, op. cit., pp. 255-7.

⁴⁰ N. Dejevsky, op. cit., pp. 221-3

⁴¹ Natural mineral pigments excavated in Grechin's yard vary widely both in colors (lemon, orange, red, blue, green, light-yellow, etc.) and their places of origin (Caucasia, the Balkans, Ukraine, Ural, Russia). As material for artificial pigments, lead plates (for making white lead by acetic acid), copper plates (for making green salt), mercury and sulphur (for making mercury sulfide, i.e. cinnabar), and others were found. In addition, beeswax, varnish, gelatine, gold and silver leaves for icon production were also unearthed. B. A. Kolchin et al, *Усадьба*, pp. 122-8.

covering icons,⁴³ the instruments for making them and a large amount of amber from which varnish was made. The finds include 17 small icon-panels for domestic use.⁴⁴ Most panels average eight cm in width and ten cm in length, with the largest one 15 cm in width and 20 cm in length. The range of the thickness is from 6 to 17 mm, and the average is about 10 mm. Their shape is either rectangular or rectangular with semicircular head. There are also a few folding icons, divided vertically at the center.⁴⁵ Wood for panels is pine or fir.⁴⁶ The center of panel, the flat surface for painting, is 2-3 mm deep, leaving a narrow raised border around the edge.⁴⁷ There are a few panels with red paint on them.⁴⁸ They are obviously icons left unfinished. According to some examples from the later period, panels for icons were usually processed not by painters, but by special craftsmen in wood. It remains unclear whether during Grechin's time, the plates for icons were made by designated craftsmen or the painters themselves. There is no doubt that some apprentices were living with Grechin and so it may be possi-

⁴² Various kinds of pottery vessels: bowls, pots, plates and cups which were used for preserving, crushing and dissolving mineral pigments; melting pots for making cinnabar; pots for heating amber and oil to make olifa (coating oil for icon); melting pots, stove and forge for processing pigments and so on; *ibid.*, pp. 120-2.

⁴³ Decorative metal cover for icons (called basma, riza or oklad), usually made of silver and decorated with precious stones. Riza is a metal plate that covers nearly the whole icon, leaving visible only flesh parts at the face and hands of saints through holes in the plate; an oklad may also cover all except the figure of saints. Both kinds of basma, riza and oklad, were found in Grechin's homestead. It is often speculated that these cover plates began to be used, under Greek influence, in the 14th century Russia (for example, N. P. Kondakov, *The Russian Icon* (Oxford, 1927), p. 37). These findings, however, indicated that basma was already used in the 12th-13th centuries Russia: *ibid.*, pp. 129-35; K. Onasch, *Icons* (London, 1963), pp. 419, 421.

⁴⁴ *Ibid.*, pp. 116-20.

⁴⁵ There are two kinds of folding icon: two-fold and three-fold icon that were called *диптих* and *триптих* in Russia respectively.

⁴⁶ Linden (lime) trees were sometimes considered to be the ideal material for icon-panel, but in Novgorod and Pskov pine and fir trees were most widely used for icon production. Eighty percent of the icon-panels excavated at the Grechin's atelier were pine tree.

⁴⁷ This hollowed-out center part of the icon is called "kovcheg" (ковчег), and its depth seems to have varied according to the time. The kovcheg of small icons excavated in Grechin's homestead had a variation from 2 to 5 mm in depth. The kovcheg is covered with a layer of gesso and then a piece of linen (povoloka) is laid on to this. In addition the povoloka is coated with a layer of alabaster-like plaster (levkas) which forms an actual painting base. On this the outlines are drawn in red and then painted by tempera. After painting is dry, it is coated with varnish (olifa). See: K. Onasch, *Icons*, p. 29.

⁴⁸ In this case surface of "kovcheg" was painted directly without the undercoating of plaster (levkas).

ble that he divided his work among those apprentices. In either case, these 17 small icon plates of all sizes and shapes witness the fact that Grechin was probably accepting the order for icons of domestic or private use.

What kind of images did he paint on these panels? The name of a saint **Фалей** in its possessive form (**Фалея**) was found on the back of a panel excavated in 1982. **Фалей** is a colloquial form of **Фалалей**.⁴⁹ The saint was to be painted on the panel. The name was carved with the same metal stylus as was used to write birch-bark documents. On one of the birch-bark documents was found a kind of draft which was obviously drawn as "a composition" of an icon (No. 553).⁵⁰ The abbreviation of Christ, IC XC,⁵¹ which is often used in frescoes and icons, is carved at the center of the document, and the names of four saints are written on both sides of the abbreviation, two names on each side, vertically from top to bottom just as in Japanese writing. It looks as if four saints are standing side by side with Christ in the center. At the right side of Christ are standing Anna and Grigorii, and at the left side, Zakhari and Feodosi respectively. The composition in which a few saints are standing abreast, facing front, can often be found among the Novgorod icons of the 14th century,⁵² but the document indicates that Grechin was already using this composition at the end of the 12th century. In addition, on one of the birch-bark documents unearthed in 1982 were found six names to be painted on four icons as follows: "Dmitri and Khristina on the first [icon], Ivan and Maria on the second, Ivan on the third, and Semeon on the fourth" (No. 602. 1196-1209).⁵³ The names are written in the possessive case, like "of somebody". Being judged from its contents, the document implies that the painter accepted the order for four icons to be painted with six saints on them. All of them seem to be icons of patron-saints for domestic use. Were the icons with a pair, such as Dmitri and Khristina, and Ivan and Maria, ordered by spouses? The discovery of birch-bark document No. 602 offers an important suggestion to the interpretation of a series of documents excavated in the homestead of Grechin.

The excavation of Grechin's homestead from 1973 to 1975 revealed a total of 29 birch-bark documents in the layers from 1172 to 1209. Eighteen of the 29 documents are lists of baptismal names (saints names) of the Russians. This type

⁴⁹ Словарь русских личных имен (Moscow, 1960), p. 213.

⁵⁰ НГБ. 1977-1983 гг., pp. 26-8; B. A. Kolchin et al, Усадьба, p. 145.

⁵¹ A list of Greek and Slavonic contractions which are used in iconography is seen at the end of the book cited in footnote 27 supra: Y. Hamada, *Ikon no sekai*.

⁵² V. N. Lazarev, *Новгородская иконопись*, pp. 23-4, pl. 26, 27, 28.

⁵³ НГБ. 1977-1983 гг., pp. 65-6; АО 1982 г. (M., 1984), p. 38.

of record was a new discovery.⁵⁴ All the names were written either in their nominative or possessive case. The total number of names written on the 17 documents, including both male and female, is 106, but there are names repeatedly referred to in different documents, and, therefore, 56 different names are found on the documents: 35 male and 21 female names.⁵⁵ A document, for example, has 13 names on it, but there is also a fragment which has only one name on it. Some names can be found a few times on one document, and also can be repeatedly referred to on different documents (Georgi, Prokopi, Ivan, Sophia, Anastasia, Maria, Christina, etc.). On the other hand, there are names which can be found only once (Panteleimon, Iria, Kiril, Foma, Marianna, etc.). What was this list of names?

According to the interpretation by the authors of the book mentioned above, those documents are a kind of priest's memoranda of his parishioners' names for whom he was to pray to God for "health" or "consolation of the soul" on a specified day. The authors presume that a priest made note of the names (including both living and dead) and dates for the services to be provided for them.⁵⁶ They based their argument on the following short statement. "Ioshif, Onufri, bless these people (*милостиви на сиа*), Sophia, Feodosia, Iuliana, Pelagea, Dmitri, Paulo, Eudochia, Eufimia, Georgi, Milopia" (No. 508 1196-1209).⁵⁷ Based on the fact that according to the church calendar the feast day of the first two saints, Ioshif and Onufri, falls on the same day, January 4, they argue that the priest wrote down the ten names for whom the service should be held on the day designated by two saints' names, that is, on the 4th of January. The authors attempt to find a pattern that, when there are names both in the nominative and possessive cases in one document, a name in its nominative form represents the name of a Saint (i.e. date) in the church calendar, and a name in its possessive form expresses his parishioner's name for whom the service should be held.

However, their argument does not appear to be successful. In most documents the names are written in their nominative case (rarely in their possessive case), and therefore do not provide convincing basis for distinguishing "date" (saint names) from "parishioners' names." It is not necessarily true that the statement, "Bless these people," is addressed to the alleged "two saints" at the beginning of document No. 508. It would rather be the case that the painter who is

⁵⁴ No. 504, 506, 508, 522, 541, 542, 544, 545, 551, 553, 554, 555, 557, 559, 560, 561, 595, 602. See: *НГБ. 1962-1976 гг.* (No. 406-539); *НГБ. 1977-1983 гг.* (No. 540-614); B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 43-52.

⁵⁵ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 55-6, pl. 2.

⁵⁶ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 48.

⁵⁷ *НГБ. 1962-1976 гг.*, pp. 103-4.

also a clergyman inserted his comment, meaning "God, please bless these icons I will paint," while he was writing down the names of the saints with figures of whom the icons were to be painted. A similar situation can be seen in document No. 542. "Manuila, Klimiata, amen, Anna, Sophia, Anastasia" (No. 542. 1196-1209).⁵⁸ All the names are written in their nominative case, and "amen" (амин) is inserted in between. In this case it is also very unlikely that the meanings of the names before and after the insertion are different. A point of more importance is the fact that some of those birch-bark documents of names are clearly associated with icons. As we already mentioned above, the document No. 553, which has four names written vertically with Christ at the center, show a composition of an icon. The authors agree with this point in their book.⁵⁹ The way of writing names vertically and placing them side by side, as seen in this document, however, can also be found in document No. 522. As far as the names on the back of document No. 553 are concerned, some are written horizontally, and others vertically.⁶⁰ Thus, names which were written as part of an icon's composition and names written horizontally in a normal way, cannot be differentiated from each other. It is not reasonable to associate one of the two documents, No. 553 and No. 522, both similar in content and style of writing, with an icon, and the other with the memoranda of a priest for church services. Just as the four names in document No. 553 designated a composition of an icon to be painted, the lists of names in other documents have to be recognized as those of saints, who were to be painted or had been painted on each icon. The decisive evidence for this is the above-mentioned document No. 602 excavated in 1982. Evidently this also belongs to the so-called name-list documents, but in this document six names are allotted to four "something". This "something" can only be supposed to be icons, and therefore, those names signify the names of saints to be painted on them.⁶¹

About thirty lists of names excavated in the yard of Grechin's homestead are probably the lists of saints whom Grechin was ordered to paint on icons at his atelier on Nun Street. These records functioned sometime as memoranda in order not to mix up the orders, and sometimes were written as layouts of holy images the painter was composing in his mind. As a result, these documents witness that during about 20-plus years at the end of the 12th century Olisei Grechin painted at least 106 holy images, including 56 kinds of saints, on various icons both in size and form.

⁵⁸НГБ. 1977-1983 гг., p. 15; B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 50.

⁵⁹ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 145.

⁶⁰НГБ. 1977-1983 гг., pp. 26-8; B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 48-9, 52.

⁶¹ See p. 15 and footnote 53 supra.

IV

It becomes clear that the name "Grechin" was an epithet given to a painter living in Novgorod, but it is still not known whether he was naturalized from the Byzantine Empire, or just a descendant of a resident of Greek origin. Judging from circumstantial evidence, however, it is probable that he was originally from Greece. Compound letters (a union of two alphabets) which are seldom found in Russian records of the 12th century are used repeatedly in those birch-bark records which we referred to as name-list documents in the preceding section. Some examples of these compound letters are: (п and и), (т and и), (н and и), (и and н), (м and п), (т and п).⁶² V. L. Ianin considers this as one of Grechin's "Greek characteristics."⁶³ If so, then a series of name documents come to have been written by Grechin himself. A Greek name written in the Cyrillic was also found along with the documents of names. МЕРКОУРІО ТО СТРАТИЛАТІ (No. 552. 1196-1209).⁶⁴ "Merkourios the Warrior" was a saint especially popular in Smolensk.⁶⁵ He is also a saint probably painted by Grechin. The descendants of Rostislav, the Prince of Smolensk,⁶⁶ came to Novgorod one after another and received the post of Prince during the period from the end of the 12th century to the beginning of the 13th century. Therefore, this icon might have been ordered by one of them. The compound letters discussed above are used three times in this short record of only one saint's name. It is not unlikely that some "Russian" who could write a name of a saint in Greek lived in Novgorod at the time when there was close contact between Novgorod and the Byzantine Empire.⁶⁷ But because

⁶² B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 48, 52-3.

⁶³ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 149. But later V. L. Ianin seems to have changed his previous interpretation. See: *НГБ. 1977-1983 гг.*, p. 25.

⁶⁴ *НГБ. 1977-1983 гг.*, p. 25; B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 147.

⁶⁵ The first Prince of Smolensk, Viacheslav (1054-57), a son of Yaroslav the Wise, was baptized as "Merkurii" after St. Merkourios the Warrior of Caesarea. Later, St. Merkuriy was venerated as the patron saint of the city of Smolensk. See: V. L. Ianin, *Актовые печати Древней Руси X-XV вв.*, vol. 1 (Moscow, 1970), p. 16.

⁶⁶ The actual founder of Smolensk Principality was Rostislav Mstislavich, a son of Mstislav Vladimirovich, a grand-son of Vladimir Monomakh. He is famous also for his "Ustavnaia Gramota" of 1150, which was given to the bishop of Smolensk. His sons, Sviatoslav, Mstislav, David, Roman, as well as grandsons, were invited to the throne of Novgorod one after another.

⁶⁷ Nifont, the bishop of Novgorod in the middle of the 12th century, was a remarkable Grecophile, always attracted to Constantinople. In 1186 Aleksios Komnenos, a relative of the Byzantine Emperor, Manuelos Komnenos, went to Novgorod. Novgorodians, too, often went on pilgrimages to the Holy places: Jerusalem, Mt. Athos and above all, Constantinople. Dobrynja Iadreikovich who later became archbishop Antonii of Novgorod, visited Constantinople at the end of the

the person's name was "Grechin," our impression that he was perhaps a Greek is deepened.

Additional circumstantial evidence appears in the form of fragments of amphorae which were unearthed from the homestead of Grechin. The fragments of 18 amphorae, vessels used for transporting olive oil and wine from Mediterranean countries, were found. They correspond to 20 percent of all the amphorae excavated so far in the whole of Novgorod. This amount is extremely large as the findings from a layer of one generation in one homestead. Two types of amphora were found in his yard: one is a Cherson type from the Crimea, the other is so far unknown but similar to one from the Aegean sea region.⁶⁸ The varnish (olifa) with which icons were to be coated was made by melting amber in boiling oil, and therefore, a large number of small grains of amber which was used for preparing varnish, as well as a copper pot in which oil and amber were heated, were excavated in the atelier of Grechin.⁶⁹ Grechin must have been making varnish using olive oil transported in amphorae from the Mediterranean and amber from the Baltic Sea, even though vegetable drying linseed oil which was abundant in Novgorod and its vicinity could have been used for varnish making. Is it not reasonable to infer that Grechin kept an artisan-like "attachment" to olive oil, having studied in Greece in his youth? In any event, it is certain that these amphorae witness the association of Grechin with the Mediterranean and the Black Sea.

Only three painters are named in the Novgorod Chronicles throughout the period of the republican city-state. The first is "Grechin Petrovich" (1296), the second is "Isaiah Grechin" (1338),⁷⁰ and the last is the famous "Feofan Grek" (1378).⁷¹ Curiously enough, all three painters are called "Greek" (Grechin or

12th century. His travel account is one of the earliest Russian descriptions about the holy places of the Christian East. See: T. G. Stavrou and P. R. Weisensel, *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century* (Colombus, 1985), pp. 5-7.

⁶⁸ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 86-90.

⁶⁹ Ibid., pp. 122, 128.

⁷⁰ НПЛ, pp. 348, 350, 361. "The same year on May 4, Martyr St. Serivan Day, the archbishop Vasili ordered Isaia Grechin and others to paint the walls of the church of Holy Our Lord's Entrance to Jerusalem, and they started painting on the same day" (1338). Besides these a painter called Stanilo is mentioned in the entry of 1230 in some copies of the First Novgorod Chronicle. But Stanilo is referred to in connection with his good deed in the big famine that year. See НПЛ, p. 277.

⁷¹ Unlike the Moscow Chronicles in which Feofan Grek were referred to several times, the Novgorod Chronicle (the Third Novgorod Chronicle) mentioned him only once in the entry of 1378. Feofan was reported to have painted the murals of the church of Our Saviour of the Transfiguration in Il'in Street. "In the year 6886 [1378] the church of Holy Virgin and Our Saviour of the Transfiguration was painted by order of noble and pious boiarin Vasili Danilovich with all dwellers of Il'in Street.

Grek), which implies the high reputation and great influence of Byzantine style in medieval Novgorod painting. Furthermore, since the names of painters are rarely mentioned in the Chronicle, they must have been highly appreciated in their times in Novgorod. As is generally known, Novgorod was a center of icon painting until the 15th century in Russia. Icon painting flourished first in the 12th century through the 13th century in Novgorod, and reached its zenith from the end of the 14th century to the end of the 15th century.⁷² The golden age of Novgorodian icons was opened by Theophanes (Feofan) the Greek, who came to Novgorod in the seventies of the 14th century by the invitation of the archbishop. He studied in Constantinople, then visited and worked in Galata, Carchedon and Caffa in Crimea. After that, he went to Novgorod, stayed for about 20 years, then moved to Moscow in the 1390's. He died in about 1410 in Russia. Among the Greek painters who worked actively in the medieval Russia, Feofan Grek is thus far the earliest whose works are somewhat ascertainable identified and whose life and experiences are more or less known to us.⁷³ We have little information on the details of life of painters before Feofan. From knowledge of Grechin's activities, it is now possible to learn of a Greek painter who settled in Novgorod before Feofan. But we know nothing about his career before he came to Novgorod. The question of whether he came originally from the Crimea or from Constantinople or from some other place remains a mystery.

From the excavation of Nun Street it becomes evident, however, that Grechin settled in Novgorod in the eighties of the 12th century, almost 200 years

Greek Master Feofan painted it when the grand prince was Dmitrii Ivanovich, the archbishop of Novgorod and Pskov was Aleksei. *Новгородские летописи (вторая и третья летописи)* (St Petersburg, 1879), p. 243. For his frescoes painted in the church, see: G. I. Vzdornov, *Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. К 600-летию существования фресок 1378-1978* (Moscow, 1976).

⁷² V. N. Lazarev, *Новгородская иконопись*, p. 5.

⁷³ About Feofan's career we can know from the letter which Epifani (Epiphanius the Wise), a monk of the Holy Trinity Monastery, wrote in 1415 to Kiril, the founder of the famous Monastery of the White Lake. According to Epifani, Feofan had decorated the walls of about 40 churches during his itinerary from Constantinople through Galata, Chalkedon, Caffa, Novgorod, Nizhnii-Novgorod and Moscow. See: G. I. Vzdornov, op. cit., pp. 285-6; idem, *Феофан Грек: Творческое наследие* (Moscow, 1983), pp. 39-52. About the literature on the works of Feofan Grek, see bibliography in Vzdornov's book above: *Феофан Грек*, pp. 329-31. Besides Vzdornov's book, the most recommended are: V. I. Lazarev, *Феофан Грек и его школа* (Moscow, 1961); M. V. Alpatov, 'Искусство Феофана Грека и учение исиахистов', *Византийский Временник*, 33 (1972), pp. 190-202; M. A. Il'in, *Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева* (Moscow, 1976).

before Feofan. The Chronicle tells us that one Aleksios Komnenos, who was a relative of the Byzantine Emperor Manuelos Komnenos, visited Novgorod in 1186. It might be reasonable to guess that Grechin went to Novgorod at that time.⁷⁴ Both Grechin and Feofan went to Novgorod first. But, unlike Feofan, the itinerant painter, Grechin settled down in Novgorod and acquired a social position there. As mentioned before, the Chronicle introduces him as a nominee for the archbishopric in the entry of 1193, almost 10 years after he started his activity as a painter in Novgorod. The archbishop Gavrilo (in monks Grigori), who had occupied his office since 1186, died in this year, and people began to choose a successor, by consulting with the Prince, the abbots, the people of St. Sophia and the priests. But, "some people wanted Mitlofan, some people Marturi, and other people preferred Grechin. A large conflict occurred between them, so someone proposed to 'draw lots on the altar of St. Sophia'. Lots were placed on the altar at once, and a holy service was conducted and a blind man was chosen to be sent from the *veche*. The blind man drew a lot of Marturi by the grace of God."⁷⁵ Novgorodians had acquired the right to select their own bishop from among the Novgorodian clergymen since 1156, and selected a common priest as a bishop in 1165. At this time they also succeeded in having the Novgorodian bishopric authorized as "archbishopric."⁷⁶ The election of 1193 was the fourth election since the bishopric became elective, the third since the Novgorodian bishop became the "archbishop," and was the first case where the *veche* split on the choice and the archbishop was chosen by drawing lots. Grechin, therefore, within only a ten year period, had obtained the social confidence of the Novgorodians to the extent that he was recommended for the archbishopric. The fact that he was nominated for the archbishopric clearly shows that he was a clergymen.

But, whether he could secure his social position mainly owing to his reputation as a painter or his clerical and political abilities is an open question. There is, however, one birch-bark document which describes him as a man of social influence. That is a letter, addressed to Grechin from Milosrav, concerning a preliminary arrangement for a trial scheduled in the near future. In this letter

⁷⁴ НПЛ, pp. 38, 228. The Chronicle tells that in 1186 Aleksios Komnenos, a son of Byzantine Emperor Manuelos Komnenos, came to Novgorod. But this record is, of course, wrong. Aleksios, the visitor to Novgorod, was a son of Emperor Manuelos's nephew.

⁷⁵ НПЛ, pp. 231-2.

⁷⁶ In 1163 as the successor to archbishop Arkadi the *veche* chose Iliia, who used to be a secular priest at the church of St. Vlasi. In 1165 his post was confirmed and at the same time authorized as "archbishopric" by the "Metropolitan of all Rus" in Kiev. Thereafter it was possible for the Novgorod archbishopric to have a direct relationship with the patriarchate of Constantinople. See: A. S. Khoroshev, op. cit., p. 36.

Miloslav is assigning Grechin a role in the trial.⁷⁷ Judicial power at that time was exercised under the joint administration of the Prince on the one hand and the republican executive authority selected by vote, such as mayor, on the other hand. The judges which represented the republic city-state were selected from among people of higher social or clerical standing. V. L. Ianin assumes this Miloslav to be "Miloshika Nezudnitch," the mayor himself at that time.⁷⁸ If this assumption is correct, then the fact that Grechin was a person of great social and political influence in Novgorod is said to be confirmed not only by the Chronicle, but also by the finds from Nun Street. A figure emerges in the historical records of a naturalized citizen who integrated himself into Novgorodian society as an influential clergyman and a painter, — not just as an itinerant Greek — and was intimately called "Grechin" by the Novgorodians.

V

The five buildings constructed in the fifties of the 12th century, where Grechin was living since the 1180's were destroyed by fire in 1194, a year after his failure to become archbishop. Soon after the fire, the site was covered with new ground, and five new wooden buildings, which were slightly different from the old ones, were built. The new buildings also had an atelier, and the work of painters was continued. In 1209, however, there was another fire, which destroyed the buildings entirely. This time, the buildings were not rebuilt until a few years later. In addition, new buildings looked far poorer than the former ones, and no trace of Grechin's life as a painter is evident.⁷⁹ Suppose he went to Novgorod in 1180 at the age of 25, making him 54 years old in 1209. Where did he go? It is difficult to think that he moved to another city, as Feofan did. No Russian city would have been more active and free both politically and economically, and none could have offered greater opportunities for painters than Novgorod at that time. Furthermore, it would have been difficult to give up his higher social standing achieved in Novgorod society.

He again appears in the Novgorod Chronicle 17 years after he disappeared from his homestead in Nun Street. The abbot of Iuriev Monastery, Savati, was struck down with a serious illness and at his death-bed, in 1226, appointed

⁷⁷ "From Miloslav to Olisei Grechin. When Gavko Polochanin next comes into the court, you should inquire of him where he has lived. You know well what happened when I caught Ivan and examined him in front of people. How will he answer?" (No. 502 1196-1209). *НГБ.* 1962-1976 гг., pp. 96-9.

⁷⁸ Ibid., p. 99; B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 138.

⁷⁹ B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, pp. 59-80.

"Grechin" as his successor. In his last moments, Savati "summoned archbishop Anton, Mayor Ivanko and all the citizens, and requested all his monastic order and citizens: 'choose for yourselves an abbot.' The people asked him, 'to whom would you like to give your blessing? He answered, 'I would like Grechin, the priest of SS. Constantin and Helen, to be appointed.' On the same day, March 2, St. Fedot's day they brought along Grechin, a good and God-fearing man and tonsured him. In the cathedral on the day of St. Feofilakt, March 8, he was officially appointed as an abbot."⁸⁰ This passage indicates that the position Grechin acquired after leaving Nun Street was that of the priest of the SS. Constantin and Helen. It is recorded in the Chronicle that this church was built in 1151, but the location is not known.⁸¹ According to the data on the land register of the 16th century, there were two churches of the same name.⁸² One of them was located on Ianeva Street and the other was on Rostokina Street. These two streets ran horizontally next to each other around the boundary between Nerevsky and Zagorodsky Ends. It is not evident which church Grechin was working for. In any event, it became clear that Grechin moved to the neighboring district within the St. Sophia Side, that is, from the south side (Liudin End) to the north side (Nerev End) of the Citadel.

After spending more than ten years as a parish priest on either Rostokina Street or Ianeva Street, and having attained an advanced age, Grechin came to gain an honorable position as the abbot of the Iuriev Monastery. It was an established precedent that the archbishop could be chosen from among the priests in Novgorod, but the case of Grechin also showed that there was a fair chance for even a priest among lay people to become the abbot of the most important monastery of the city. When a priest was tonsured as a monk, it was necessary for him to change his name to a monastic name. Olisei Grechin chose Sava for his monk-name, probably in honor of Savati who appointed Grechin his successor. There is a document dated 1226 witnessing his name change to Sava. On March 2, just after he was tonsured and changed his name, he transcribed a hymnary praising God. Perhaps he wanted to commemorate this honorable event. At the end of the hymnary, he appended the following sentence: "I, the sinful priest Sava, as a layman Grechin (Азъ попинъ грешный Сава, а мирськи Грычинъ), wrote these books."⁸³ On the basis of the fact that he calls himself Sava, but, at the same time, represents himself as a priest, it may be inferred that he transcribed

⁸⁰ НПЛ, pp. 65, 269-70.

⁸¹ НПЛ, pp. 29, 215.

⁸² V. V. Maikov, *Лиццовая книга по Новгороду Великому конца XVI в.* (St Petersburg, 1911), pp. 114, 117, 118, 127, 130.

⁸³ E. F. Karskii, *Славянская кирилловская палеография* (Leningrad, 1928), p. 46; B. A. Kolchin et al., *Усадьба*, p. 149.

this hymnary during a short period of time between March 2, when he was tonsured, and March 8, when he was officially appointed as abbot.⁸⁴

The fact that Grechin's name as a monk was Sava can also be ascertained from the Chronicle. The Chronicle states that the abbot of the monastery was released from his post for some reason (probably for political reasons, but the details are unknown) in 1231,⁸⁵ five years after Grechin took the abbacy. The chronicler names Sava as the abbot who was dismissed. Because the abbot had not been changed since Grechin received the post in 1226, there is no doubt that "Sava" was in fact Grechin. "In the winter of this year, Iaroslav, the archbishop Spiridon and the whole of Novgorod brought along the abbot Arseni, a mild and gentle man, from the monastery of the Holy Saviour in Khutin and gave him the post of the abbot of St. Georgi (Iuriev) Monastery. Then, they deprived Sava of the post and confined him in a cell. He fell ill, lay in bed for six weeks, and died on March 15, a Saturday, before morning task. He was buried by abbot Arseni and the whole monastic brotherhood."⁸⁶ Thus, a Greek painter Olisei Grechin died as Sava, a clergyman of higher rank. He was buried somewhere in the Iuriev Monastery, which to this day attracts many tourists as a showplace of Novgorod. On the basis of the above-mentioned assumption that he came to Novgorod at the age of about 25, at his death he was nearing the age of 80.

Grechin was referred to once again in the Chronicle entry of 1229 — which was two years before his death — when he was nominated a second time to become archbishop. The new Prince Mikhail proposed the election of the archbishop, the post of which became vacant after a political upheaval in 1228.

"Prince Mikhail said: 'You have no archbishop. The absence of an archbishop does not suit this city. God has punished [former archbishop] Anton. Therefore, you should elect an appropriate man whether from among priests, abbots or monks.' Some people then told the Prince, 'A Deacon of St. Georgi (Iuriev) Monastery, the monk Spiridon, would be appropriate.' But some people recom-

⁸⁴ НГБ. 1977-1983 гг., p. 21.

⁸⁵ It is evident that this stood in close relation with a series of events in 1227-1230: the popular movements and political struggles connected with them. For these problems, see: M. N. Tikhomirov, *Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв.* (Moscow, 1955), pp. 254-9; V. L. Ianin, *Новгородские посадники* (Moscow, 1962), pp. 137-8; N. L. Podvigina, *Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв.* (Moscow, 1976), pp. 144-6; I. Ja. Frojanov, *О событиях 1227-1230 гг. в Новгороде*, in: *Новгородский Исторический Сборник*, 2 (12) (Leningrad, 1984), pp. 97-113.

⁸⁶ НПЛ, pp. 70, 278.

mended Osaf, the bishop of Volodimil in Volynia, and some other people Grechin, saying that 'the person to whom will be given the archbishopric by the metropolitan shall be our Father.' Then the Prince Mikhail told them, 'we should cast three lots to see whom God gives us.' People wrote the names [of the three nominees] on lots and placed them on the altar, and then sent the young son of the Prince, Rostislav, from the archbishop's chamber. God chose a person who serves him and shepherds the speaking sheep in Novgorod and in all its subordinate province, thus, Spiridon was drawn."⁸⁷

This time, Grechin was recommended for the archbishopric not as an ordinary priest, but as the abbot of Iuriev Monastery, a post which he had assented three years before. His official name would have been Sava, but people continued to use "Grechin," which had been popularly used among the Novgorodians for several decades. It was lay citizens who nominated three people in the *veche*, so it may have been natural that Grechin was not called by his new name as a monk. The *veche* was again divided into three groups, as it was in 1193. Conflicts between the Ends became evident from the second half of the 12th century. This disagreement concerning the election of the archbishop in the *veche* may have reflected the political conflict between the three Ends which were strong at that time.⁸⁸ If so, then which End recommended Grechin? Might it have been Liudin End where he spent half of his life in Novgorod, or might it have been Nerev End, to which he moved after the fire? Or might it have been the whole district of St. Sophia Side which includes both Liudin and Nerev Ends? Such questions invite farther study of the background of the political incidents of 1228-1231, of the conflict and union among the Princes, *boiars* and the populace from the end of the 12th century to the thirties of the 13th century, as well as the

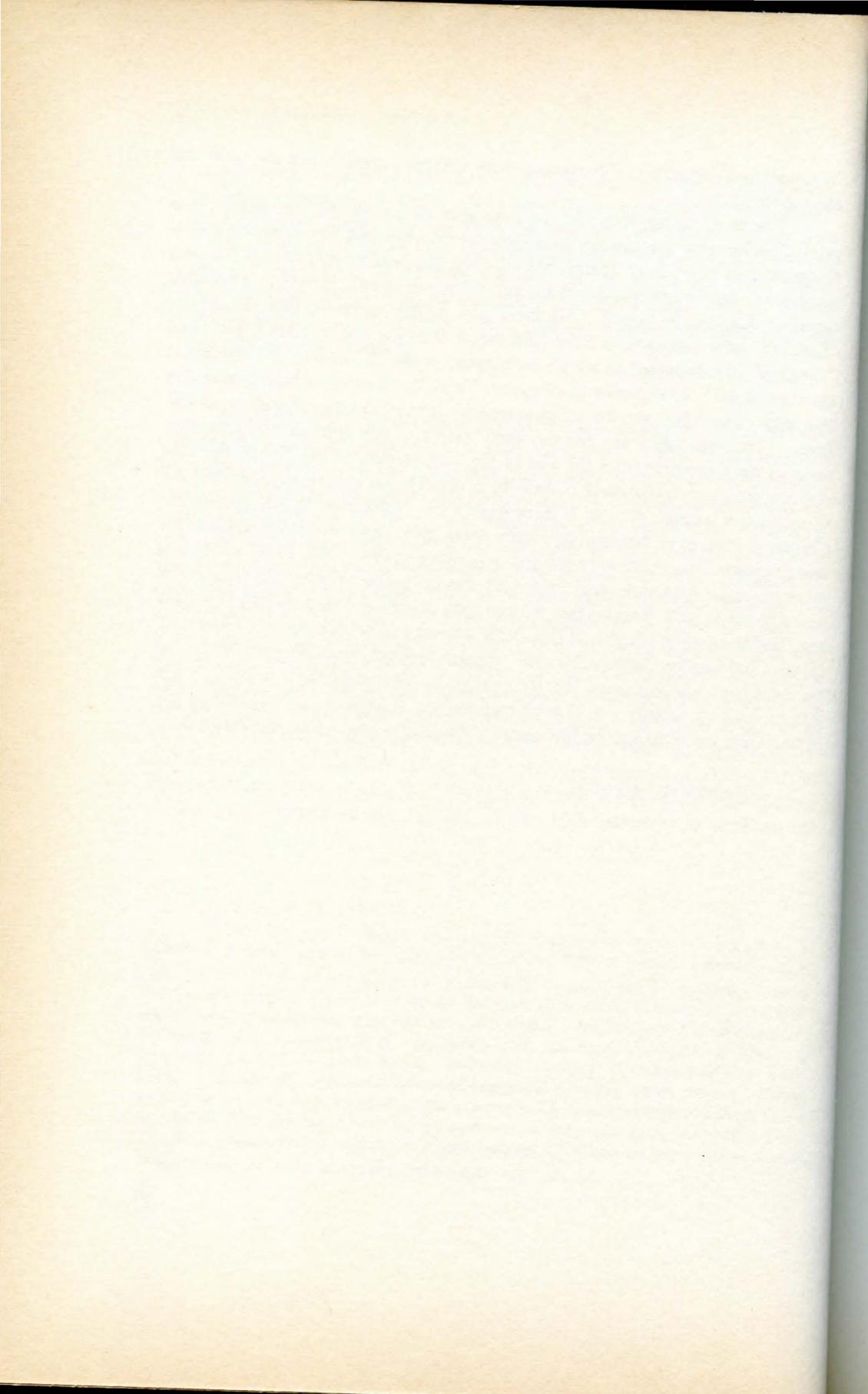
87 НПЛ, pp. 68, 274-5.

88 See footnote 15 supra. The practice of choosing by lot shown above is described in detail also in the entry of 1338 of the First Novgorod Chronicle. See: НПЛ, pp. 381-2. Some historians, for example, P. Sokolov and J. Meyendorff point out that this practice stemmed from the Justinian Legislation. P. Sokolov, *Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века* (Kiev, 1913), p. 320; J. Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century* (London and New York, 1981), p. 83. But all of the archbishops of Novgorod after this period were not always elected by lot from three candidates. So it seems to be more reasonable to think that it originated from the traditional antagonism among the three most influential Ends. About the importance of regional conflicts (among the Ends) for the political history of Novgorod, cf.: V. L. Ianin, *Новгородские посадники*.

"international" relations of Novgorod with various principalities and with the Metropolitan.

For now, we are left with the biography of a man, the icon painter and priest Grechin who was always unlucky in lot drawing, and who died under confinement two years after falling behind even the deacon Spiridon of his own monastery. But before leaving this essay, I have to answer briefly to a possible question that can be raised: "Are there any reliable evidence that the painter "Grechin" who disappeared from Nun Street after the fire in 1209 is the same "Grechin" who appeared as a high ecclesiastic in the 20's of the 13th century in the Chronicle?" No decisive proof exists. There is, however, a high probability that both "Grechins" are the same person in light of the circumstances as follows: (1) we can safely say that the word "Grechin" that appears in the descriptions of the Chronicle from the end of the 12th century to the 30's of the 13th century does not designate the ethnicity generally, but is used as an epithet for identifying a specific person. If there were a few "Grechins" in that period, the Chronicle must have distinguished them using some other words. In addition the word appears frequently only for one generation (1193, 1196, 1229, 1231). (2) there are some archaeological evidences that the painter Grechin in Nun Street was a priest as well. Besides this, a birch-bark document that indicates Grechin's high social standing was found (No. 502). The area of his homestead (730 square meters) and various findings from the site also indicate Grechin's wealthiness. So far there is no positive proof that the Grechin as high ecclesiastic in the 20's and 30's of the 13th century was also an icon-painter. It might be proved completely in the future when his second homestead after 1209 in Nerev End is unearthed.

Utsumoniya University

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ "СИНОПСИСА" ИННОКЕНТИЯ ГИЗЕЛЯ

Константин К. Папулидис

"Синопсис",¹ приписываемый архимандриту Иннокентию Гизелю,² является со времени своего первого издания (Киев, 1674 год) и до сих пор объектом изучения многих русских и иностранных

¹ ΣΥΝΟΠΣΙΣ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о начаљ Слабянороссійскаго народа, и первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева, о житіи святаго благовѣрнаго великаго князя Кіевскаго и всея Россіи первѣйшаго Самодержца Владимира, и о наслѣдникахъ благочестивыя державы его Россійскія, даже до пресвѣтлаго и благочестиваго государя нашего Царя и Великаго князя Алексія Михайловича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Въ святой, великой, Чудотворной Лаврѣ Кіево-Печерской Ставропигії Святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго Патріарха, по благословенію пречестнаго о Христѣ Господина Отца Иннокентія Гізеля Милостію Божію архимандрита тоїже С. Лавры изображенное типомъ въ лѣто отъ созданія міра зрпв. (7182) отъ воплощенія же Бога Слова аход. (1674) мал. 4⁰. О разныхъ изданіяхъ этого произведения см.: В.С.Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, кн. 2, Киев 1908, стр. 1554-1557.

² Митрополит Евгений (Волоховитинов), *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви*, I, СПб 1818, стр. 199. Philipp Strahl, *Das gelehrt Russland*, Lpz 1828, стр. 260. С.М.Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. 13, М. 1962, стр. 145 и сл. В.Аскоченский, *Киев с древнейших его училищем академией*, I, Киев 1856, стр. 159. Н. Закревский, *Описание Киева*, I-II, Киев 1868. Н.Ф.Сумцов, "Иннокентий Гизель, К истории Южно-русской литературы XVII в.", *Киевская Старина* 1884, № 10, стр. 183-226, см. в частности на стр. 219-223. П. Милуков, *Главния течения русской исторической мысли*, I, 1, Киев 1898, стр. 10, 16. В.С.Иконников, Указ. соч., стр. 1556. Х. Титов, *Материалы для истории книжной справки в Украине в XVI-XVIII вв.*, Киев 1924, стр. 421 и сл. Н.Л.Рубинштейн, *Русская историография*, М. 1941, стр. 45-48. *Kleine slavische Biographie*, Wiesbaden (Otto Harrassowitz) 1958, стр. 197. *Сводный каталог русской книги XVIII века, 1725-1800*, I, М. 1963, стр. 387. *Sinopsis, Kiev 1681, Facsimile mit einer Einteilung*, herausgegeben von Hans Rothe, Wien und Köln (Böhlau Verlag) 1983, стр. 42-44.

ученых.³ Впрочем, известно что это произведение было переведено на латинский,⁴ греческий⁵ и румынский⁶ языки.

Первый известный перевод этого произведения на греческий язык, осуществленный в 1693 году, остается неизданным и хранится в собрании рукописей Святогробского подворья. Он состоит из 201 листа. Это полный перевод третьего издания "Синопсиса" 1680 года, сделанный в Москве, в монастыре Святого Николая, "подворье" Святогорского Иверского монастыря.

Σύνοψις ἐκ διαφόρων χρονογράφων, περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ σλαβονορωσικοῦ ἔθνους, καὶ πρωτάρχων κνέζῶν τῆς θεοσώπου πόλεως Κιοβίας. περὶ τῆς πολιτείας τοῦ ἀγίου εὐσεβεστάτου μεγάλου κνέζου Κιοβίας, καὶ πάσης Ῥωσίας πρωτίστου αὐτοκράτορος Βλαδημήρου. καὶ περὶ τῶν διαδόχων τοῦ εὐσεβοῦς αὐτοῦ κράτους τῆς Ῥωσίας, μέχρι τοῦ ἐκλαμπροτάτου καὶ εὐσεβεστάτου αὐθεντός ἡμῶν, βασιλέως καὶ μεγίστου κνέζου ΘΕΟΔΩΡΟΥ ἈΛΕΞΙΟΒΗΤΖΟΥ, πάσης μεγάλης, μικρᾶς τε. καὶ Λευκῆς Ῥωσίας αὐτοκράτορος. ἐν τῇ ἀγίᾳ μεγάλῃ θαυματοποιούσῃ λαύρᾳ

³ В.С.Иконников, Указ. соч., стр. 1554-1557. А.С.Лаппо-Данилевский, "Очерк развития русской историографии", *Русский Исторический Журнал* 1920, № 6, стр. 5-29. С.И.Маслов, "К истории изданий киевского "Синопсиса", Статьи по славянской филологии и русской словесности, Сборник статей в честь акад. А.И.Соболевского (Изд. АН СССР), Л. 1928, стр. 341-346. И.П.Еремин, "К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в." ТОДРЛ 10 (1954) 212-222. С.Л.Пештич, "Синопсис" как исторического произведение", ТОДРЛ 15 (1958) 284-298. Е.В.Чистякова, "Синопсис", *Вопросы Истории* 1974, № 1, стр. 215-219. Н. Rothe, Указ. соч., стр. 64-130. Н.П.Ковальский - Ю.А.Мыцык, "Украинские летописи", *Вопросы Истории* 1985, № 10, стр. 81-94.

⁴ В.С.Иконников, Указ. соч., стр. 1555. И.П.Еремин, Указ. соч., стр. 212. С.Л.Пештич, Указ. соч., стр. 287. Н. Rothe, Указ. соч., стр. 126. Н.П.Ковальский - Ю.А.Мыцык, Указ. соч., стр. 88.

⁵ «Кажется, тому же иеродиакону Козьме Иверцу принадлежит перевод на новогреческий язык и Синопсиса Иннокентия Гизеля в 1693 году, хранящийся ныне в библиотеке святогробского подворья в Константинополе в рукописи под № 329 (по каталогу архимандрита Антонина)». А.Дмитриевский, рец.: *Восток Христианский, История Афона, ч. III: Афон монашеский..., Византийский Временник* 1 (1894) 424. И.П.Еремин, Указ. соч., стр. 212. С.Л.Пештич, Указ. соч., стр. 287. Н. Rothe, Указ. соч., стр. 126. Н.П. Ковальский - Ю.А.Мыцык, Указ. соч., стр. 88.

⁶ Н. Мохов, *Очерки истории молдавско-русско-украинских связей*, Кишинев (АН МССР) 1961, стр. 187. A. Joukovsky, "Les Relations culturelles entre l'Ukraine et la Moldavie au XVIIe siècle", VIIe Congrès international des slavistes, Varsovie, 21-27 Août 1973, Communications de la délégation française, Paris (Institut d'études slaves) 1973, стр. 227. Н. Rothe, Указ. соч., стр. 127. Н.П.Ковальский - Ю.А.Мыцык, Указ. соч., стр. 88.

Греческие переводы "Синопсиса"

Κιοβοπετζέρσκη, τῇ σταυροπηγίῳ τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντίνου πόλεως τοῦ οἰκουμενικοῦ. κατ' εὐλογίαν τοῦ παντίμου ἐν Χριστῷ κυρίου πατρός Ἰννοκεντίου, τοῦ Γιζιέλα, ἐλέφ Θεοῦ ἀρχιμανδρίτου τῆς αὐτῆς λαύρας, ἐκτυπωθεῖσα τύπῳ. ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου – 7188. ἀπὸ δέ σαρκώσεως τοῦ Θεοῦ Λόγου – 1680.

(л. 199об.): Μετεφράσθη ἐν ἔτει 1693ῳ. ἐν μηνὶ ἀπριλλίῳ, ἐν τῇ βασιλευούσῃ μεγαλοπόλει μοσκβᾶ, ἐν τῇ σεβασμίᾳ μονῇ τοῦ ἀγίου Νικολάου τῇ ἐπιλεγομένῃ μπολσάγια Γλαβά, ὑποτελούσῃ τῇ ἐν τῷ ἀθῷ τῶν ιερῶν ἱερᾶ καὶ βασιλικῆ μονῇ.⁷

[= "Синопсис" из разных летописцев о начале славяно-русского народа и первых князей богоспасаемого города Киева, о житии святого благочестивейшего великого князя Киевского и всей России первейшего самодержца Владимира и о наследниках его благочестивой державы России до светлейшего и благочестивейшего нашего властелина, царя и превеликого князя ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА, всей Великой, Малой и Белой России самодержца. В святой великой чудотворной Киево-Печерской Лавре, Ставропигии святейшего вселенского архиепископа Константинопольского, с благословения пречестного во Христе Господина Отца Иннокентия Гизеля, божьей милостью архимандрита этой Лавры, напечатан в году 7188 от создания мира и году 1680 от воплощения Слова Бога.

(л. 199об.): переведен в 1693 году в апреле месяце в великом царствующем городе Москве, в почитаемом монастыре святого Николая, называемом Большая Глава, подчиненном Афонскому Иверскому святому и царскому монастырю].

На этот перевод ссылаются А.Димитриевский (1894 год), А.Пападопуло-Керамевс (1915 год), И.П.Еремин (1954 год), С.Л.Пештич (1958 год), H. Rothe (1983 год) и Н.П.Ковальский - Ю.А.Мыцык (1985 год).⁸

Еще один перевод на греческий язык, сделанный в конце XVIII - начале XIX века, как и первый, остается неизданным. В настоящее время он находится в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. В.И.Ленина в Москве.

⁷ А. Пападопулос-Керамевс, Τεροσολυμιτική βιβλιοθήκη, V, СПб 1915, стр. 90 (рукопись № 531).

⁸ См. прим. 5 и 7.

Этот малоизвестный до сих пор перевод состоит из 22 листов. Речь идет об отрывочном и сокращенном варианте как начального текста, так и первого перевода. Скорее всего это ученическая тетрадь. Насколько нам известно, на второй перевод не ссылался никто из исследователей, занимавшихся произведением "Синопсис" Иннокентия Гизеля и в особенности его переводом на греческий язык. В настоящее время рукопись имеет порядковый номер ф. 253, № 615, характеристику на русском языке "Сочинение по русской истории", а на корешке его обложки - надпись на французском языке: "Fragments grecs de l'histoire de Russie". По мнению византинолога А.П. Каждана [=1946 год] рукопись относится к концу XVII века, в то время как палеограф и кодиколог Б.Л.Фонкич [=1976 год] относит ее к концу XVIII века, а имеющиеся в конце ее добавления - к первой четверти XIX века.⁹ И в то время как первый перевод содержит исторические события μέχρι τοῦ ἐκλαμπρότατου καί εὐσεβεστάτου αὐθεντός ὑμῶν, βασιλέως καί μεγίστου κνέζου ΘΕΟΔΩΡΟΥ 'ΑΛΕΞΙΟΒΗΤΖΟΥ... [= до светлейшего и благочестивейшего властелина нашего, царя и величайшего князя ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА...], второй перевод содержит краткое добавление о годах царствования Федора Алексеевича (л. 22об.) и сверх того указывает (также л. 22об.) следующее: Ἰστέον δέ ὅτι ἐν αὐτῇ τῇ Συνόψει πολλά ἐλλείποντα εἴτα δέ καὶ περὶ τοῦ Τζεχιρίου. καθότι αὐτή ἐδόθη μέ τύπον πρότερον. ἄλλαι δέ εἶναι νεώτεραι καί τελειότεραι. Τέλος καί τῷ Θεῷ δόξα. [= Видимо, в этом синопсисе многое упущено, например, о Шеке, так как он издан ранее, а другие - новее и более совершенные. Конец и Богу слава].

Первый перевод, хотя речь и идет о переводе исторического труда, отличается художественными достоинствами, верностью первоисточнику, искусственным построением фразы и точностью передачи идей, в отличие от второго, который, как мы уже указывали, отрывочный и сокращенный и, может быть, был сделан прямо с оригинала. Автор второго перевода знал о существовании первого и, может быть, и какого-нибудь другого, о котором мы в настоящее время не знаем (см. л. 22об.: ... καθότι αὐτή [= Синопсис] ἐδόθη μέ τύπον πρότερον. ἄλλαι δέ εἶναι νεώτεραι καί τελειότεραι. [= так как он ["Синопсис"] издан ранее, а другие — новее и более совершенные].

⁹ К.К.Папулидис, "Συνοπτική ἀναγραφή ἐλληνικῶν χειρογράφων καὶ ἔγγραφων τῆς βιβλιοθήκης Lenin τῆς Μόσχας", Θεολογία 52 (1981) 493 (Прежние номера рукописи: а.ф. 256, № 51, в. Греч. 155).

Возникает вопрос: почему труд архимандрита Иннокентия Гизеля "Синопсис" был переведен на греческий язык? После изучения этого произведения и относящейся к нему библиографии мы пришли к выводу, что содержание его удовлетворяло греческий мир XVII и XVIII веков, который постоянно искал исторического оправдания своего требования освобождения от османского ига. Здесь следует указать, что кроме остальных исторических рамок, "Синопсис", по мнению В.В.Чистяковой, представлял "… идеи о необходимости общих усилий всех славянских стран под ягидой России в трудной борьбе за освобождение от турецкого ига".¹⁰

В 1688 году, за несколько лет до первого греческого перевода произведения "Синопсис" архимандрита Иннокентия Гизеля (1693 год), был сделан другой перевод, плод компиляции ἐκ τῶν σλαβαϊκῶν βιβλίων [= из славянских книг], точно в таких же рамках: представление происхождения россов в греческой литературе в общих рамках требования греческого мира об освобождении "племенем светловолосых".¹¹ Речь идет о Ιστορίᾳ ἡτοι Διήγησις περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν Ρωσσῶν [=История, или Повесть о начале россов]¹² архимандрита Святогорского Иверского монастыря Дионисия, позднее митрополита Венгро-Валахии.¹³ Впрочем, через несколько

¹⁰ Е. В. Чистякова, Указ. соч., стр. 219.

¹¹ Более подробно см. С. Papoulidis, "Le Patriarche Ecuménique Serapheim II et les Russes", *Balkan Studies*, 17 (1976), 59–66. С. Papoulidis, "The Baptism of the Russians in the Iviron Codices 1317 and 1319 of the 18th Century", *Balkan Studies*, 22 (1981), 73–83. Эта же работа на французском языке *Les Relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre de l'indépendance grecque*, Thessaloniki, 1983, стр. 53–61 (Institute for Balkan Studies, № 198).

¹² "Ιστορίᾳ ἡτοι Διήγησις περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν Ρωσσῶν, πόθεν κατάγονται οἱ ἀρχηγοὶ αὐτῶν, καὶ περὶ τοῦ πότε καὶ πώς ἔλαβον τὸ ἄγιον βάπτισμα, καὶ περὶ τοῦ ἀγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου, διόπου ἥλθεν σωματικῶς εἰς τὴν Ρωσσίαν καὶ ἐκήρυξε τὸ θεῖον κήρυγμα: μεταφρασθεῖσα δέ καὶ συλεχθεῖσα ἐν συντομίᾳ ἐκ τῶν Σλαβαϊκῶν βιβλίων παρὰ Διονυσίου ἁγκενδύτου καὶ μεγάλου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἰβρίων εἰς τὴν ἡμετέραν διάλεκτον, κατά τὸ ἀχεῖην^{οὐ}4 (- "История, или Побесть о начале россов; откуда происходят их князья, и о том, когда и как приняли они святое крещение, и о сбоято апостоле Андрее, который пришел в Россию и возвестил божественную весть. Переведена на наш диалект и собрана вкратце из славянских книг Дионисием, ракендиотом и великим архимандритом Ивира, в лето 1668").

Подробно см. Б.Л.Фонкич, "«История России» Дионисия Ивириата", *Проблемы изучения культурного наследия*, Отв. ред. Г.В.Степанов, М. (Наука) 1985, стр. 184–200.

¹³ О нем см. Х.Г.Патринелис, "Διονύσιος Ἰβηρίτης, μεταφραστής τῆς Χρονογραφίας τοῦ Δωροθέου" εἰς τὴν ρωσικήν καὶ μητροπολίτης Οὐγγροβλαχίας",

Константин К. Папулидис

лет после упомянутых нами переводов (в 1699 году) был заключен Карловицкий мир, который по существу означал первое ограничение османского господства на Балканах. Известно, что по этому договору русские получили право на официальное представительство в Константинополе.¹⁴

Еще один важный факт в сочетании с указанными нами историческими рамками оправдывает наше рассуждение: речь идет о свидетельстве, что Петр Великий (1662-1725 гг.) интересовался трудом "Синопсис" Иннокентия Гизеля и "приказал" перевести его на латинский язык.¹⁵ Думаем, было бы актуально отметить, что этот монарх, открывший ворота своего государства перед Западной Европой и проявивший интерес к Черному морю и Босфорским проливам, подготовил свою политику и литературно или искал историческое и литературное подтверждение в "старых" русских текстах: западные народы должны были знать о правах славян во главе с русским народом. Тут, как мы думаем, греки хотели воспользоваться желанием главы русского государства ограничить османское присутствие в южной России и на Балканах, выдвигая стремление и чаяния к своему освобождению. И тут, по нашему мнению, присутствие в греческой литературе труда "Синопсис" Иннокентия Гизеля как антиосманского текста¹⁶ имело определяющее значение.

¹⁴ Επετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 32 (1963), 314-418. Б.Л.Фонкич, Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв — Греческие рукописи в России —, М. 1977, стр. 125-137 (там же - библиография).

¹⁵ Подробнее см. Ап.Е.Вакалопулос, Ιστορία τοῦ Νέου Ἑλληνισμοῦ, IV, Thessaloniki, 1973, стр. 63. Th. G. Stavrou, Russian Interests in Palestine, 1882-1914, Thessaloniki, 1963, стр. 19-20 (Institute for Balkan Studies, № 68). К.К.Папулидис, Τό Ρωσικό Ἀρχαιολογικό Ἰνστιτούτο Κωνσταντινούπολεως, (1894-1914), Thessaloniki, 1987, стр. 28 (Institute for Balkan Studies, № 209).

¹⁶ П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, I, СПб 1862, стр. 127. И.П.Еремин, Указ. соч., стр. 212, 222.

¹⁶ «Синопсис [третье издание 1680г.] был издан в трудное время: В 1672г. Подолью захватили и разграбили Турки, а еще через 10 лет полчища Кара-Мустафы-паша подошли к Вене». Е.В.Чистякова, Указ. соч., стр. 218.

«В нем [Синопсисе трет. изд. 1680г.] подчеркивалась общность исторических судеб восточных славян, содержался призыв к обединению их усилий в борьбе против турецкой агрессии в 70-80-е годы XVII века». Н.П.Ковалевский - Ю.А.Мыцык, Указ. соч., стр. 88.

Греческие переводы "Синопсиса"

"Треки, — писал в 1678 году английский консул в Измире Ricaut,¹⁷ — симпатизируют и уважают прежде всего московитов, которым, согласно некоторым древним пророчествам, суждено избавить этот народ от угнетения, которому он подвергается".¹⁸ Как писал Апостол Е. Вакалопулос, "заинтересованность греков в завоевании поддержки русских стала более ощутимой, когда в 1690 году католикам благодаря неустанным усилиям французской дипломатии удалось обеспечить себе максимум прав в Святых Местах, которые прежде принадлежали грекам благодаря борьбе Кирилла Лукариса в 1636 году...".¹⁹

Наличие двух переводов на греческий язык произведения "Синопсис" является доказательством культурных связей русской литературы с греческим миром, доказательством хороших отношений Вселенской Патриархии с братствами Украины,²⁰ а также Иерусалимской церкви с русской духовной мыслью. Первый текст перевода принадлежал в Москве Хрисантосу Нотарасу, который позднее стал Иерусалимским патриархом (1707-1731 гг.).²¹

Публикуем ниже в двух колонках соответствующие главы двух рукописей, чтобы была видна зависимость второго текста от первого.²²

¹⁷ Родился в 1628г. и умер в 1700г. По мнению Ап.Е.Вакалопулоса, один из первых, кто в своих работах познакомил Западную Европу с Турцией. Ап.Е.Вакалопулос, "Ο Μέγας Πέτρος καί οι "Ελληνες κατά τά τέλη τοῦ 17. καὶ τίς ἀρχές τοῦ 18. αἰώνα", 'Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 'Επιστημονική Ἐπετηρίς ἐκδιδούμενη ὑπό τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς, 11 (1969), 251.

¹⁸ Ricaut, *Histoire de l'Eglise grecque*, стр. 93. См. Ап.Е.Вакалопулос, "Ο Μέγας Πέτρος...", стр. 251.

¹⁹ Ап.Е.Вакалопулос, "Ο Μέγας Πέτρος...", стр. 251.

²⁰ Я.Д.Ісаєвич, *Братства та їх роль в розвитку української культури XVI-XVIII ст.*, Київ (Наукова Думка) 1966 (Примечания стр. 215-249).

²¹ См. Кодекс Святогробского подворья № 531, л. 1: 'Ἐκ τῶν τοῦ Χρυσάνθου αὐτοῦ καὶ λ. 199 об.: (автограф Хрисантоса Нотараса) ἀνεγγώσθη ἐν Μοσκώ. 1693, Μαΐου 17. О нем см. Б.Л.Фонкич, Указ. соч., стр. 192-194, 196-197, 203, 206-207, 209-211.

²² Госпожу Пинелопи Стати и господ Б.Л.Фонкича и Ю.Я.Вина благодарю и здесь за оказанную помощь.

Святогробское
подворье код. № 531

Скоропись, бумага,
10 бел + 201
20 x 16

Гос. Публ. Библ. им.
В.И.Ленина, отд. рук.
ф. 253, № 615

Скоропись, бумага,
1 бел + 22 + 1 бел
30 x 21

(л. 1) Σύνοψις ἐκ διαφόρων
χρονογράφων, περί τῆς
ἀρχῆς τοῦ σλαβονορωσικοῦ
ἔθνους,²³ καὶ πρωταρχῶν
κνεζῶν τῆς θεοσώστου πό-
λεως Κιοβίας, περί τῆς
πολιτείας τοῦ ἀγίου εὐσε-
βεστάτου μεγάλου κνέζου
Κιοβίας, καὶ πάσης Ῥωσίας
πρωτίστου αὐτοκράτορος
Βλαδημίρου. καὶ περί τῶν
διαδόχων τοῦ εὐσεβοῦς αὐ-
τοῦ κράτους τῆς Ῥωσίας,
μέχρι τοῦ ἐκλαμπροτάτου
καὶ εὐσεβεστάτου αὐθεντός
ήμῶν, βασιλέως καὶ μεγί-
στου κνέζου ΘΕΟΔΩΡΟΥ
ΑΛΕΞΙΟΒΗΤΖΟΥ, πάσης
μεγάλης, μικρᾶς τε. καὶ
Λευκῆς Ῥωσίας αὐτοκράτο-
ρος. ἐν τῇ ἀγίᾳ μεγάλῃ
θαυματοποιούσῃ λαύρᾳ Κιο-
βοπετζέρσκῃ, τῇ σταυροπη-
γίῳ τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπι-
σκόπου Κωνσταντινουπόλεως
τοῦ οἰκουμενικοῦ. κατ'
εὐλογίαν τοῦ παντίμου ἐν
Χριστῷ κυρίου πατρός Ἰν-
νοκεντίου, τοῦ Γιζέλα,

[В картоном переплете с за-
головном: Fragments grecs de
l'histoire de Russie.]

²³ Вместо "ἔθνους" в первом варианте было "ὄχλευ".

έλέψ Θεοῦ ἀρχιμανδρίτου
τῆς αὐτῆς λαύρας, ἐκτυπω-
θεῖσα τύπῳ. ἐν ᾧτει ἀπό
κτίσεως κόσμου – 7188.
ἀπό δέ σαρκώσεως τοῦ
Θεοῦ Λόγου – 1680.

(л. 1) Ἐκ τῶν τοῦ Χρυσάν-
θου αὐτοῦ²⁴ (= ἀρχιμανδρί-
του).

(л. 2) Περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πα-
λαιοῦ σλαβανικοῦ ἔθνους

νων, καί περὶ τῆς ὀνομα-

(л. 3) Περὶ τοῦ ὀνόματος καί
τῆς γλώττης τῶν σλαβάνων

(л. 4) Περὶ τῆς ἑλευθερίας ἢ θε-
λήματος τῶν σλαβάνων

(л. 5) Περὶ τῆς Ἀσίας

(л. 6οб.) Περὶ τῆς Ἀφρικῆς

(л. 7) Περὶ τῆς Εὐρώπης

(л. 8) Περὶ τοῦ τῶν ῥουσῶν
ἔθνους ἢ οἰκειότητος

(л. 9) Περὶ τοῦ ἔθνους τῶν
Σαρμάτων καί τῆς ἐπι-
κλήσεως αὐτῶν

(л. 9οб.) Περὶ τοῦ ἔθνους τῶν
ῥοξολιάνων καί τῆς ἐπικλή-
σεως αὐτῶν

(л. 11) Περὶ τοῦ Μοσώχου τοῦ

(л. 1) Περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πα-
λαιοῦ γένους τῶν Σλαβί-
σίας αὐτοῦ

(л. 1οб.) Περὶ τοῦ ρωσσαϊκοῦ
γένους, καί τῆς ὀνομασί-
ας αὐτοῦ

Περὶ τοῦ γένους τῶν σαρ-
μάτων, καί τῆς ὀνομασίας
αὐτοῦ

(л. 2) Περὶ τοῦ ροξολανικοῦ
γένους, καί περὶ τῆς ὀνο-
μασίας αὐτοῦ

(л. 2οб.) Περὶ τοῦ Μοσόχ προ-

²⁴ В нижней части на полях рукописи.

- προπάτορος τῶν σλαβανο-
ρωσσῶν καί περί τῆς φυλῆς
αὐτοῦ
- (π. 12) Περί τῆς παρονομασίας
τοῦ μοσχοβίκου ἔθνους καί
τῆς βασιλευούσης πόλεως
- (π. 13οδ.) Περί τῶν Τζήμπρων
- (π. 15) Περί τῆς δοξασμένης καί
πρωτοκορυφαίου καί παντῶς
τοῦ ρωστικοῦ ἔθνους ἀκρο-
πόλεως Κιοβίας, καί περί¹
τῆς ἐνάρξεως αὐτῆς
- (π. 16) Περί τῶν πρωταρχῶν Κνε-
ζῶν τῆς Κιοβίας καί περί τῆς
κτήσεως τῆς πόλεως Κιοβίας
καί τοῦ ὄνόματος αὐτῆς
- (π. 17οδ.) Περί τοῦ θανάτου Κίου
(Τζέκου καί Χορέβου) καί
περί τῆς κληρονομίας αὐτῶν
μετ' αὐτούς
- (π. 18οδ.) Περί τοῦ πότε οἱ ῥῶσ-
σοι ἤρχαντο γνώσκειν γράμ-
ματα
- (π. 19) "Ετι περί τῶν ῥουσσῶν
ἢ ρώσσιῶν τῶν εἰς τά μεσο-
νυκτικά μέρη, καί τοῦ Νοσο-
ραδίου
- (π. 20) Περί τῆς κνεζείας Ρουρί-
- πάτορος τῶν σλοβανορώσ-
σῶν, καί περί τοῦ γένους
αὐτοῦ
- Περί τῆς ὀνομασίας τοῦ
μοσχού, καί τοῦ Βασιλικοῦ
κάστρου
- (π. 3) Περί τῶν Κοζάρων
- Περί τῶν πολόβσκων, πε-
τζενίγων, Ἰατβέγων καί
τζίμβρων
- (π. 3οδ.) Περί τῆς ἐνδοξοτάτης
μεγάλης καί θρόνου ὅλου
τοῦ ρώσσαϊκοῦ λαοῦ πόλε-
ως Κιόβου, καί περί τῆς
ἀρχῆς αὐτῆς
- Περί τῶν Κνεζῶν, οἵτινες
ἐστάθησαν πρῶτοι ἀρχηγοί
τοῦ Κιόβου
- (π. 4) Περί τοῦ θανάτου τοῦ
στζέκ, χοήβ, καί τοῦ Κήι
καί περί τῶν μετ' αὐτῶν
- Πότε ἤρχησαν οἱ ῥῶσσοι νά
μάθη γράμματα
- (π. 4οδ.) "Ετι περί τῶν ρώσσων
ἢ περί τῶν διεφθαρμένων
εἰς τά ἀρκτῶα μέρη, καί
περί τοῦ μεγάλου Νοσγορόδ
- Περί τῆς κνεγίας τοῦ ῥου-

κου μετά τῶν ἀδελφῶν ἐν
τῇ γῇ τῶν ῥωσσῶν

ρίκ μετά τῶν ἀδελφῶν αὐ-
τοῦ εἰς τήν ῥωσσαϊκήν χώ-
ραν

(л. 20οδ.) Περί τοῦ Ὀσκόλδου,
καὶ Δήρου φυλῆς τοῦ Κίου
καὶ πῶς ἤρξαντο κνεζεύειν
ἐν Κιόθῳ

(л. 5) Περί τοῦ ὁσκόλδου καὶ
δήρ

(л. 21οδ.) Περί τῆς κνεζείας ἡ-
γόρου υἱοῦ Ρουρίκου μετά
τοῦ ἀνεψιοῦ "Ολγου

Περί τῆς κνεγίας τοῦ Ἰγόρ
υιοῦ τοῦ βουρίκ μετά τοῦ
ἀλέγ συγγενοῦς αὐτοῦ

(л. 22οδ.) Περί τῆς δεσποτείας
ὅλγου ἐν τῷ Κιόθῳ καὶ τοῦ
θανάτου αὐτοῦ

(л. 5οδ.) Περί τῆς κνεγίας τοῦ
'Ολέγ ἐν Κιόθῳ καὶ τοῦ
θανάτου αὐτοῦ

(л. 24) Περί τῆς κνεζείας Ἡγόρ
τοῦ Ρουρικοζήτου ἐν Κιόθῳ,
μετά τοῦ ὅλγου

Περί τῆς κνεγίας τοῦ Ἰγόρ
υιοῦ βουρίκ ἐν Κιόθῳ μετά
τοῦ 'Ολέγ

(л. 24οδ.) Περί τῆς Κνεζείας
τῆς μεγάλης κνενίνης "Ολ-
γας ἐπί τοῦ κιόθου

(л. 6) Περί τῆς κνεγίας τῆς με-
γάλης κνεγίνας "Ολγας ἐν
Κιόθῳ

(л. 28οδ.) Περί τῆς πρός Κων-
σταντινούπολιν ἀποδημίας
τῆς "Ολγας καὶ περί τῆς
βαπτίσεως αὐτῆς

(л. 6οδ.) Περί τῆς κνεγίας τῆς
μεγάλης τῆς "Ολγας ἐν Κι-
όθῳ, ὅταν ἐπῆγεν εἰς τή
Δρεβλένης

(л. 31) Περί τῆς κνεζείας σβια-
τοσλάθου ἢ σβετοσλάθου
Ἡγοραθήτου ἐν Κιοθίᾳ.
καὶ τοῦ θανάτου τῆς εὐσε-
βοῦς μεγάλης κνενίνης 'Ε-
λένης

(л. 7) Περί τοῦ πηγαιμοῦ τῆς
"Ολγας εἰς Κωνσταντινού-
πολιν, καὶ βαπτίσματος
αὐτῆς

(л. 7οδ.) Περί τῆς κνεγίας τοῦ
Σβιατοσλάθ υἱοῦ τοῦ Ἰγώρ
ἐν Κιόθῳ, καὶ περί τοῦ
θανάτου τῆς χριστιανῆς με-
γάλης κνεγίνης 'Ελένης

(л. 32) Περί τῆς διαιρέσεως τῆς κνεζείας τοῦ Σβετοσλάβου ἐν τοῖς νίοῖς

(л. 33) Περί τῆς κνεζείας Γιαροπόλου σβετοσλαβήτζου ἐν τῇ Κιοβίᾳ

(л. 34) Περί τῆς ἑλεύσεως τοῦ μεγάλου κνέζου Βλαδημήρου σβετοσλάβητζου εἰς τὴν Κιοβίαν. Περί τῆς κνεζείας, βαπτίσεως καὶ παντός τοῦ βίου αὐτοῦ

(л. 36) Περί τῆς Κνεζείας τοῦ μεγάλου κνέζου Βλαδημήρου ἐν Κιόθῳ

(л. 36οβ) Περί τῶν εἰδώλων

(л. 38) Περί τῆς ἐν ὅδατι περιχύσεως ἐν τῇ μεγάλῃ ἡμέρᾳ, ἥτοι τῇ λαμπροφόρῳ

(л. 40) Περί τῶν γυναικῶν τοῦ Βλαδημήρου

(л. 41) Περί τῆς γενναιότητος τοῦ Βλαδημήρου

(л. 42) Περί τοῦ Μπελγοραδίου

(л. 42οβ.) Περί τῆς νίκης Βλαδημήρου τῆς ἐπὶ τῶν πετζενίγων ὑπό τοῦ περεάσχοβου

(л. 45) Περί τῶν διαφόρων πρέσβεων τῶν πρός τὴν πίστιν διαγγειλάντων

(л. 8) Περί τῆς κνεγίας τοῦ Σβιατοσλάβ

(л. 8οβ.) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ Ιαροπόλκ νιοῦ Σβιατοσλάβ

Περί τῆς κνεγίας τοῦ μεγάλου Κνέζου Βλαδημήρου νιοῦ τοῦ Σβιατοσλάβ ἐν Κιόθῳ, περί τοῦ Βαπτίσματός του καὶ ὅλου τοῦ βίου του

(л. 9οβ.) Περί τῆς αὐτοκρατορικῆς κνεγίας ὅλων τῶν ῥωστιῶν τοῦ Βλαδημήρου

Περί τῶν γυναικῶν τοῦ Βλαδημήρου

(л. 10) Περί τῆς ἀνδρείας τοῦ Βλαδημήρου

Περί τοῦ Μπιληγορόδ

(л. 46) Περί τῶν ὁμαίων πρός
βλαδημήρην πρέσβεων

(л. 48) Περί τῆς συμβουλῆς
βλαδημήρου τῆς περί τῶν
πίστεων, καὶ τῶν ἀποστα-
λέντων

(л. 49οб.) Περί τῆς ἐπιστροφῆς
τῶν πεμφθέντων, πρός Βλα-
δημήρην

(л. 51) Περί τῆς ἀποδημίας
Βλαδημήρου εἰς τὴν γῆν
τῶν ὁμαίων ἔνεκα βα-
πτίσεως

(л. 53) Περί τῆς βαπτίσεως
Βλαδημήρου καὶ τοῦ γά-
μου αὐτοῦ

(л. 54οб.) Περί τῆς βαπτίσεως
παντός τοῦ ὄχλου τῆς Κιο-
βίας καὶ πάσσης Ῥωσσίας

(л. 55) Περί τῆς βαπτίσεως τοῦ
νίοῦ τοῦ Βλαδημήρου

(л. 56) Περί τοῦ ποσάκις οἱ
ῥῶσσοι πρίν τοῦ Βλαδημή-
ρου, ἔως τῆς αὐτοῦ βασιλεί-
ας ἐβαπτίσθησαν

(л. 58οб.) Περί τῆς ἀσφαλείας
τῆς ὁρθοδόξου πίστεως ἐν
τῇ Ῥωσσίᾳ, καὶ περί τῆς
ἐκριζώσεως τῶν εἰδώλων

(л. 61) Περί τῆς ἐκκλησίας τῆς

(л. 11) Περί τοῦ βαπτίσματος
τοῦ νίοῦ τοῦ Βλαδημήρου

Περί τοῦ ποσάκις ἐβαπτί-
σθησαν οἱ ῥῶσσοι πρό τοῦ
Βλαδημήρου

(л. 11οб.) Περί τῆς τελείας πε-
ραιώσεως τῆς χριστιανικῆς
πίστεως, καὶ τοῦ γκρεμι-
σμοῦ τῶν εἰδόλων εἰς τήν
ῥωσσίαν

(л. 12) Περί τῆς ἐκκλησίας τῆς

ύπεραγίας Θεοτόκου τῆς
ἀποδεκατούσης ἐν Κιόβῳ

(λ. 62) Περὶ τῆς ἀποδημίας
Βλαδημήρου τῆς πρὸς τό
Σούζδαλιν, ῥοστόβιν καὶ
τό μεγάλον Νοβγράδι

(λ. 63οδ.) Περὶ τῆς διαιρέσεως
τῆς Κνεζείας τῶν ῥώσσων
παρά τοῦ Βλαδημήρου τοῖς
νιοῖς αὐτοῦ

(λ. 65) Περὶ τῆς μεταστάσεως
τοῦ Βλαδημήρου

(λ. 66) Εὐχαριστία τῷ Θεῷ πα-
ρά πάντων τῶν ῥώσσων ύ-
πέρ τῆς ἀνεκδιηγήτου αὐτοῦ
δωρεᾶς

(λ. 67) Περὶ τῆς Κνεζείας Σβια-
τοπόλκου ἐν Κιόβῳ, ἔτει ἀ-
πό κτίσεως κόσμου – 6526.
ἀπό δέ Χριστοῦ γεννήσεως
– 1007

(λ. 69) Περὶ τῆς Κνεζείας Γιαρο-
σλάβου ἐν Κιόβῳ, ἔτει ἀπό
κτίσεως κόσμου – 6517.
ἀπό δέ Χριστοῦ γεννήσεως
– 1009

(λ. 71) Περὶ τῆς Κιόβῳ κνεζείας
τοῦ μεγάλου κνέζου Ἡζια-
τοσλάβου τοῦ Γιαροσλάβητζου

Θεοτόκου εἰς τό Κίοβον

Περὶ τοῦ πηγαιμοῦ τοῦ
Βλαδημήρου εἰς τὴν Σουζ-
δάλ, ῥοστόβ καὶ μέγα Νο-
βογράδη

(λ. 12οδ.) Περὶ τῆς Κνεγίας
τῶν νιῶν τοῦ Βλαδημήρου

(λ. 13) Περὶ τοῦ θανάτου τοῦ
Βλαδημήρου

(λ. 13οδ.) ἡ πρὸς Θεόν εὐχαρί-
στησις ἐκ μέρους ὅλων τῶν
ῥώσσων διά τὴν ἀνέκφρα-
στόν του χάριν

(λ. 14) Περὶ τῆς κνεγίας τοῦ
Σβιατοπόλκ ἐν Κιόβῳ, εἰς
ἔτη ἀπό κτίσεως, ἀπό δέ
τοῦ χριστοῦ γεννήσεως

Περὶ τῆς Κνεγίας τοῦ Ἰα-
ροσλάβ ἐν Κιόβῳ, εἰς ἔτη
ἀπό κτίσεως 7517· [sic]
ἀπό δέ Χριστοῦ 1009

(λ. 14οδ.) Περὶ τῆς ἐν Κιόβῳ
κνεγίας τοῦ μεγάλου Κνέ-
ζου Ἡζεσλάβ νιοῦ Ἰαροσλάβ

(λ. 15) Περὶ τοῦ 60ου διωγμοῦ
τοῦ Ἡζιασλάβου ἀπό τό Κί-
οβον καὶ περὶ καταδιώξεως

τῆς μεγάλης ἐκκλησίας τοῦ
Πενταέρσκη

(л. 74οб.) Περί τῆς κνεζείας
Βσεβολόδου τοῦ Γιαροσλά-
βητζου, ἐν τῷ Κιόθῳ

(л. 75) Περί τῆς κνεζείας Μι-
χαήλου σδιατοπόλκου τοῦ
Ἡζιασλάβητζου ἐν Κιόθῳ

(л. 76οб.-77) Περί τῆς Κνεζείας
Βλαδημήρου Βσεβολόδητζου
τοῦ μονομάχου ἐν Κιόθῳ

(л. 78) Περί τοῦ πόθεν οἱ τῶν
ρώσσων αὐτοκράτορες στέ-
φανον Βασιλικόν ἐνεαυτοῖς
φέρειν ἥρξαντο

(л. 80οб.) Περί τῆς κνεζείας
Μστησλάβου υἱοῦ μονομά-
χου, ἐν Κιόθῳ

(л. 81) Περί τῆς κνεζείας Γιαρο-
πόλκου τοῦ Βλαδημήροβυ-
τζου, ἐν Κιόθῳ

(л. 83οб.) Περί τοῦ πᾶς ὁ Για-
ροπόλκος ἀπέδωκε τῷ μπο-
λεσλάβῃ πραγματεία

(л. 87οб.) Περί τῶν ἐν Κιοβίᾳ
διαφόρων κνεζῶν

(л. 88οб.) "Ετι τῶν ἐν Κιοβίᾳ
διαφόρων κνεζῶν, καὶ περί
τοῦ ἑκ τοῦ θρόνου αὐτῶν
διωγμοῦ ἐμφυλίως

(л. 15οб.) Περί τῆς ἐν Κιόθῳ
κνεγίας τοῦ Βσεβολόδου υἱοῦ
τοῦ Ἰαροσλάβου

Περί τῆς ἐν Κιόθῳ Κνεγίας
τοῦ Μιχαήλ Σδιατοπόλκ
υἱοῦ Ἰζιασλάβου

(л. 16) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
Μονάρχου Βλαδημήρου υἱοῦ
Βσεβολόδ

Περί τοῦ πόθεν ἥρχησαν οἱ
τῆς ρώσίας Μονάρχαι νά
ἔχη κορόνην Βασιλικήν

(л. 16οб.) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
Μστισλάβου υἱοῦ τοῦ Μο-
νομάχου

Περί τῆς Κνεγίας τοῦ Ἰα-
ροπόλκ υἱοῦ τοῦ Μονομά-
χου

(л. 17) Ἰδιαίτεροι Κνέζει ἐν
Κιόθῳ, οἵτινες ἀλλήλοις
ἐξώσθησαν ἀπό τόν θρόνον

Πάλιν Ἰδιαίτεροι Κνέζοι ἐν

Κιόθω καί τῆς ἀποδιώξεως
αὐτῶν ἀπό τοῦ θρόνου

(π. 90) Περί τῆς Κνεζείας Μστη-
σλάβου τοῦ Ἡζιασλάβητζου
ἐν Κιόθου καί τῶν λοιπῶν
κνέζων τῶν ἐν Κιόθῳ ἀρ-
ξάντων

(π. 93οδ.) Περί τῆς ἐν Κιόθῳ
κνεζείας Ῥωμανοῦ τοῦ
Κνέζου τῆς Σμολένσκας

(π. 94οδ.) Περί τῆς ἐν Κιόθῳ
κνεζείας Γιαροσλάβου τοῦ
Ἡζιασλάβητζου

(π. 96) Περί τοῦ ὅτι οὐκ
εύλογησε τόν αὐτοκράτο-
ρα τῆς Ῥωσσίας Ῥωμανόν,
δ τοῦ Βλαδημήρου ἐπίσκο-
πος τοῦ τῶν ρωμαίων νό-
μον

(π. 98οδ.) Περί διαφόρων Κνέ-
ζων τῆς Κιοβίας

(π. 100) Περί τῆς Κνεζείας Μι-
χαήλου τοῦ Βσεβολόδητζου
ἐν Κιόθῳ, καί περί τῆς ἐ-
παγωγῆς τοῦ δυσσεβοῦς
Μπατία

(π. 101) Περί τῆς καταστροφῆς
τῆς ὥραιοτάτης ἀγίας μεγά-
λης καί θαυματουργοῦ Λαϊ-
ρας τῆς Κιοβοπετζέρσκας

(π. 103) Περί τοῦ ἐν τῇ πετζέρσκα
ἀγίᾳ μονῇ μπλαγοθεστίου

(π. 17οδ.) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
Μστισλάβ νιοῦ τοῦ Ἡζια-
σλάβου ἐν Κιόθῳ

(π. 18) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
ῥωμαίου κνέζου τοῦ Σμο-
λένσκου ἐν Κιόθῳ

Περί τῆς Κνεγίας τοῦ Ἡα-
ροσλάβου νιοῦ τοῦ Ἡζια-
σλάβου

(π. 18οδ.) Περί τῆς ὀνομασίας
τῆς Ῥωσσαϊκῆς Μοναρχίας

(π. 19) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
Μιχαήλ νιοῦ τοῦ Βσεβολό-
δου εἰς τό Κίοθον

(л. 103οб.) Περί τῶν ἑτῶν, ἐν οἷς
ἡ τῆς Κιοβίας

(л. 105) Περί τῆς ἀπαγγελείας τῷ
μεγίστῳ κνέζῃ Δημητρίῳ

(л. 107) Περί τῆς παρά τοῦ μεγάλου
κνέζου Δημητρίου ἀποστολῆς
τῶν δώρων πρός τὸν Μαμάον

(л. 108οб.) Περί τῆς ἀποστολῆς τῆς
απὲι φυλακῆς

(л. 109) Περί τῆς ἀποστολῆς τῆς
βασικῆς φυλακῆς

(л. 110οб.) Περί τοῦ ἐρχομοῦ τῶν
βωσσικῶν κνεζῶν καὶ βοεβό-
δων, καὶ πολλῶν φουσάτων
πρός τῆς Μόσκβαν

(л. 111οб.) Περί τῆς ἀφίξεως τοῦ
Ζαχαρίου ἐν τῷ φουσάτῳ πρός
τὸν Μαμάην

(л. 113) Περί τοῦ Μαμάου γράμμα-
τος πρός τὸν μέγαν κνέζην Δη-
μήτριον

(л. 114) Περί τῆς ἀπό τοῦ μαμάου
ἀποδημίας τοῦ Ζαχαρίου

(л. 115) Περί τῆς ἐπιδημίας Ζαχα-
ρίου ἐκ τῆς πρεσβείας, ἐπί
τὴν Μόσκβαν

(л. 116) Περί τῆς ἀποδημίας τοῦ
μεγάλου κνέζου Δημητρίου

(л. 118) Περί τῆς ἀποδημίας τοῦ
μεγάλου κνέζου Δημητρίου

ἀπό τῆς Μόσκης, ἐναντίον
τῶν ἀθέων ἀγαρηνῶν

(λ. 121οιδ.) Περί τῆς ἐν Κολόμνῃ
ἐπιδημίας τοῦ μεγάλου κνέ-
ζου Δημητρίου, καὶ τῆς τῶν
παρεμβολῶν διατάξεως

(λ. 122οιδ.) Περί τῆς ἀποστολῆς
τῶν φυλακῶν παρά τοῦ με-
γάλου κνέζου Δημητρίου ...

(λ. 124οιδ.) Περί τῆς παρουσίας
τῶν δύο ἀδελφῶν τῶν ὀλ-
γερδοβήτζων εἰς βοήθειαν
τοῦ μεγάλου κνέζου Δημη-
τρίου

(λ. 127οιδ.) Περί τῆς διαβάσεως
τοῦ Δόνου, καὶ τῆς λήψεως
τῆς γλώττης Μαμάου

(λ. 130) Περί τῆς διατάξεως τῶν
στρατευμάτων πρός πόλεμον,
περί τῆς παρά τοῦ μεγάλου
κνέζου Δημητρίου ἐνδυναμώ-
σεως πάντων

(λ. 133) Περί τῶν τεκμηρίων
Δημητρίου τοῦ Βολήνου

(λ. 134οιδ.) Περί τῆς φανερώσεως
τῶν ἀγίων μαρτύρων Μπο-
ρίσου καὶ Γλέμπου

(λ. 136) Περί τῆς ἔξοδου ἀμφοτέ-
ρων τῶν στρατευμάτων ἐπί¹
τόν πόλεμον

(λ. 137) Ἐπιστολή παρά τοῦ ἡ-
γουμένου Σερμίου

(л. 140) Περί τῆς πικρᾶς καί φο-
βερᾶς ὥρας ἐν ᾧ τό πλῆθος
τοῦ κτίσματος τοῦ θεοῦ τό
θανατηφόρον ἔπιεν ἐπὶ τοῦ
πολέμου ποτήριον

(л. 141) Περί τῆς ὁράσεως ἀνε-
ῳγμένων τῶν οὐρανῶν

(л. 142οб.) Περί τῆς μυστικῆς
ἔξοδου τῆς παρεμβολῆς ἐκ
τῆς ἐπὶ τὸν πόλεμον, καί
τῆς ἐπὶ τούς τατάρους ἐν-
δόξου νίκης

(л. 144) Περί τῆς συναθροίσεως
τοῦ χριστιανικοῦ στρατού
ὑπό τάς ἴδιας σημαίας ...

(л. 146οб.) Περί τῆς περιηγήσεως
τοῦ μεγάλου κνέζου Δημητρίου
μεταξύ τῶν πτωμάτων

(л. 149) Περί τῆς διασκέψεως τῶν
παρεμβολῶν καί ἀπαριθμήσε-
ως τῶν φονευθέντων

(л. 151) Περί τῆς ἐπανόδου τοῦ
μεγάλου κνέζου Δημητρίου
μετά πανηγυρικῆς νίκης πρός
Μοσκόν

(л. 153οб.) Περί τῆς ἀποδημίας
τοῦ μεγάλου κνέζου Δημητρίου
πρός τὴν μονήν τῆς ἀγίας Τρι-
άδος

(л. 155οб.) Περί τῆς καταφθορᾶς
τοῦ Μαμάου

- (π. 19οδ.) Περί τοῦ πόσα ἔτη
ἔπαθε ἡ Μοναρχία ὅλης
τῆς ῥώσσιας ὑπό τοῦ ζυ-
γοῦ τῶν Τατάρων
- (π. 156) Περί τῆς τοῦ Κιόδου
Κνεζείας ὑπό τῷ πονηρῷ
ζυγῷ τῶν τατάρων
- (π. 160οδ.) Περί τῆς μετοικεσίας
τοῦ τῆς Κιοβίας μητροπολί-
του ἐν Μοσκβῇ
- (π. 161) Περί τῆς προσλήψεως
τῆς ἐνθρόνου τῶν ῥώσσων
πόλεως Κιοβίας, παρά τοῦ
κνέζου τῆς λήτβας Γεδημή-
νου ...
- (π. 163οδ.) Περί τοῦ πότε ἐν τῇ
βασιλευούσῃ πόλει Μοσκβῇ
ὁ πατριαρχικός θρόνου κα-
τεσκευάσθη
- (π. 166) Περί τῆς ἐπιστροφῆς
τῆς τοῦ Κιόδου μεγίστης
κνεζείας εἰς βοεβοδείαν
- (π. 168) Περί τῆς ἀνακάμψεως
αὐθίς εἰς τὴν πρωτέραν
βασιλικήν γένεσιν τῆς θε-
οσώστου πόλεως Κιοβίας
- (π. 171οδ.) Περί τῆς πρώτης ἐπι-
δημίας τῶν ἀγαρηνῶν ὑπό^{τού} τοῦ τζιγούρινον
- (π. 175) Περί τῆς ^{βασιλικής} ἀφίξεως
τῶν ἀγαρηνῶν ὑπό τοῦ τζη-
γηρήνιον
- (π. 20) Περί τῆς Κνεγίας τοῦ
Κιόδου ὑπό τοῦ δεινοῦ ζυ-
γοῦ τῶν Τατάρων
- Περί τῆς μεταθέσεως τοῦ
Μητροπολίτου τοῦ Κιόδου
εἰς τὴν Μόσχαν
- (π. 20οδ.) Περί τοῦ πόθεν δύω
Μητροπολίται ἥρχησαν νά
ἥναι εἰς τὴν ῥώσσιαν
- (π. 21) Περί τῆς μεταθέσεως τῆς
Κνεγίας τοῦ Κιόδου εἰς
αὐθεντίαν
- (π. 21οδ.) Περί τῆς ἐπιστροφῆς
τῆς πόλεως Κιόδου πάλιν
εἰς τὴν πρώτην τῆς Βασιλι-
κήν τιμήν

(л. 176οб.) Περί τῆς ἀνδόξου
νίκης τῆς ἐπί τούς τούρκους
καὶ τατάρους γενομένης ἐπί¹
τοῦ ὅρους

(л. 181) Περί τῆς ὑπό τό τζηγη-
ρῆνι ἐπιδημίας τῶν ὁρθοδό-
ξων στρατῶν

(л. 182οб.) Περί τῆς ἐπιστροφῆς
τῶν χριστιανικῶν στρατευμά-
των ἀπό τοῦ τζηγηρινίου ...

(л. 186) Περί τῆς ἐπιδημίας τῶν
πολλῶν βασιλικῶν δυνάμεων
καὶ στρατῶν τῆς ζαπορόγας
πρός τήν Κιοβίαν

стр. 22

(л. 22οб.) [Прим. К.К.П.: после
тексте идет следующее заме-
чание того же писца или пе-
реписчика:]

'Ιστέον δέ ὅτι ἐν αὐτῇ τῇ
Συνόψει πολλά ἐλλείπουν
εἴτα δε καὶ περὶ τοῦ Τζεχι-
ρίου. καθότι αὐτή ἔδόθη μέ
τύπον πρότερον. ἀλλα δε
είναι νεώτεραι καὶ τελειό-
τεραι.
Τέλος καὶ τῷ Θεῷ δόξα.

[прим. К.К.П.: Далее нет разде-
ления на главы.]

(л. 199) Θεῷ τῷ ἐνί τριάδι ἀγίᾳ
πατρί καὶ, σιώ, καὶ ἀγίῳ
πνεύματι, τῷ ὄρίσαντι, τῷ
εὑχρηστον τοῦτο βιβλίον κα-
λούμενον σύνοψις, ἀρξασθαι

καί πληρώσαι, τιμή, δόξα,
προσκύνησις, καί εύχαριστία.
Ίνα τούς κοπιόντας, τάς ἀρ-
χάς προμυθουμένους, διακο-
νοῦντος καί διορθοῦντος εύλο-
γήση, καί εἰς μείζωνα σπου-
δήν ἀσφαλήση. τούς δέ ἀνα-
γινώσκουντος τοῦτο καί
(π. 199οβ.) ὁφελου//μένοις χάρις,
καί ἔλεος ἐστι, ἀμήν. δόξα σοι,
δόξα σοι, δόξα σοι τῷ μόνῳ Θεῷ.
καί τῇ παναχράντῳ κυρίᾳ Μαρίᾳ
τῇ Θεοτόκῳ πάλιν Δόξα σοι.

Μετεφράσθη ἐν ἔτει 1693ῷ. ἐν
μηνὶ ἀπριλλίῳ, ἐν τῇ βασιλευ-
ούσῃ μεγαλοπόλει μοσκβᾷ ἐν
τῇ σεβασμίᾳ μονῇ τοῦ ἀγίου
Νικολάου, τῇ ἐπιλεγομένῃ
μπολσάγια Γλαβά, ὑποτελούσῃ
τῇ ἐν τῷ ἀθω τῶν ιθίρων ίερᾳ
καί βασιλικῇ μονῇ.
ἀνεγνώσθη ἐν Μοσκβᾷ. 1693,
Μαΐου 17.²⁵

(πλ. 200-201) Κατάλογος τῶν τε
πατριαρχῶν καί βασιλέων τῆς
θεοσώστου πόλεως μόσκβης τῆς
βασιλευούσης.
ἔξεγράφη ἀπό τοῦ συνοδικοῦ.

*Фессалоники,
Институт Балканистики.*

²⁵ Автограф Хрисантоса Нотараса.

Рис. 1: Титульный лист первого издания произведения "Синопсис" (1674 г.).

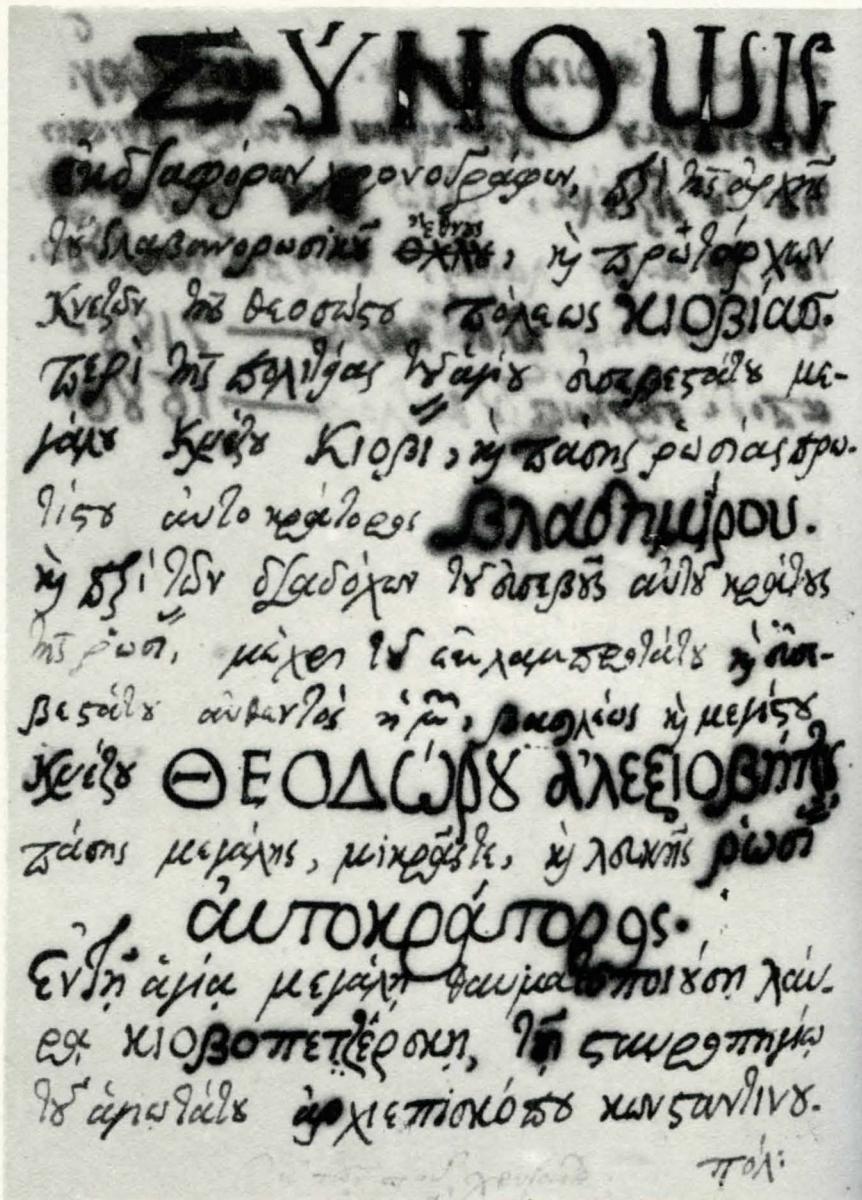

Рис. 2: Рукопись Святогробского подворья, № 531, л. 1.

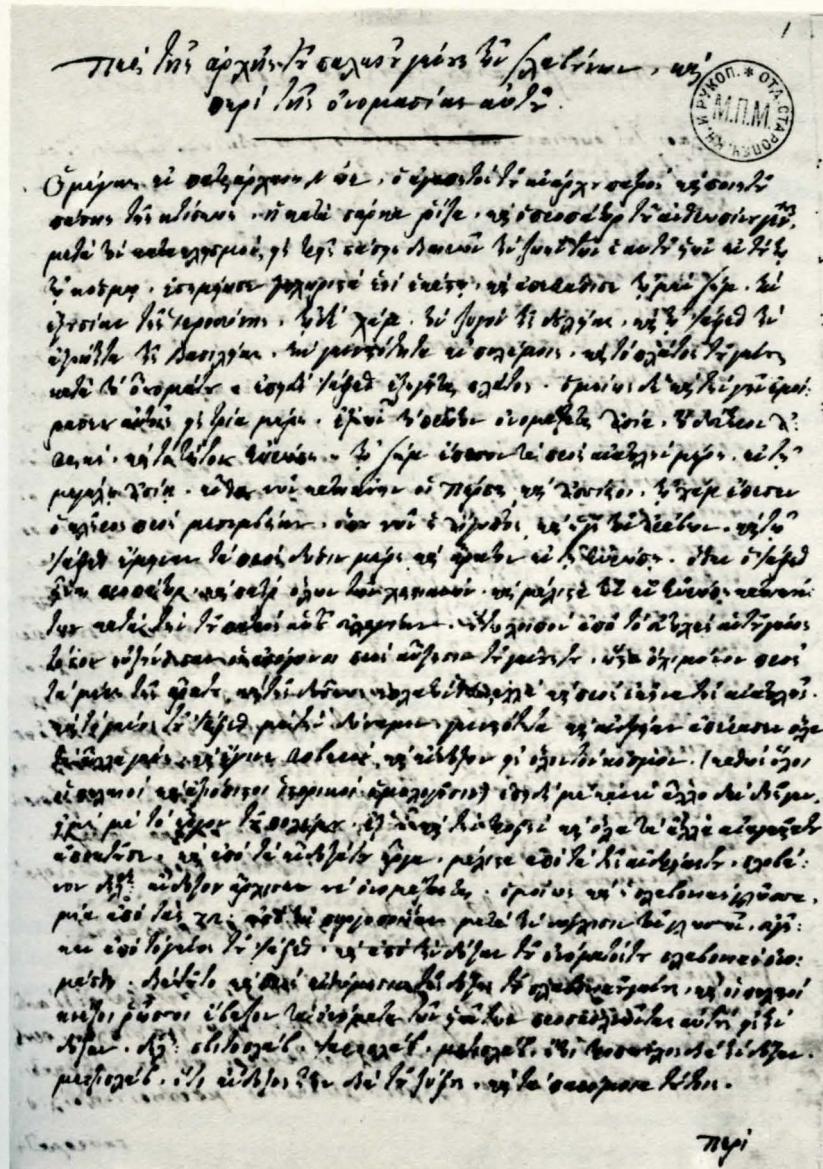
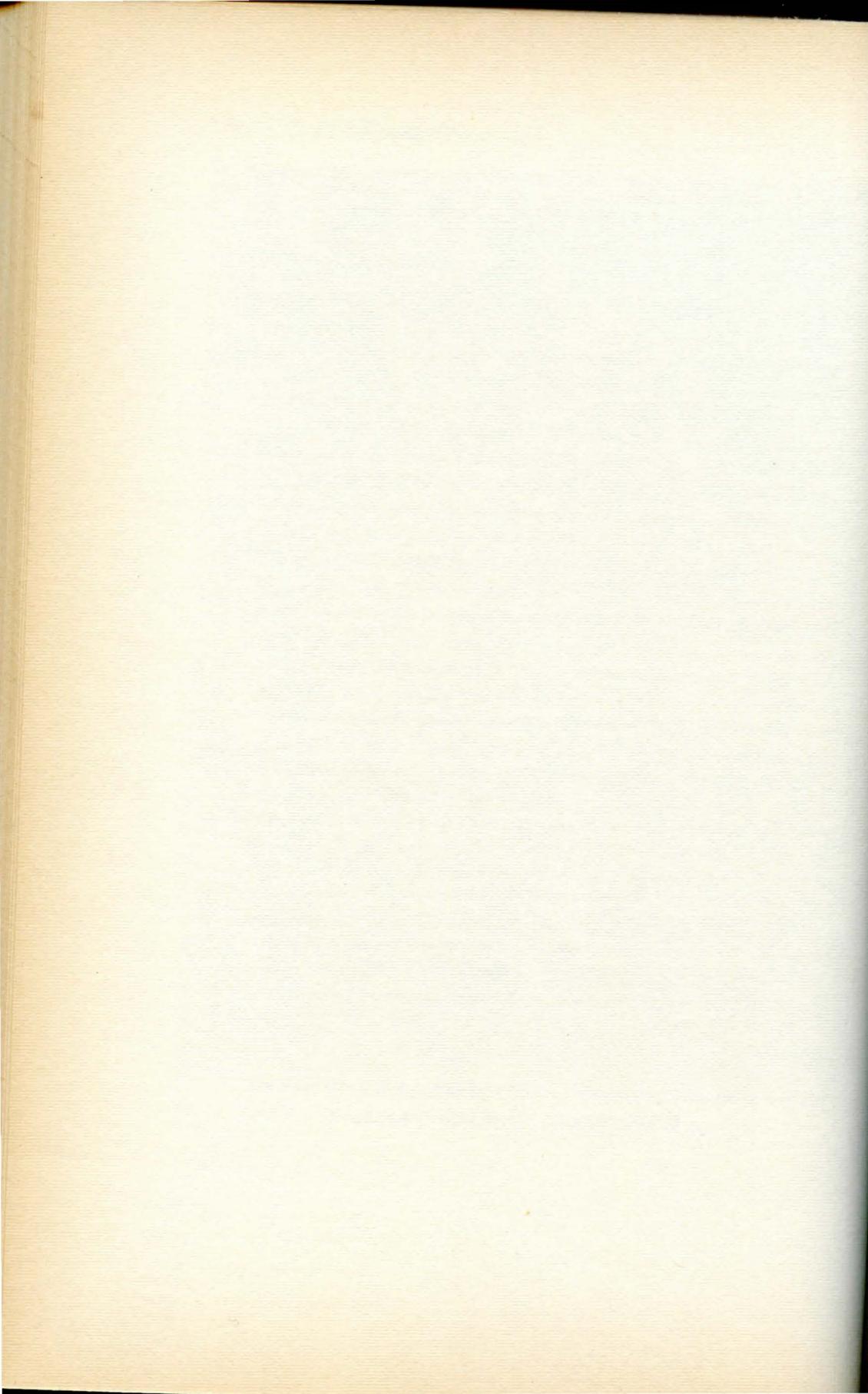

Рис. 3: Рукопись Государственной Публичной библиотеки им.
В.И.Ленина, Ф. 253, № 615, л. 1.

ИСТОРИЯ КНИГИ О ДВЕНАДЦАТИ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЯХ ЕПИФАНИЯ КИПРСКОГО В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

И. И. Макеева

В Изборнике Святослава 1073 г., одном из наиболее ранних и известных памятников древнерусской письменности, изученном, к сожалению, далеко не надлежащим образом, помещена Книга о двенадцати драгоценных камнях на наперснике первосвященника Епифания Кипрского (Саламинского). Ни одни исследователь, так или иначе занимающийся историей представлений о минералах на Руси, не может не коснуться этого произведения. Он обязан изучить его или хотя бы упомянуть уже по той причине, что это самое раннее известное нам в русских памятниках письменности сочинение на такую тему. В дальнейшем оно было достаточно популярно, бытовало на протяжении семи веков и имело, как и в Европе, собственную историю.

Трактат отражает определенную эпоху представлений о минералах. Поскольку его создатель основывался как на богословских представлениях, так и на естественнонаучных знаниях предшествующих столетий с характерными для этого периода верованиями в целебную силу минералов, Трактат представляет собой сочинение, гармонично вписывающееся в ряд многочисленных произведений на "минералогическую" тему в средневековой Европе. Они состоят из различного числа глав, каждая из которых посвящена одному камню и содержит описание его внешнего вида, местонахождения, лечебных и магических свойств. Эти произведения были не только прозаическими, но и поэтическими, как, например, "Лапидарий" Марбода Реннского (1035-1123).¹ Некоторые из них содержали христианскую символику. В

¹ Марбод Реннский. Лапидарий // Минералы в медицине античности и средних веков. Сборник научных трудов 2-го Московского медицинского института. М., 1985. С. 14-39.

сочинении Генриха фон Мюгельна "Тум" зеленый смарагд (изумруд) символизирует чистую веру, зеленый луг, на котором "пасутся" верующие. Фиалкового цвета аметист, оберегающий от пьянства, ассоциируется с Марией: она пробуждает от сна, в который погружено сознание при пьянстве и душа при грехе; пьянство — грех, от которого избавляет Мария.²

Сочинение Епифания представляет собой своего рода толкование на соответствующие стихи XXVIII главы библейской книги Исход, где описан украшенный двенадцатью драгоценными камнями наперсник первосвященника. Камни располагались в четыре ряда, по три камня в каждом ряду. Их состав варьируется в различных переводах библии. У Епифания двенадцать камней наперсника соотнесены с двенадцатью патриархами, чему посвящена вторая часть произведения.

Трактат Епифания Кипрского был известен, очевидно, в нескольких вариантах. Наиболее ранним из сохранившихся является, видимо, *Versio antiqua*.³ Ее издатель сообщает по меньшей мере о двух разновидностях этого сочинения. Первая, созданная самим Епифанием, была посвящена Диодору и преподнесена Иерониму Блаженному. По свидетельству последнего, она была создана в 90-ые годы IV в. (между 392 г. и 397 г.), отличалась большим объемом и множеством подробностей. Авторство второй разновидности — *Epitome* — спорно. Одни считают ее также принадлежащей Епифанию, другие — Анастасию Синаиту. Именно к *Epitome* близок, а иногда и аналогичен ей русский вариант Трактата Епифания в составе Изборника Святослава 1073 г. *Versio antiqua*, видимо, близка к оригинальному сочинению Епифания, если только это не одно и то же, но в виде фрагментов.

Epitome по сравнению с *Versio antiqua* характеризуется меньшими подробностями и даже отсутствием некоторых эпизодов. Так, например, в ней нет рассказа о добыче иакинфа (*hyacinthus*) из недоступной пропасти с помощью орлов, которые поднимают с ее дна брошенное туда мясо вместе с прилипшими к нему камнями. Этот эпизод содержит русская версия Трактата. Он известен также по путешествию Марко Поло (как способ добывки алмазов) и по сказкам

² Zu den Edelsteinstrophen in Heinrichs von Mügeln "Tum" // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. Tübingen, 1983. Bd. 105, Heft 1. S. 80-116.

³ Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis, 1858. Vol. 43. Col. 305-372.

Книга Епифания Кипрского

"Тысяча и одна ночь". Видимо, поэтому Н. Баталин считал, что Епифаний составил свою Книгу по существовавшим на Востоке сказаниям.⁴

В Epitome отсутствует также описание месторождения смарагда на некоем острове в Красном море, по пути из Фив (Египетских) в Индию, напротив Береника. Этот сюжет присутствует в считающейся одним из источников Трактата Естественной истории Плиния Старшего⁵ но там речь идет о хризолите (по современным данным, остров Зебергет, месторождение оливинахризолита, именовавшегося в старорусских источниках XVI-XVII вв. заберзать).

В русском варианте по сравнению с Epitome при описании сардиона отсутствует описание сардоникса, иначе называемого молохάс (molochites); у пазнона (топάչиу) — история его находки в камне и продажи, в результате чего он оказался в короне фиванского царя; у иасписа — его способность наводить ужас на людей и др.

На Руси сочинение Епифания было включено в целый ряд старорусских источников: Александрию второй, третьей и четвертой редакций, Великие Минеи Четыри, собранные митрополитом Макарием (XVI в.), некоторые хронографы, азбуковники или алфавиты. Оно вошло и в Толковую Палею, где содержит отсутствующее в других памятниках соотнесение камней с двенадцатью патриархами, из чего А. Карпов сделал вывод о том, что в состав азбуковников Трактат Епифания вошел непосредственно из Палеи.⁶ Однако необходимо указать на различия текста Трактата в Палее и азбуковниках. Если в Палее этот эпизод входит непосредственно в текст и сопровождается характеристикой нравственных качеств и некоторыми другими подробностями (аписъ оўво Ѱелень къ ... оўподовлень ·е· ڇаѹлоѹ ·г· моѹ сноѹ иаковлю сноѹ линиоѹ. понеже ваше моѹжъ влѓъ. и кротокъ. и смиренъ иако въ ڇавѣтѣ глїи къ сноѹмъ своимъ. чстою пред вмъ аще съгрѣшихъ разѣтѣ в мысли не вѣмъ но всею простотою ср҃дца. послоѹшахъ оїа и стартѣшик вратіа но и первок реч. начаխъ плавати по морю иегюпътьскомоѹ локитвоѹ творѧ оюю своимоѹ. и вѣлѣстъюѹ поспѣвшіе труды мои...) ⁷ то в азбуковниках

⁴ Баталин Н. Древнерусские азбуковники // Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 3. С. 52.

⁵ Аксентон Ю.Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 280-282.

⁶ Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 62.

⁷ Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892-1896. Вып. 1, 2. С. 276.

не в тексте, а на полях приводятся только имена патриархов. Иногда упоминаются также имена двенадцати апостолов, с которыми камни были соотнесены в Толкованиях Андрея Кесарийского на Апокалипсис: Шестыи иаспісъ есть камень зеленъ открытаєтъ на ѿстїи фермодоты рѣки. и на аманистѣи рѣцѣ тreve же есть в пилитї.⁸ На поле:

з	п
а	е
оу	т
л	р
о	ъ
н	
ъ	

В другом азбуковнике с Заулоном соотнесен пятый камень — сапфир; шестой же иаспис — с Невталином.⁹

Азбуковники оказались заключительным звеном в ряду памятников, содержавших Трактат Епифания Кипрского о двенадцати драгоценных камнях на наперснике первосвященника. В них он мог быть изложен в своем обычном виде или, будучи разделен на 12 отдельных статей, помещался в основной текст на букву, соответствовавшую начальной в названии камня. Новым было включение в текст Трактата якобы синонимичных названий по типу "анфраксъ камень или халкидонъ". Всего таких пар было пять: анфракс - халкидон, иакинф - лигурион, онухион - хрисопрасос, сардион - сердолик, ахатис - сардоник.

Первая из этих пар была известна русским книжникам уже по Толкованиям на Апокалипсис Андрея Кесарийского: халкидонъ же андрѣа кже кѣсть анфракъ сирѣчъ огль горацъ иако възгорѣкъша съ стѣ аѧ.¹⁰ Характерной чертой азбуковников было стремление их создателей сконцентрировать максимум сведений о предмете или на определенную тему, каковой были и драгоценные камни. А. Карпов обратил внимание на то, что в одном из алфавитов XVII в.

⁸ Азбуковник. Ркп. ГИМ, Син. № 352, л. 84. 1654 г. В одном из хронографов (ркп. ГИМ, Увар. № 1, 1⁰, л. 632 об.-633 об. XVII в.) текст Трактата — тот же, что и в Палее, и сопровождается таким же вынесением имен на поле, как в Азбуковнике.

⁹ Азбуковник. Ркп. ГБЛ, ф. 228, № 197, л. 37. XVII в.

¹⁰ Апокалипсис с Толкованиями Андрея Кесарийского. Ркп. БАН, собр. Ник., № 1, л. 100 об. XIII в.

Книга Епифания Кипрского

Соловецкой библиотеки, отличающимся от других полнотой толкований, выписками с указанием на источник и количеством объясняемых слов, сведения о камнях заимствованы из Толкований Андрея Кесарийского на XXI главу (19-21 ст.) Апокалипсиса.¹¹ Кроме того, видимо, составитель азбуковника пытался соотнести двенадцать камней на наперснике и двенадцать камней в описании небесного Иерусалима, из которых совпадают только три четверти:

Апокалипсис
(по рукописи ГИМ, Син. № 106,
л. 149-150. XVII в.)

аспидъ
самфир
халкидонъ
измарағдъ
сардиниғъ
сардонъ
хризолифъ
вирилость
топазишинъ
хрисолапъ
акинфос
амефисс

Трактат Епифания
(по Изборнику Святослава
1073 г.)

съардион
пагнон
змарагдъ
анфракъсъ
санъфири
иасписъ
факиниъ
ахатис
амефус
хрофсолионъ
кироулишъ
имхюон

Именно несовпадающие названия в порядке их следования были объединены в "синонимичные" пары в алфавитах, а первая из них существовала уже в Толкованиях на Апокалипсис. Источником для этого Андрею Кесарийскому послужило само сочинение Епифания. И именно тот же самый эпизод связан с одной заменой в русском тексте Трактата, хотя не приходится предполагать знакомства русских книжников с упомянутыми выше разновидностями этого произведения.

Если в Изборнике Святослава 1073 г. в соответствии с греческим текстом об анфраксе сказано, то он въкакъ же въ кархидонѣ ликоисциемъ иже наречеться африкии¹² (Γίνεται δὲ ἐν Καρχηδόνι τῆς Λιβύης,

¹¹ Карпов А. Указ. соч., с. 167-168.

¹² Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. М.: Книга, 1983. Л. 152 об.

ητὶς Ἀφρικεὶ λέγεται),¹³ то во всех последующих источниках Кархидон заменено на Халкидон: ... въкаеть же въ ҳалкідонѣ ливійстѣмъ иже нарічаетя африкій.¹⁴ Кархидон (Καρχηδόν) — Карфаген, город на северном побережье Африки (современный Тунис); Халкидон (Χαλκηδόν) — город в Вифинии, в Малой Азии.

В обоих вариантах Трактата Епифания, в Epitome и в Versio Antiqua> перевод которой на грузинский язык известен в сборнике X в.,¹⁵ сообщается, что существует еще один камень, именуемый χαλκηδόνιος, calchedonius (calcedonius), по внешнему виду чрезвычайно схожий с анфраксом (лат. carbunculus), находимым в Карфагене. О карфагенских карбункулах подробно говорит Плиний, трудами которого должен был пользоваться Епифаний. Плиний называет среди множества разновидностей карбункулов гармантийские, именовавшиеся карфагенскими из-за обилия их в Карфагене.¹⁶ Итак, камень из Карфагена в Ливии был похож на другой, называвшийся calcedonius. Некоторое сходство названия одного камня и наименования местонахождения второго вводило в заблуждение. Один из издателей сочинения Епифания, Геснер, подправлял χαλκηδόνιος на καρχηδόνιος.¹⁷ Видимо, был поставлен знак равенства между анфраксом и похожим на него calcedonius,¹⁸ название которого связано с именем города (Халкидона). И таким образом Кархидон (Карфаген), местонахождение анфракса, был преобразован в Халкидон. Что же касается русской версии Трактата, в которой не было пассажа о втором камне, видимо, менее известное наименование было заменено на более знакомое и казавшееся более

¹³ Ркп. ГБЛ, арх. О.М.Бодянского, ф. 36, карт. 6, № 3. Codex Coislinianus, № 120, л. 118 об.

¹⁴ Истрин В.М.Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 153. XV в.

¹⁵ См.: Джанашвили М.Г.Драгоценные камни, их названия и свойства (из грузинского сборника X в.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 24. С. 1-72.

¹⁶ Плиний Старший. Естественная история (книга 37-ая) // Минералы в медицине античности и средних веков. Сборник научных трудов 2-го Московского медицинского института. М., 1985. С. 77.

¹⁷ Migne. Op. cit., col. 332.

¹⁸ Попутно касаясь соответствующего раздела труда Плиния, Клеман-Мюлле указал, что эти камни "on appelle aussi escarboüles carthaginoises, carchedonii". — Clément-Mullet. Essai sur la minéralogie arabe // Journal Asiatique. Sixième série. T. 11. Paris, 1868. P. 53.

уместным. Ср. в одном из алфавитов: **Халкидонъ єс град в земли греческой есть же и камень нарицаемый халкидон иже єс анфраъ.**¹⁹

Две другие синонимичные пары — **ахатис и сардоник, онухион и хрисопрасос** — появились в результате того же стремления формально соотнести оба перечня драгоценных камней.

Иначе дело обстоит с парой **иакинф — лигурин**. В древне- и старорусских памятниках, содержавших описание наперсника (Пятикнижие XIV в., Библия 1663 г., Хроника Георгия Амартола, Шестоднев Иоанна Экзарха, История иудейской войны Иосифа Флавия, Хронограф 1512 г.) седьмым (или девятым, как у Флавия) камнем, так же как и в Септуагинте, Вульгате, Epitome и Versio antiqua, был лигурин (*λιγύριον, ligurius*). В русском варианте Трактата — уакинф. Истоки этого следует искать у самого Епифания, который считал (и это есть в греческом и латинском текстах), что отсутствие в священных книгах названия иакинф обусловлено тем, что этот камень или одна из его разновидностей подразумевались под словом лигурин.²⁰ Составитель азбуковника, вновь соотнося описания, но на этот раз одного предмета в разных памятниках, создал еще одну "синонимичную" пару. Непосредственным источником был, видимо, перечень камней в указанных выше памятниках письменности, поскольку в настоящее время нет оснований предполагать знакомство древнерусских книжников с соответствующим текстом Епифания.

Единственной парой, сформированной по смысловому принципу, является **сардион — сердолик**. Есть основания полагать, что оба слова означали современный сердолик. Под именем сарда, получившего название от первоначального местонахождения в Сардах,²¹ сердолик описан Плинием, который сообщает, что наиболее красивые камни доставлялись из Вавилонии. Сердолик у Теофраста также именуется *σάρδιον*. Оба слова восходят к одному и тому же греческому, но сардион представляет собой непосредственное заимствование, а сердолик — получившееся путем народного осмысления в сторону *сердце и лик*,²² известное в

¹⁹ Книга глаголемая гречески алфавит. Ркп. БАН, Арх.д., № 446, л. 249 об. XVII в.

²⁰ Джанашвили М.Г. Указ. соч., с. 39; Migne. Op. cit., col. 300.

²¹ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1977. T. 4. P. 988.

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1971. Т. 3. С. 605.

И. И. Макеева

русском языке с XVI в. Не подтверждая и не оспаривая эту этимологию, заметим лишь, что в одном из азбуковников представлена форма *сардоникъ*.²³ Таким образом, единственный раз были объединены слова, действительно являющиеся синонимами. При этом одно из них характерно для древне — и старорусской книжной письменности, другое — для старорусской деловой.

Сочинение Епифания оставалось единственным и вполне авторитетным теолого-минералогическим сочинением на Руси. Оно не утратило своей роли и в XVI-XVII вв., когда была создана Торговая книга, явившаяся практическим руководством по минералогии того времени, и когда были переведены европейские *Hortus sanitatis* именовавшиеся травниками. В *Versio antiqua* и в старорусских травниках и вертографах обнаруживаются общие мотивы, которые могут свидетельствовать как об общих источниках, так и об использовании авторами последних в качестве источника *Versio antiqua*. Сочинение Епифания не конкурировало с новыми естественнонаучными памятниками. Каждый из них принадлежал определенной сфере. Будучи некогда последним словом европейской науки, известным русским с XI в., Книга Епифания Кипрского о двенадцати драгоценных камнях на наперснике первосвященника со временем становится принадлежностью русской книжности, своего рода каноническим памятником.

Москва

²³ Азбуковник. Рпк. ГИМ, Син. № 352, л. 83 об. 1654 г.

**П. В. ПОСТНИКОВ — ВЫПУСКНИК
СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ.
(Некоторые материалы для биографии)**

Н. Н. Запольская

В истории русской культуры и науки XVIII в. встречается еще немало несправедливо забытых имен. Обращаясь к исследованию судеб русской интеллигенции петровской эпохи нельзя обойти вниманием значительную группу — воспитанников Славяно-греко-латинской академии, посвятивших себя делу распространения науки и культуры в России. Одним из тех, кто способствовал "российскому просвещению", был Петр Васильевич Постников — первый русский дипломированный доктор, дипломат и переводчик.

Биографических данных о Петре Постникове сохранилось немного. Основные сведения о нем представлены в работах конца XIX - начала XX вв.: в статьях Забелина И. "Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки" (1887 г.), Шмурло Е. "П. В. Постников. Несколько данных для его биографии" (1894 г.), Цветаева Д. "Медики в Московской России и первый русский доктор" (1896 г.), Бычкова А. "Новые материалы для биографии первого российского доктора" (1911 г.). В дальнейшем личность и судьба Петра Постникова не привлекали внимания исследователей. Между тем это был человек, активно трудившийся на самых различных поприщах, способствуя просвещению своих соотечественников. Однако судьба Петра Постникова сложилась так, что имя его было незаслуженно забыто.

В настоящей статье нам хотелось бы подробнее рассказать о разносторонней деятельности Петра Постникова.

П. В. Постников — ученик
Славяно-греко-латинской академии

Петр Постников получил свое первоначальное образование у приглашенных из Константинополя ученых греков братьев Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской академии. В петровскую эпоху образование складывалось из двух стихий — относительно традиционного "еллино-латинского просвещения" и нового "европейского просвещения". Центром "еллино-латинской учености" явилась Славяно-греко-латинская академия — первое высшее гуманитарное заведение, сыгравшее большую роль в развитии просвещения и культуры в России. Основная цель "науки и учености" в академии состояла в подготовке образованных людей для церкви и государства: в подготовке "ученых справщиков для Книгопечатного двора, ученых переводчиков с греческого, способных в точности исправить вкравшиеся в течение веков описки и ошибки церковных текстов, наконец, в вершине всего — ученых защитников православия" (Забелин, 1887, с. 12).

М. Сменцовский в своем труде "Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков" особо отмечал серьезность постановки школьного дела в Славяно-греко-латинской академии и солидность научного образования, которое получали ученики братьев Лихудов: "в краткое время своего учительства они подготовили несколько вполне образованных воспитанников, каковы Николай Семенов (Головин), Федор Поликарпов, монахи Козма, Феолог и Иов ... кроме поименованных, из учеников Лихудов достоин упоминания Петр Васильевич Постников (выделено мной — Н. З.), первый русский доктор медицины ... он был сын известного дьяка Посольского приказа (Василия Постникова), учился у Лихудов с 1685 по 1692 г." (Сменцовский, 1899, с. 288). Известно, что братья Лихуды приступили к преподаванию 31 марта 1685 г. (Смирнов, 1855, с. 24). Самыми первыми их учениками были старшие учащиеся "тиографской" греческой школы (при Печатном дворе) иеромонаха Тимофея: Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и Иосиф Афанасьев. Позже к ним присоединились чудовский монах Иов и иеродьякон Богоявленского монастыря Палладий Рогов — будущий ректор Славяно-греко-латинской академии. Среди самых первых учеников Лихудов мы не находим Петра Постникова, однако он без сомнения был одним из первых

Материалы для биографии Постникова

учеников, поскольку, начиная со времени официального открытия академии (1687 г.) имя Петра Постникова упоминалось наряду с именами первых учеников. Как видно из архивных ведомостей академии, Петр Постников регулярно доказывал "остроту понимания" "похвальным успехом". Свидетельством неординарных способностей и значительных достижений в школьном обучении являлись "золотые награды", жалованные Петру Постникову патриархами на протяжении всех лет обучения как одному из лучших учащихся:

—1687 г.: "В январе 1687 ... 29 числа быть может в воспоминание первого открытия, богоявленская деревянная школа ... видела в своих стенах светлейшего патриарха ... Теперь в школе преподавали уже грамматику, и патриарх слушал "греческого грамматического учения" и после слушания пожаловал учителям Софронию и Иоаннику ... по 5 золотых, да ученикам детям боярина князь Юрья Михайловича Одоевского князь Михаилу да князь Юрью, да князь Петру, да кравчаго князь Бориса Алексеевича Голицына сыну князь Алексею да дьяка Василья Посникова сыну Петру (выделено мной — Н. З.) — по золотому человеку" (Забелин, 1887, с. 7; Сменцовский, 1899, с. 65);

"Декабря в 28 день приходили ко святейшему патриарху в Крестовую палату школьные учителя грекоиеромонахи Иоанникий да Софропий, которые учат учеников греческому учению в школе, со учениками, и говорили святейшему патриарху ученики поздравительные речи. И святейший патриарх учителей грекоиеромонахов Иоанникия и Софрония пожаловал денежною дачею, а ученикам их святейший патриарх пожаловал князь Алексею Борисову сыну Голицыну три золотых, Тимофею да Петру Тимофеевым детям Савеловым по два золотых, Константину Литвинову, Ивану Мусину-Пушкину, Ивану Бухвастову, Петру Посникову (выделено мной — Н. З.), Никите Семенову, Федору Перевотчикову, Ивану Алексееву ... по одному золотому" (Цветаев, 1896, с. 41);

—1688 г.: "(20 апреля) говорили святейшему патриарху ученики "погреческую" и "пословенскую" поздравительные речи ... и святейший патриарх грекоиеромонах Софрония пожаловал денежною дачею, а ученикам святейший патриарх пожаловал: Петру Васильеву сыну Посникову (выделено мной — Н. З.) два золотых, Никите Андрееву сыну Семенову ... Ивану Афанасьеву сыну Мусину-Пушкину, Алексею Кириллову, Николаю Семенову, Федору Поликарпову ... по золотому человеку" (Цветаев, 1896, с. 41);

—1689 г.: "В Рождество 1689 г. Иосиф Афанасьев и его товарищи — семь человек (среди них мог быть и Петр Постников — Н. З.) приветствовали патриарха "орациями" своего сочинения" (Сменцовский, 1899, с. 66);

—1691 г.: (27 декабря) старшие ученики "славили Христа греческим распевом ... и ученики говорили "полатине" и "пословенску" о Рождестве Христове многие речи ... и святейший патриарх пожаловал учителей денежною дачею, а ученикам их Петру Постникову (выделено мной — Н. З.) три золотых (ср.: "две золотых" — Сменцовский, 1899, с. 66), Николаю Семенову, Федору Поликарпову, Алексею Кириллову по золотому да по ефимку, Федоту Агееву, Федору Герасимову, Андрею Михайлову, Георгию Михайлову, Ивану Дмитриеву по ефимку человеку" (Цветаев, 1896, с. 42);

"В Пасху 1691 г. Петр Постников получил 3 золотых, остальные шесть человек по ефимку" (Сменцовский, 1899, с. 66).

Показательно, что высших наград Петр Постников был удостоен в тех случаях, когда ученики приветствовали патриарха "пословенску", "погреческу" и "полатине" "орациями" своего сочинения. Можно думать, что "орации" Петра Постникова были составлены в полном соответствии с требованиями, которые Софроний Лихуд предъявлял к риторике: "Не естьubo, яже отъ многихъ мнится быти риторика — ткане речени и кругъ періодовъ, хиторостнѣ обточенъ. Риторика есть рѣка великаго ума, яже состоится паче вещми и разумы, неже словцами" (Сменцовский, 1899, с. 73).

Несомненной заслугой Лихудов явилась организация систематического изучения классических языков — греческого и латинского. Позже один из лучших учеников Лихудов, Федор Поликарпов, свидетельствовал в своем "Лексиконе треязычном" (1704 г.), что греческий язык следовало изучать "во утверждение правых Греческихъ догматъ", а латинский язык "паче иныхъ во гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ обносится" (Строев, 1829, с. 206). Несмотря на то, что Лихуды преподавали как греческий, так и латинский язык "средоточием и главной силой был язык греческий, а с ним все образование носило господствующий характер греческий", поэтому академия именовалась также "Греческие школы" и "Эллино-греческая академия".

Доказательством хорошо продуманной методики преподавания служит как сама структура академии, так и сохранившиеся списки учебных руководств, составленных Лихудами. В те годы, когда обучался Петр Постников, Славяно-

Материалы для биографии Постникова

греко-латинская академия разделялась на подготовительный класс — "школу словенского писания", "низшую школу" — "школу греческого книжного писания", "среднюю школу" — школу "греческой грамматики" и "верхнюю школу" — школу риторики (с 1688 г.), логики и физики (с 1690 г.). Риторику, логику и физику Лихуды преподавали на греческом и латинском языках, грамматику — на греческом. Поскольку до 1694 г. братья Лихуды были единственными учителями, в академии практиковалась система обучения, получившая впоследствии название ланкастерской, при которой старшие ученики вели занятия с младшими. Руководствами для обучения служили учебные пособия, составленные самими "учеными греками" и расчитанные на данную конкретную аудиторию. Так, в частности, в год официального открытия академии (1687) Софроний и Иоанникий написали свой первый учебник — краткую грамматику греческого языка. Ориентиром для составления этого учебного пособия послужила известная греческая грамматика Константина Ласкариса, вышедшая первым изданием в Милане в 1476 г. Однако лихудовский учебник отнюдь не являлся простым сокращением грамматики Ласкариса: учитывая свою аудиторию, Лихуды ввели новые разделы (например, о произношении, о написании), конкретные пояснения (например, о различии между залогами), местами изменили порядок следования материала, убрали развернутые парадигмы склонений и спряжений, оставив лишь примеры (Копыленко, 1960, с. 88-89). Сам материал изложен у Лихудов методом "сократического диалога", т.е. в форме вопросов и ответов, так как краткая грамматика была предназначена для учеников младшей школы. Кроме того, в лихудовской грамматике рядом с греческим текстом имелся русский перевод, причем в рукописях, как правило, греческий и русский тексты написаны разными почерками.

Среди сохранившихся списков учебных руководств на греческом языке, составленных Лихудами и переписанных их учениками, можно выделить целый комплекс списков, объединенных одним типом почерка: рукопись БАН, Q, № 5: вопросы и ответы на тему "Физики" Аристотеля; рукопись БАН Q, № 3 (л. 71-100, л. 39-68): курс лекций по риторике Софрония Лихуда; рукопись БАН, № 16.6.11: краткая грамматика греческого языка (греческий текст); рукопись ГПБ, Греческое собрание, № 152: курс лекций по логике Софрония Лихуда (дата в тексте — 1690 г.). По мнению Б. Л. Фонкича и И. Н. Лебедевой, тип почерка в данных рукописях совпадает с почерком, которым написаны л. 51-6 медицинской рукописи БАН, Q, № 8 и рецепты, вложенные в эту рукопись (Лебедева, 1973, с. 117).

Проведенные наблюдения над типом почерка и составом рукописей позволили современным исследователям предположить, что переписчиком лихудовских учебных руководств был Петр Постников: "Наличие в числе данных рукописей медицинского текста и листка с рецептами позволяет выдвинуть версию о том, что писцом мог быть Петр Васильевич Постников ... (который) еще в Москве начал заниматься медициной" (Трохачев, 1988, с. 212).

Обучаясь "греко-латинскому книжному писанию" у учителей "греческих высоких наук", лучшие ученики Лихудов, по словам Федора Поликарпова, приобретали "таланец Славеногреческих наук". Успехи "греческого и латинского учения" были столь блестательны, что "верхние ученики" могли свободно говорить на обоих языках и переводили книги на церковнославянский язык. Так, в 1687 г. старшие ученики Николай Головин, Алексей Барсов. Федор Поликарпов перевели "съ еллинского на славянскии діалектъ" известное полемическое сочинение своих учителей — "Акос"; в 1691 г. Иосиф Афанасьев, Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и монах Иов перевели на церковнославянский язык "Енхиридион", сочинение, приписываемое патриарху Досифею, и "Оправдание Кальвинских глав" Мелетия Сирига; в 1693 г. Федор Поликарпов перевел сочинение Нектария, патриарха иерусалимского "О власти папской". Среди лучших учеников, исполнявших данные переводы, никогда не указывалось имя Петра Постникова, что само по себе представляется странным, поскольку Петр Постников на протяжении всех лет обучения считался учеником "первой статьи".

Обращение к рукописи ГИМ, Син. б., № 158 (№ 308), содержащей переводы "Оправдания Кальвинских глав" Мелетия Сирига и "Енхиридиона" патриарха Досифея, позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что в переводе принимал участие и Петр Постников. А. Горский и К. Невоструев в "Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки" указывали, что "обе книги правлены ... Евфимием монахом, но первоначальный перевод, как видно по его характеру, принадлежит не Евфимию, а другим лицам, ученикам Лихудов ... имена переводчиков означенены первыми буквами при начале каждой тетради внизу ... именно: ("Оправдание ..." Мелетия Сирига) л. 10-45 (тет. 2-9) помечены: *iωc* (т.е. *Iωσιφъ Афанасьевъ*), л. 46-84 (тет. 10-16) — *П.П.* (кто такой неизвестно), л. 85-143 (тет. 17-23) — *А.К.* (д.б. *Алексей Кирилловъ Барсовъ*), л. 144-199 (тет. 24-30) — *Н.С.* (д.б. *Николай Семеновъ (Головинъ)*), л. 200-248 (тет. 31-37) — *%П.* (*Жедоръ Поликарповъ*), л. 249-305 (тет. 38-45) — *%Аг.* (д.б.

Материалы для биографии Постникова

Жедотъ Аг(г)ѣевъ); ("Енхиридион"): л. 308-323 (тет. 46-47) — %.П., л. 324-339 (тет. 48-49) — А.К., л. 340-378 (тет. 50-54) — %.П., л. 379-386 (тет. 55) — А.К., л. 387-397 (тет. 56-57) — Іѡв (монах Іѡвъ). (Горский и Невоструев, 1862, с. 489): Предложенная А. Горским и К. Невоструевым атрибуция криптонимов не вызывает сомнений, однако ими не были расшифрованы литеры П.П., — "кто такой нейзвестно". Учитывая приведенные нами факты, можно предположить, что скрывавшимся под криптонимом П.П. учеником Лихудов был не кто иной, как Петр Постников, который к 1691 г., т.е. к концу обучения в академии был уже "добрый грамматиком, искусным в Священном писании и догматах", в совершенстве владевшим классическими языками. "Золотые награды", жалованные Петру Постникову, наглядно демонстрировали "золотые успехи школьного учения ... и действительно, Петр Постников впоследствии опередил в учении даже Федора Поликарпова" (Забелин, 1887, с. 7).

П. В. Постников — студент Падуанского университета

В петровскую эпоху "российское просвещение" активно принимало в себя элементы "европейской образованности". Главным путем к "европейской науке" служила заграничная посылка русских дворян для обучения: "по всему свету рассеяны были русские люди" ... (они) "учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам, начиная с "философских и дохтурских" наук до печного мастерства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати" (Ключевский, 1958, с. 111).

Обширные знания, полученные в Славяно-греко-латинской академии, позволили и Петру Постникову продолжить обучение за границей. Еще в Москве под руководством доктора Пелярино, родственника Лихудов, Петр Постников приобрел начальные сведения из области медицины. Весной 1692 г. в сопровождении доктора Пелярино Петр Постников по "царскому изволению" был отправлен в Италию в Падуанский университет, где в свое время прошли курс "свободных наук" сами Лихуды. Среди документов Посольского приказа сохранился указ о направлении Петра Постникова в Венецию, а также отписка смоленского воеводы И. Головина об отпуске Постникова из Смоленска за "литовский рубеж": "... отпущенъ с Москвы в Венецию для совершения свободныхъ наукъ в Падвинскую академію ... Петръ Посниковъ для волного его тамо проѣзду дана ему проѣзжая грамота за государственою болшою

печатью, в которой онь Петръ Посниковъ написанъ урожденнымъ дворяниномъ" (Белокуров и Зерцалов, 1907, с. 243); "... отпущенъ онь (Постников) съ Москвы въ Венецию для науки въ одно время з доктором съ Яковомъ Пеляріемъ" (Цветаев, 1896, с. 44).

Материалы Падуанского архива упоминают имя Петра Постникова при вступлении в университет и при окончании им курса "свободных наук". Запись университетской канцелярии под 22 сентября 1692 г. гласит, что Петр Постников в первый год своих занятий жил на квартире университетского профессора канонического права, известного в то время ученого грека-патриста Николая Пападополи.¹ Одаренность натуры и глубокие знания позволили Петру Постникову легко освоить курс Падуанского университета и овладеть в совершенстве современными европейскими языками — французским и итальянским. Из сочинений Постникова к "падуанскому периоду", вероятно, можно отнести только диссертацию, написанную им при производстве в "докторское звание". После двухгодичного обучения 8 августа 1694 г. он был признан доктором медицины и философии, а в мае 1695 г. получил диплом, свидетельствующий о том, что Петр Постников "по крайнему учителска верху во философии и врачествѣ достиже", проявив себя в своем искусстве "тако изряднѣ, мудрѣ, учителнѣ, похвалнѣ, изящнѣ ... таковую зреость остроумія, толику же показа силу памяти поучения словесности (краснословія) и прочіихъ вещей, яже въ совершеннѣшемъ философѣ и врачу искатися обыкнуть, яко велико самаго себѣ ожиданіе, еже у всѣхъ уже мало прежде праведно совоздвиже, не токмо подъяль, но еще далнѣши превзошелъ бяше" (Цветаев, 1896, с. 57). Полученный университетский диплом предоставлял Петру Постникову право преподавать философию, медицину и иностранные языки, а также удостаивать уже своих учеников ученых степеней: "предати свободну власть, да во грядущее время своиднѣ и полнѣ, народнѣ и уединеннѣ во всѣхъ философскихъ и врачевскихъ ученіяхъ читати, возьисковать, совѣтовати разглаголствовать, взысканія опредѣляти ... явно учiti, съ языка на языкъ толковати, переводити и обращати" (Цветаев, 1896, с.

¹ Пападополи был грек по рождению, единомышленник Пелярино, во всяком случае, не враг православия: он постоянно проводил мысль о большом сходстве в вероучении и обрядах обеих христианских церквей, с этой целью он издал в 1697 г. рассуждение "De differentia graecorum et latinorum episcoporum praenotationes mystagogicae ex jure canonico", в котором старался показать несущественность различий между двумя вероисповеданиями (Шмурло, 1894, с. 79).

57). По окончании университета Петр Постников обнаруживал почти энциклопедическую осведомленность в разных сферах науки. Блестящие способности юноши были оценены по достоинству: в ноябре 1694 г. Петр Постников был избран ассесором в университетскую администрацию, заведовавшую делами *Artistarum* (богословием и медициной).

Однако учеба в Падуе имела не только образовательную, но и дипломатическую цель: будучи в Венеции, Петр Постников регулярно сообщал в письмах Петру I "некоторая новины, которые обносятся зде въ Венеции о воинахъ" (Бычков, 1911, с. 44). Именно сохранившиеся письма к Петру I позволяют проследить дальнейший путь Петра Постникова — "доктора, философии и врачества учителя": стремясь к совершенствованию знаний, он отправился в Париж ("потрудився ... отъѣзжаю изъ Венеции во Францію" — Бычков, 1911, с. 44), а затем в Брюссель, где слушал лекции по медицине и философии, одновременно, сообщая Петру I политические "новины". С 1697 г. медицинская деятельность Петра Постникова тесно соединилась с дипломатической.

**П. В. Постников — переводчик при "Великом посольстве",
врач и неофициальный посол
во Франции**

Продолжая борьбу с Турцией, Петр I направил за границу в 1697 г. русскую дипломатическую миссию — "Великое посольство" — для организации широкой антитурецкой коалиции. В составе "Великого посольства" было 250 человек во главе с тремя "великими послами": Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Вознициным. Фактическим главой "Великого посольства" был Петр I, входивший в него под именем Петра Михайлова. Торжественное посольство отправилось к европейским дворам, "чтобы скрепить прежние или завязать новые дружественные отношения с западноевропейскими государствами ... но это была открытая цель посольства ... секретная же заключалась в том ... чтобы все лучшее вызнать, все полезное перенять или переманить себе" (Ключевский, 1958, с. 22, 372). С "секретной целью" в Венецию специально были посланы дворяневолонтеры, которые должны были "во Европе присмотреться к новым военным искусствам и поведениям". Что касается Петра Постникова, то он исполнял при "Великом посольстве" одновременно "открытую" и "секретную" функции как переводчик и "закупщик лекарственных снадобий".

При посольстве состояли три переводчика и три толмача: переводчики — Григорий Островский "для толмачества италианского и латинского и полского языковъ, потому что онъ тѣхъ языковъ писать и говорить умѣеть", Петр Вульф и Петр Сафиров "для переводовъ латинского, нѣмецкаго и галланскаго языковъ"; толмачи — Иван Кропоткин, Алексей Змеев и Андрей Гемс (Шмурло, 1894, с. 97). Однако особая необходимость была в переводах и толмачах, "достовѣрнѣйше" владевшем греческим и французским языками. Таким "достовѣрнѣйшимъ" переводчикомъ для российскихъ пословъ" и явился Петр Постников: "... вспомнили о Постникове, который основательно владел языками латинским, итальянским, французским и даже греческим", и было прислано "государево повеление" из Венеции ехать в Вену к русскому посольству (Шмурло, 1894, с. 97). В 1698 г. Петр Постников был назначен секретарем при видном русском дипломате П. Возницыне, который являлся уполномоченным на антитурецком конгрессе. Насколько значима была новая роль Петра Постникова говорят письма П. Возницына к Петру Постникову и ко второму послу Ф. Головину. Переписка была вызвана нежеланием Петра Постникова возвращаться в Вену из Венеции, где он находился вместе с другими волонтерами: — май 1698 г.: П. Возницын П. Постникову: "И нынѣ я тебѣ по прежнаму его великаго государя указу поновляю, чтобъ ты изъ Венеции ѿхаль сюды въ Вѣну безо всякаго замедления, а есть ли ты умѣдиши и вскорѣ не будешь ... опасися государева гнѣву, потому что тебѣ вѣтъно быть со мною на турской комиссии, и безъ тебя быть нельзѧ и дѣла дѣлати будетъ нѣкѣмъ, и турской посолъ другой, греченинъ Маврокордатъ, того ради ты къ тому дѣлу присовокупленъ, что сверхъ иного можешь съ нимъ говорить поеллинску и поиталианску и пофранцузску и полатинѣ (выделено мной — Н.З.), а онъ тѣ всѣ языки знаетъ" (Шмурло, 1894, с. 105). — август 1698 г.: П. Возницын Ф. Головину: "... а Посникову совершенно надобно быть со мною на комиссии, потому что посолъ гречанинъ и черезъ него можно достаточно говорить и писать" (Шмурло, 1894, с. 105).

Спустя некоторое время Петр Постников ответил П. Возницину, что он отказывается в настоящее время ехать в Вену, а намерен отправиться в Неаполь, чтобы "живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить". Отказ Петра Постникова вызвал осуждение и гнев "великого посла": "... живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить — сіе дѣло не гораздо намъ нужно. Отечески тебя наказую, если ты умѣдиши и меня въ Вѣнѣ не застанешь, или тамъ гдѣ я буду во время не будешь, вѣдай себѣ подлинно, что веліи гнѣвъ его царского величества,

Материалы для биографии Постникова

государя нашего милостиваго, приимешь. А больше сего я къ тебѣ, яко къ презирателю, писать не буду, а отпишу туда, где будеть тебѣ не къ ползѣ, и есть ли что приключится, тогда не имѣй на меня слова" (Шмурло, 1894, с. 10-107).

После настоятельных просьб и угроз Петр Постников все же прибыл на Карловицкий конгресс, созданный в октябре 1698 г. в местечке Карловцы (Славония), который завершился подписанием ряда договоров между "Священной лигой" (Россией, Австрией, Венецией и Польшей) и Турцией. На официальных конференциях конгресса Петр Постников достойно исполнял функции толмача и переводчика. В день заключения перемирия, в знак особо расположения, он получил право следовать в парадной карете русских послов.

По заключении перемирия Петр Постников подал прошение о направлении его в Амстердам, о чем П. Возницын немедленно сообщил Петру I: "... говорить, государь, мнѣ дохтуръ Петръ Посниковъ, чтобы я челобитье его донесъ къ тебѣ, великому государю: нужда-де ему быть въ Амстердамѣ для исправления къ художеству его нѣкакихъ инструментовъ, и чтобы ево изъ Вѣны туда отпустить, и дать ему твоего государева жалованья" (Шмурло, 1894, с. 109). Получив разрешение, Петр Постников отправился в Амстердам, затем в Лондон и только в начале 1701 г. возвратился на родину. Указ об определении Петра Постникова на службу гласил: "... отослать ево въ Оптекарской приказъ съ памятью и для вѣдома о докторскомъ его изученіи ... а въ Посолскомъ приказѣ какъ слугатца латинскіе, французскіе, италианскіе нужные писма, и тѣ писма переводить ему жъ, Петру" (Цветаев, 1896, с. 60). Летом 1701 г. по "государеву изволению" Петр Постников сопровождал в качестве врача и чиновника дипломатической канцелярии Петра I в его поездке в "северо-западные земли" России. Свидетельством пребывания Постникова при Петре I является официальная дипломатическая переписка того времени. Так, в частности, Петр I отправил 18 июля из Новгорода, а 2 августа 1701 г. из Пскова два письма Августу II, королю Речи Посполитой, составленные на французком языке. Обыкновенно переписку свою с Августом II Петр I вел порусски, и лишь эти два письма на французском языке объясняются присутствием Петра Постникова в свите государя. Ф. Головин, докладывая 9 июля Петру I о текущих делах, в частности о письме Августа II, заметил: "... х королю есть ли изволишь и самъ что съ сею почтою зѣло бъ хорошо. А Посниковъ у милости твоей, и пофранцузски еще и приятнѣе" (Шмурло, 1894, с. 112).

Н. Н. Запольская

В конце 1701 г. Петр I послал Постникова во Францию "неофициальным дипломатом" "для сообщения о тамошних поведениях". Летом 1702 г. Петр Постников на короткое время возвратился в Россию, но в марте 1703 г. снова отбыл во Францию. В 1704-1705 г.г. он жил в Голландии с "научными целями", а затем снова вернулся в Париж. В положении неофициального дипломатического агента, без точно выработанной программы Петр Постников представлял довольно странную фигуру среди дипломатов Версальского двора. Лишь в начале 1710 г. русское правительство решило назначить при французском дворе официального посла и назначило на этот пост Петра Постникова, но по неизвестной причине Постников в том же году навсегда вернулся в Россию. Дальнейшая судьба Петра Постникова была связана с Посольским приказом.

П. В. Постников — переводчик Посольского приказа

Просветительская реформа Петра I "состояла не только в ведении западной образованности, которая сумела проникать в Россию и до него, но и в принятии решительных мер к распространению ее" (Пекарский, 1862, с. 479). Одной из таких мер явилось интенсивное знакомство с западноевропейской литературой. Через должностных лиц, ездивших за границу с разного рода поручениями, заказывалась для государственных учреждений и частных библиотек научная и художественная иностранная литература. Поскольку именно в петровскую эпоху было положено начало русско-французским научным и культурным связям, казенные библиотеки и частные книжные собрания пополнялись изданиями на французском языке.

Сохранились свидетельства, в соответствии с которыми и Петр Постников доставлял из-за рубежа книги в библиотеку Аптекарского и Посольского приказов. Так, в частности, в 1702 г. Петр Постников привез 36 книг, а в 1710 г. — 17 книг разнообразного содержания, преимущественно о "нравах и уложениях окрестных государств". Именно о библиотеке, привезенной Постниковым в 1710 г., идет речь в письме государственного канцлера Г. Головкина к дьякам Посольского приказа от 18 декабря 1710 г.: "Которые книги по указу великого Государя купил во Франции и Голландии доктор Петр Постников и привез к Москве о нравах и уложениях окрестных государств ... прислать с подьячим, а ежели которые ис тех книг

Материалы для биографии Постникова

взяты в аптеку для собрания библиотеки те оттуду взять и прислать в Петербург, и потому вышеписанному письму в государственном посольском приказе сыскано и переводчиками освидетельствовано книг, а именно: на французском языке: "О чинах французских" (Париж, 1638 г.), "Собрание судов учиненных в парижском парламенте" (Анверс, 1665 г.), "Великая наука артиллерийская", "О парламентах французских", "О материях церковных", "О приказных делах французских", "О тостаментах...", "Водоотписание обдержаще теорию и практику всех частей навигации" (Париж, 1679), "Жизнь майстера каролуса дюмолина адвоката в парламенте", "Маршал от баталии", "Наука кораблями плавать" (Париж, 1677), "Новый штиль писем каковы употребляют во французских канцеляриях" (Париж, 1646), "Универсальная наука фортификаций Французских, Галанских, Гишпанских, Талканских и компанованных с науковою како атаковати укрепленные места незапно и силою и како оборонять места от внезапностей и от силы" (Париж, 1674), "Суд воинской" (Париж, 1672), "О похоронах по воинскому обыкновению", "Деяния покойного господина Гисламейстера кавалера и первого президента во дворе Парижского парламента" (Брюссель, 1662) (Токмаков, 1885, с. 3-5; Французская книга..., 1986, с. 5-6). Приведенный перечень доставленных в Россию Петром Постниковым книг весьма примечателен: их тематика отражает как общий дух петровских преобразований, так и личные читательские интересы Постникова.

Привозимая из-за рубежа литература требовала от переводчиков не только совершенного знания иностранных языков, в частности, французского, но и хорошей подготовки в области естественных и гуманитарных наук. Сохранились непосредственные свидетельства самих переводчиков о трудностях такого рода переводческой работы, в частности, о переводе книги "Изречения и указы королей французских" (1704 г.): "... той книги, неучась юрисъ-пруденции, переводить никоторыми дѣлы невозожно, для того, што термины и рѣчи въ юрисъ-пруденции особые" (Цветаев, 1896, с. 36-37). С возвращением Петра Постникова в Россию в Посольском приказе появился новый универсальный переводчик, имевший блестящую подготовку во многих науках.

Точно известно, что в 1712 г. Петр Постников по заказу Посольского приказа перевел с французского на русский язык часть книги Абрахама де Викфора "Посоль и его дѣла..." ("L'Ambassadeur et ses fonctions par Monsieur de Wiequefort..."). На рукописи, содержащей перевод первых страниц сочинения Викфора стоит следующая помета: "Переводъ съ книги французской доктора Петра Посникова "О

послѣхъ и министрахъ чужестранныхъ и о должности дѣль ихъ, и что есть посолъ, и честь ево" — прислана ись Петербурга іюня во 12 прошлого 1712 году и отдана та книга переводить ему ись приказу того же числа. Подаль онъ, Петръ, сю тетрадь генваря 3 дня нынешняго 1713 года" (МГАМИД. Сношения с Францией. Дело 1713 г., № 3, 24 л., 40).

С определенными сомнениями Петру Постникову приписывается перевод книги "Алкоранъ о Магометѣ или законъ турецкій" Дю-рие ("Alcoran de Mahomet, traduit de l'arabe en françois par le Sieur du Ryeg"), опубликованной в 1716 г. без указания имени переводчика: "Алкоранъ Магометѣ или законъ турецкій. Переведенный съ французского языка на россійскій. Напечатаня повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктъпітербургской Тіографії, 1716 году". По сообщению П. Пекарского, рукопись перевода хранилась в составе фонда рукописей МГАМИД и содержала помету "переводиль сю книгу Петръ Посниковъ": "... в московском архиве министерства иностранных дел (№ 148) есть рукописный перевод Алкорана, и там на последнем листе находим указание: переводиль сю книгу Петръ Посниковъ. ... что касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков, заметна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из заглавия, "Alcoran de Mahomet" вышел в русском переводе "Алкоран о Магомете", следовательно частица de принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог de, "... на основании этого можно предположить, что "книгу переводил младший брат, а не старший" (Пекарский, 1862, II, с. 370).²

Действительно, у Петра Постникова был младший брат, носивший то же имя. Бесспорным доказательством этого является письмо Василия Постникова, отца Петра Постникова, к Петру I от 8 ноября 1702 г. с просьбой о продолжении обучения младшего сына по примеру старшего за границей: "... понужденъ просити, во еже бы ваше величествіе для крайнѣйшего Божія человѣколюбія і ради Пречистыя ЕГО Богоматере і для своего государева многолѣтнаго здравія ізволиль второрожденного моего сына Петра (выделено мной — Н.З.), в царствующемъ велицемъ вашемъ градѣ Москвѣ

² При этом Пекарский не отождествлял Петра Постникова переводчика и Петра Постникова врача (Пекарский, 1862, I, с. 248).

Материалы для биографии Постникова

латинского і французского языковъ во училищи³ нѣсколько лѣтъ будучего, во Европскіе государства ради свободныхъ наукъ оконченія отпустить и противо протчихъ отпусковъ ево братіи свидѣтельствованную о проѣздѣ свою государеву грамоту, такъ же і на пропитаніе ево от своей государевой казны по своему государеву милосердому осмотренію дать повелите ... А когда ваше величество перворожденного моего сына Петра (выделено мной — Н.З.) во Италію в Потавскую академію для такихъ же наукъ отпустить ізволиль, и тогда премногая ваша монаршеская милость оному учинена..." (Белокуров и Зерцалов, 1907, с. 242-243). Согласно указу "1703 генваря 12 велѣно ... другово сына иво Петра Постникова отпустить с Москвы во Эвропскіе государства для совершенія свободного ученія немецкого, латинского и французского языков" (Белокуров, Зерцалов, 1907, с. 243). В свою очередь, Петр Постников старший в письме к Ф. Головину от 7 марта 1703 г. сообщал: "Благостю Вышнего Предвидѣнія ... прїѣхаль я и съ братомъ моимъ (выделено мной — Н.З.) во преславный Парижъ" ... и далее следует подпись: "вашъ нижайши, покорнѣйши ... рабъ Петръ Постниковъ перворожденный" (выделено мной — Н.З.) (Шмурло, 1894, с. 89). Когда и 1710 г. старший Петр Постников, внезапно возвратился в Россию, младший еще был за границей: 12 октября 1711 г. французский профессор De Lionnїre просит письмом из Парижа об уплате ему за семилетнее обучение (выделено мной — Н.З.) Постникова разным наукам и языкам. Лишь в 1712 г. младший Петр Постников в числе других учеников, обучавшихся в "окрестных государствах", возвратился на родину. Как видно из приведенных материалов, младший Петр Постников также получил прекрасное образование, которое предполагало основательное знание иностранных языков, и прежде всего французского. Таким образом, обоих братьев трудно подозревать в плохом владении французским языком и неумелой переводческой работе. Именно поэтому настораживает упрек в "неловкости" перевода, высказанный П. Пекарским при характеристике рукописи "Алкоран о Магомете". Обращение к рукописному наследию показало, что в реальности существуют две рукописи, содержащие два разных перевода французской книги. Одна из них, находящаяся в составе фонда МГАМИД под № 148, действительно, имеет запись на л. 780, приписывающую перевод книги Петру Постникову. Однако название рукописи не

³ Известно, что в Москве Петр Постников младший учился в немецкой школе, вероятно у Швинера с 1701 по 1703 г. (Белокуров и Зерцалов, 1907).

соответствует тому, которое приводит П. Пекарский, и представляет собой правильный перевод с французского: "Алкорань или закон магометанский". Рукопись же, озаглавленная "Алкоранъ о Магометѣ", находится в фонде Московской синодальной типографии (ЦГАДА, ф. 381, № 1034) и представляет собой кавычный экземпляр перевода. В этой рукописи нет никаких указаний на то, что перевод следан Петром Постниковым. Тексты переводов, представленные в рукописях, значительно отличаются друг от друга. Об этом можно судить по небольшому фрагменту из предисловия "Къ читателю". В кавычном экземпляре рукописи предисловие не сохранилось, но оно вошло в печатный текст, набиравшейся по этой, правленной, рукописи "Сиа книга разговѣтсѧ отъ таѹркѡвъ, Божіи со ангелами и съ Магометомъ долгий совѣтъ, его же сеи лживыи пророкъ вымыслилъ весьма просто, ибо въ разныxъ мѣстахъ сей книги пройдводатъ яко вы Богъ съ нимъ говорилъ и покаӡывалъ ємоу свой ڇаконъ. И потомъ яко вы ангели и пророцы чемъ чредъвычайнѣ не правое очреждаютъ реченіе. По томъ волѣтъ противо ѹдолопоклонникѡвъ, а особливо противо жителей Мекки, и кореаленъ, которые были въ тѣ времена ємоу непріятели. И нарече сио книгою Алкоран, то есть сорваніе ڇакона, а нида именоуетъ Елкоранъ то есть различіеніе добра отъ зла".

В рукописи же из собрания МГАМИД представлен текст иного перевода: "Сиа книга есть долгий разговор въѣ, о ангелах, и въ магомете которыи онъ лживыи пророкъ велми гроѹбо вымыслилъ окогда предводить вѣ ємоу глаголюциаго, и шагш наѹчаетъ свои ڇакон, окогда ангела иногда пророкъ, и многажды повелѣваетъ вѣѹ глаголати многочисленно чредъвычайное согласие ѿличаетъ їныхъ которыи идоломъ покланяюсѧ, шобливо жителен града мекъ и противо корѣль которыи въ его пришествие ємоу непріятелы тавлалиси. возгласи сеи книги написалъ алкоран, сирѣч сорвание ڇаковеден, такожде наѹчаетъ елфоран сирѣч которыи раздѣливъ добрына дѣла ڇальными" (лл. 2-2об).

Таким образом, существовало два перевода французской книги. Один из них был напечатан, другой остался в рукописи и, как следует из записи на л. 1, "1726 гѡдѹ Ш Христова рождѣства мѣса генваря в 10 ден переплетен в книгоу". П. Пекарский, говоря о переводе "Алкорана", смешивает рукописи, представляя два разных текста, находящихся в разных фондах, как один. Вопрос о том, кому из братьев Постниковых принадлежит один из переводов "Алкорана", требует дальнейшего изучения.

Пока не удалось обнаружить каких-либо новых сведений о последних годах жизни Петра Постникова. Мы вынуждены лишь констатировать вслед за профессором Е. Шмурло, что всякий дальнейший след Постникова бесследно затерян: "поневоле и мы должны здесь остановиться, предоставив другому, более

Материалы для биографии Постникова

счастливому перу, начертать полную биографию этого деятеля Петровской эпохи ... отпечатавшего на себе несколько характерных и любопытных черт своего времени и с этой стороны имеющего право на внимание историка" (Шмурло, 1894, с. 147).

ЛИТЕРАТУРА

- Белокуров С.А., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1700-1715 гг). ЧОИДР. 1907, с. 1-244.
- Бычков А. Новые материалы для биографии первого российского доктора. ЧОИДР. 1911, с. 41-57.
- Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Т. III.Ч.3.
- Ефремов П. Новооткрытая библиографическая редкость. Русский архив, 1888, № 4, с. 644-646.
- Забелин Н.Е. Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки. ЧОИДР. 1887, Кн. 4. 24 с.
- Ключевский В.О. Сочинения. Курс русской истории. М., 1958. Т. 4. Ч. 4.
- Копыленко М.М. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. Византийский временник. 1960. Т. 17.
- Лебедева И.Н. Описание рукописного отдела БАН СССР. Греческие рукописи. Л., 1973. Т. 5.
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1-2.
- Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
- Смирнов С.П. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Сопиков В. Опыт российской библиографии. СПб., 1814.
- Строев П. Описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстого. М., 1829.
- Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей. Библиограф, СПб., 1885, № 4, с. 71-79.
- Трохачев С.Ю. Греческо-русские рукописные грамматики XVII-XVIII вв. в России. Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988, с. 207-212.
- Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986.

Н. Н. Запольская

Цветаев Д.В. Медики в Московской России и первый русский доктор.
Варшава, 1896.

Шмурло Е. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии.
Юрьев, 1894.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН И НА РУСИ

Игумен Иннокентий Павлов

Святые братья Кирилл и Мефодий, их ученики и ближайшие последователи не только переводили на славянский язык тексты Священного Писания, но и переносили на славянскую почву византийскую традицию его бытования. Эта традиция до самого конца XV века, когда в Новгороде под воздействием влияния латино-немецкого Запада появился первый кодекс славянской Библии, занимала в главных своих проявлениях почти исключительное место в среде южных славян, а с конца X века и на Руси, будучи связанной со всем строем их литургической, духовной и культурной жизни.

Поэтому, чтобы правильно представлять историю славянского перевода Священного Писания, необходимо рассмотреть традицию его бытования в Византии и рецепцию ее главных проявлений в южнославянских землях и на Руси. Этому и посвящена настоящая заметка.

Текстуальную базу византийской традиции Священного Писания составили Септуагинта и корпус Нового Завета, для которого греческий язык явился оригинальным.

Септуагинта или перевод Семидесяти (LXX), названный так по имени 72-х толковников, которые, согласно преданию, по просьбе египетского царя Птолемея II Филадельфа (285-247 до н.э.) перевели Тору на греческий язык. Действительно, в период между 285 и 150 гг. до н.э. в средеalexандрийских иудеев, для которых греческий язык стал родным, сформировался перевод Священного Писания, включивший в свой корпус также ряд книг, отсутствовавших в иудаистическом каноне. Переводчики стремились к предельному буквализму в передаче еврейского оригинала, что особенно заметно в синтаксисе, проникнутом гебраизмами. Получив распространение в иудейской диаспоре греко-римского мира LXX перешла затем в христианскую Церковь уже в качестве Ветхого

Игумен Иннокентий

перешла затем в христианскую Церковь уже в качестве Ветхого Завета. В III-начале IV в. текст LXX в бытовавших тогда рукописях подвергся критическому рас-смотreu со стороны христианских ученых александрийской и антиохийской экзегетических школ, и прежде всего Оригена (185-253/254). Его труды, опиравшиеся на опыт литературной традиции Александрии, с ее стремлением к энциклопедической полноте, имели важное значение в плане кодификации греческого текста Священного Писания. Их результаты, очевидно, и оказали впоследствии влияние на составителей известных нам списков греческой Библии IV века.

Н о в ы й З а в е т как письменная традиция сформировался в период 40-х — 100-х гг. преимущественно в среде, где господствовал греческий общеупотребительный язык κοινή (иудеи рассеяния и христиане из язычников). В этот период его составляли отдельные писания апостолов, которыми христианские общины достаточно интенсивно обменивались. По-видимому, уже в начале II в. стали предприниматься опыты кодификации Нового Завета и образовались основные типы сборников вошедших в него книг, во многом определившие его дальнейшее бытование. Как раз в это время в христианской среде происходит переход от свитка к кодексу как форме книги, что в дальнейшем имело огромное значение для истории письма. С Константиновой эпохи, открывшей Церкви возможности открытой и широкой деятельности, хрупкий папирус, на котором по большей части писались до этого церковные книги, притесняется более дорогим, но зато гораздо более прочным пергаменом. Резко возросшая потребность в книгах Священного Писания, тексты из которых согласно сложившейся практике читались за богослужениями, привела к созданию специальных лекционарных сборников, получивших впоследствии повсеместное распространение и устойчивое бытование в Византии.

Не случайно поэтому византийская традиция Священного Писания Ветхого и Нового Завета была перенесена на славянскую почву в Моравии в 60-е гг. IX в. свв. Константином-Кириллом (ок. 827-869) и Мефодием (ок. 815-885), прежде всего, как традиция литургическая. В первую очередь ими были переведены лекционарные сборники священных текстов, используемые за богослужением, то есть читаемые в слух молитвенного собрания. Практика церковного чтения Священного Писания, сложившаяся в Византии, включила в себя отнюдь не весь принятый Церковью корпус священных книг. Ведущее место здесь принадлежит Евангелию (благовествование по четырем евангелистам). За ним идут

книга Деяний апостолов и апостольские Послания (соборные и Павловы), образующие особый отдел — А п о с т о л . Оба этих вида новозаветных сборников, имевших богослужебное назначение, содержат священный текст не в последовательности расположения книг в каноне и их повествований, а в порядке чтений, определенных на соответствующие дни, начиная с первого дня Пасхи. До нас дошло 2209 рукописей IV/V-XVI вв., являющихся греческими новозаветными лекционариями, что составляет более 40% от общего числа сохранившихся греческих новозаветных рукописей (Metzger 1981:54). В славянской среде за указанными видами лекционарных сборников закрепилось название *апракосов*,¹ которые в свою очередь делятся на типы краткого и полного. Краткий апракос Евангелия, соответствовавший требованиям богослужебного Устава Великой Церкви, употреблялся в соборной и приходской практике; полный же апракос, соответствовавший требованиям монастырских уставов, употреблялся за богослужениями в монастырях, исчерпывая при этом почти все содержание Евангелия или Апостола.

Очевидно, что в первую очередь в славянской среде должны были появиться краткие апракосы Евангелия и Апостола, как отвечавшие нуждам соборноприходской практики. Полные апракосы должны были найти себе применение с возникновением монастырей и введением монастырского типа богослужения. Историко-литургические и филологические наблюдения относят появление полных апракосов в Болгарии к X, а на Руси к XI веку.

Ветхий Завет в богослужебном обиходе на греческом Востоке оказался представленным в первую очередь П с а л т и р ью с прибавлением к ней так называемых песен Священного Писания.² Чтение или пение псалмов является непременной составной частью каждого богослужения в поместных церквях греко-восточной

¹ *Апракос* — от греч. ἄπρακτος "нерабочий", по слав. недѣльныи, — это название указывает на то, что данный вид сборника содержит, прежде всего, евангельские и апостольские чтения недельных (воскресных) и других праздничных дней.

² Девять песен составляют 10 отрывков из Священного Писания со словами хвалы и благодарения Богу ветхозаветных праведников, а также Пресвятой Девы Марии и праведного Захария — отца Иоанна Крестителя. Песни эти суть следующие: 1-я — прор. Моисея (Исх. 15.1-19); 2-я — его же (Втор. 32.1-43); 3-я — прав. Анны, матери прор. Самуила (1 Цар. 2.1-10); 4-я — прор. Аввакума (Авв. 3.1-19); 5-я — прор Исаии (Ис. 26.9-19); 6-я — молитва прор. Ионы (Иона 2.3-10); 7-я — молитва трех отроков (Дан. 3.26-56); 8-я — их же песнь (Дан. 3.57-88); 9-я — песнь Богородицы и молитва прав. Захарии (Лк. 1.68-79).

традиции, а Псалтирь с последовательным расположением в ней псалмов — важной богослужебной книгой. Так, по ней читаются (или поются кафизмы,³ являющиеся частью богослужений вечерни и утрени, а также монашеских келейных молитвенных правил. Не случайно поэтому в фонде дошедших до нас греческих ветхозаветных рукописей Псалтири принадлежит ведущее место — около 880 списков III-XVII веков (Ralfs: 390-399). Славянское рукописное наследие является в этом плане еще более внушительную картину. В его составе до нас дошло около 4000 (!) списков Псалтири XI-XVII веков (Евсеев 1911:440). В Древней Руси Псалтирь была не только богослужебной, но и учебной книгой — по ней обучались чтению.

Другим ветхозаветным, уже собственно лекционарным сборником является *Паримийник* (в греческой практике называемый Профитологием).⁴ Последний включает в себя избранные чтения из следующих книг Ветхого завета (в скобках указано приблизительное количество перекоп из той или иной книги в составе Паримийника): Бытие (32), Исход (13), Числа (2), Второзаконие (2), Иисуса Навина (2), Судей (1), 1-4 Царств (7), Иова (5), Притчей (30), Премудрости Соломона (1 ?),⁵ Исаии (49), Иеремии (9), Иезекииля (5), Даниила (3), Иоиля (2), Ионы (вся книга), Михея (1), Софонии (2), Захарии (4) и Малахии (1) (Kyas, Šarapaikova 1971: 95-108). Таким образом, только одна небольшая

³ Кафизма — от греч. глагола καθίζω = сижу, это название служит указанием на то, что входящие в кафизмы псалмы можно слушать сидя. Текст греческой и славянской Псалтири разделен на 20 кафизм почти одинаковой длины, при этом кафизма может состоять из одного продолжительного псалма (Каф. 17: Пс. 118) или же из пятнадцати кратких (Каф. 18: Пс. 119-133).

⁴ *Паримийник* — от паримия греч. παροΐα "притча". Сборник получил наименование по вошедшей в него в значительном объеме книге Притчей Соломоновых. Этим названием подчеркивается назидательный и мессианско-прообразовательный характер входящих в него ветхозаветных чтений. *Профитологий* — греч. προφητολόγιον от προφήτης "пророк", то есть сборник чтений из книг ветхозаветных писателей-пророков.

⁵ Единственная неканоническая (то есть известная лишь по тексту LXX) книга Ветхого Завета — Премудрость Соломона, войдя в состав славянского Паримийника, в разных его списках представлена различным составом. Например, одной паримией в 18 стихов — в болгарском Григоровичевом Паримийнике кон. XII - нач. XIII в. (ГБЛ, собр. В.И.Григоровича, № 2); 83 стиха (19% содержания) в древнерусском Захарьинском Паримийнике 1271 г. (ГПБ, Q п I 13); наконец, 116 стихов (27% содержания) в западнорусском Супрасльском сборнике 1507 года (БАН, 24.4.28).

книга прор. Ионы вошла полностью в Паримийник. На одну треть вошли в него такие значительные по размерам книги как Бытие, прор. Исаия и Притчи, которые в течение Великого поста читаются в седмичные дни.

Среди греческих ветхозаветных рукописей Паримийник займет второе место по количеству дошедших до нас списков — более 150, датируемых VI/VII-XVI веками (Ralfs: 440-443). Славянский паримийник известен теперь в количестве около 70 списков XII/XIII-XVI веков (Пичхадзе 1986: 22).

Однако паримийные тексты мы встретим также в нема-лом числе триодей и служебных миней. С XIII в. обычай развитой византийской литургической практики помещать паримии в указанных богослужебных книгах стал распространяться у южных славян, а в XV в. укоренился и на Руси.

Теперь следует обратить внимание на характерные небогослужебные сборники книг или же отдельные книги Священного Писания, устойчивые разновидности которых были перенесены из Византии в славянскую среду, а затем из Болгарии, а, возможно, частью и из Моравии перешли на Русь.

Из Нового Завета — это, кроме Четвероевангелия и четвертого Апостола (книга Деяний и Послания), также Апокалипсис. Последний в византийской практике представлен преимущественно в сопровождении толкований Андрея Кесарийского, возникших, возможно, во 2-й половине V века (76 из дошедших до нас 112 греческих списков X-XIX вв. — Gregory-Aland: 61-202).

В славянской среде также был известен преимущественно толковый Апокалипсис. Перевод текста самой книги Откровения Иоанна, судя по всему, связан с деятельностью учеников св. Мефодия — "полов-скорописцев", с помощью которых этот первоучитель осуществлял свои переводческие труды, согласно XV-й главе его "Жития" (MMFH t. 2: 159-160) (Алексеев 1988: 129-131). Есть филологические основания считать, что перевод толкований был выполнен несколько позже и прибавлен уже к готовому славянскому тексту Апокалипсиса (Алексеев, Лихачева 1987: 18-20). Этот текст с изъятием толкований, но с сохранением внесенного Андреем Кесарийским деления на слова и главы был использован составителями Геннадиевской Библии 1499 г. (далее — ГБ) (ГИМ, Синодальное собр. № 915).

Из ветхозаветных четырех сборников, характерных для Византии в IX в., св. Мефодием и его учениками были перенесены на славянскую почву следующие:

Игумен Иннокентий

1. *Осьмокнижие и Царства как единый кодекс* (что встречается исключительно в русских списках) или как два взаимосвязанных тома. В византийской практике имело место и то и другое, хотя наибольшее распространение имело Осьмокнижие (до нас дошло, иногда в составе Бытие-Судей, 34 рукописи IV/V-XV вв. — Ralfs: 374-377).

Их перевод, сохранивший в Царствах оконченофодиевские черты, а в Осьмокнижии вытесненный болгарской редакцией рубежа IX-X в. (Алексеев 1988: 129-130, 134—135), обретя характерные восточнославянские особенности, уже как Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь и Царств (1-4) был включен в ГБ, а затем с привнесением изменений в целый ряд чтений, отчасти под влиянием южнославянских списков, перешел в Острожскую Библию 1580-1581 г. (далее — ОБ), являющуюся первым печатным славянским библейским сводом.

2. *Книги пророческие* (XII + IV или XVI пророков). В Византии был распространен как сам указанный тип сборника (29 рукописей VI-XVI вв. дошедших до нас), так в еще большей степени сборники кратких толкований на пророков, в особенности Феодорита Кирского († ок. 457) (сохранилось 62 рукописи IX-XVI вв.) (Ralfs: 424-430, 433-436).

Пророческие книги переводил еще св. Мефодий. В его редакции известны переводы книг пророков Даниила, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии. Затем при Симеоне в Восточной Болгарии появляется свой перевод и всех остальных, кроме вышеназванных, пророков с толкованиями Феодорита Кирского (Даниил без толкований). Этот перевод, по-видимому, был предпринят одним лицом в осуществление замысла дать в новом переводе все пророческие книги и толкования Феодорита Кирского на них. Однако книга прор. Иеремии была переведена на в полном объеме (главы 26-45, 52), хотя были переведены Плач и Послание Иеремии и книга прор. Варуха, а весь труд оборвался после 1-й главы книги прор. Софонии. Поэтому оставшиеся пророческие книги (часть Софонии, Аггей, Захария и Малахия) стали включаться в образовавшийся таким образом сборник в прежнем мефодиевском переводе. Сейчас известно приблизительно 40 списков этого сборника XV-XVI/XVII вв., большая часть которых имеет в качестве протографа список толковых Пророков новгородского попа Упиря Лихого, выполненный в 1047 г. для князя Владимира Ярославича (Алексеев 1988: 128-130, 132-134). Так образовался ставший традиционным для церковнославянской письменности текст пророческих книг,

который по удалении толкований и был включен в ГБ с восполнением глав 1-25 и 46-51 книги прор. Иеремии переводом с Вульгаты. Все это, кроме последнего перевода, со сравнительно небольшим числом частных исправлений вошло затем в ОБ.

3. Книги "премудрости" (*Libri sapientialis*), иначе называемые учительными. В полном составе этот тип сборника включает в себя книги Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Премудростей Соломоновых и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. В полном своем составе он дошел до нас в 25 греческих списках IX-XVI вв., частью в сборниках смешанного состава — с пророческими или историческими книгами Ветхого Завета (Ralfs: 410-414).

Известно, что славянский текст книг Иова, Притчей, Екклесиаста, Песни Песней и Сираха относится, видимо, к мефодиевским или околомефодиевским (Иов) переводам (Алексеев 1988: 128-130).

Кроме того, в Византии были распространены книги, содержащие толкования на Иова (большая часть из 148 дошедших до нас списков катен⁶ на отдельные книги "премудрости" (VII/VIII-XVI вв.) и большая часть из 91 списка комментариев на них (IX-XVI вв.) (Ralfs: 415-424).

Эти комментарии также переводились и преимущественно с ними книга Иова получила распространение как в южнославянской, так и в древнерусской среде. Особое значение здесь имел послемефодиевский перевод толкований Олимпиодора Александрийского. Славянский текст книги Иова, находящийся в ГБ, а затем с небольшим числом поправок вошедший в ОБ, был извлечен из списка или списков, содержащих также толкования Олимпиодора (Горский, Невоструев 1855: 57-62).

На Руси был также распространен перевод Песни Песней, к которому были составлены катены из толкований Филона Карпийского, Ипполита Римского, Григория Нисского и Псевдо-Прокопия Газского. Именно этот перевод, выполненный здесь в середине XII в. с использованием старого мефодиевского перевода и с некоторыми сокращениями, по удалении толкований был включен в ГБ. Однако острожские издатели использовали также и прежний четий перевод Песни Песней, обращаясь к нему в ряде случаев, "как кажется, в связи с недостаточным пониманием греческого текста" (Алексеев 1983: 250).

⁶ Катены — от лат. *catenae* "цепи", компилиятивные поэтические комментарии на книги Священного Писания.

Игумен Иннокентий

В свете вышесказанного о сборнике книг "премудрости" определенную проблему представляет отсутствие до времени составления ГБ славянского четвертого перевода книги Премудрости Соломоновой. Учитывая, что четый перевод остальных книг "премудрости" дошел до нас в относительно поздних списках, не ранее XIV в., можно было бы предположить, что еще значительно ранее он оказался утрачен. Можно, также было бы допустить, что оригинал указанной книги отсутствовал в сборнике, который был в распоряжении переводчиков, хотя подобного сборника — с отсутствием одной книги Премудрости — среди дошедших до нас греческих рукописей данного типа мы не встретим. Поэтому остается думать, что ее то ли не успели, то ли не стали переводить св. Мефодий и его круг (равно как потом и их последователи в Болгарии), довольствуясь наличным паримийным текстом.

Теперь попробуем ответить на вопрос, почему восходящая к св. Мефодию традиция славянского перевода Ветхого Завета, кроме упомянутых уже книг Есфири и Премудрости Соломоновой, не знает еще таких книг, как Паралипоменон (1-2), Ездры (1-2) и Неемии, Товита, Иудифи и Маккавейских (1-3).

В свете знакомства с греческой библейской кодикологией выдвинутое А.В. Горским мнение о том, что мефодиевский перевод этих книг, — *razv: makav:i*, — оказался утраченным (Горский, Невоструев 1855: III), представляется малоубедительным.

Дело в том, что книги Паралипоменон и Ездры (с Неемией), входившие, как правило, либо в сборник вместе с Осьмокнижием и Царствами — тип *Осьмокнижение + Царства + Паралипоменон (+ Ездра)*, либо только с Царствами — тип *Царства + Паралипоменон + Ездра (+ Есфиры)*, во время св. Мефодия были распространены в значительно меньшей степени, чем названные выше сборники ветхозаветных исторических книг. Сейчас известно только 6 греческих списков XIV вв. первого типа и 6 списков X-XIV вв. — второго (Ralfs: sigl. 121, 127, 134, 246, 346, 527 et 98, 119, 236, 379, 731, 762).

Что же касается остальных ветхозаветных исторических книг — Есфири, Товита, Иудифи и Маккавейских (1-3), то их бытование в Византии было тогда еще более редким. Иногда они встречались в сборниках в сочетании с книгами "премудрости" (известен такой кодекс IX в. — Ralfs: sigl. 542), или же в сборниках, включавших, кроме вышеназванных, еще книги Паралипоменон и Ездры (с Неемией). До нас дошла одна такая рукопись XI/XII века (Ralfs: sigl. 728).

Учитывая, что свв. братья и их ученики, имея целью начальное просвещение славянского населения Моравии и Паннонии,

перенесли на славянскую почву традицию о бычном бытования Священного Писания, богослужебной и другой церковной литературы, остается предположить, что в сообщении XV-й главы Жития Мефодия о том, что первоучитель вместе с "попами-скорописцами" перевел *къса* книги исполнъ, *разѣ макавѣи* (MMFH t. 2: 159-160), под словами *разѣ макавѣи* следует понимать все неизвестные в мефодиевском и в послемефодиевском древнем болгарском переводах ветхозаветные исторические книги, поскольку, являясь их самым крупным разделом (наряду с книгами Паралипоменон), книги Маккавейские могут выступать здесь в роли их обобщающего названия.

Славянские просветители не могли иметь полного собрания книг Священного Писания под одним переплетом (или же в нескольких связанных друг с другом томах, образующий единый корпус), потому что Библия как тип кодекса была почти не известна церковной практике в Византии. К этому вели дороговизна материала и письма, неудобство в пользовании, а главное — неодинаковая богословская и литургическая актуальность разных книг Священного Писания.

Первые греческие библейские кодексы появляются в IV веке. Во второй половине этого столетия окончательно устанавливается принятый Церковью канон книг Священного Писания. В этом плане особое значение имело 39-е Пасхальное послание св. Афанасия, архиепископа Александрийского, (365 или 367 г.) (PG t. 26: col. 1176), оказавшее решительное влияние на Востоке в отношении признания двадцатисемикнижного состава Нового Завета. По-видимому, с Александрией и вообще с Египтом связано появление и первых полных сводов Священного Писания в едином кодексе или же в двух-трех томах, получивших название *Библия* (от греч. *τὰ βιβλία* "книги"). Возможно, эти своды, по намерению их составителей, призваны были служить не только выразителями канона священных книг, но и их текстовых норм.⁷ Впрочем, последние еще только

⁷ Существует устойчивое представление, что появление полных библейских сводов связано с инициативой императора Константина Великого (†337), обратившегося после 325 г. к Евсевию Памфилу, епископу Кесарии Палестинской, с просьбой изготовить для нужд разрастающейся христианской общины в Константинополе "50 кодексов, удобных для чтения" (Богдашевский 1907: 311). Однако ни в послании Константина, ни в сообщении самого Евсевия об исполнении этого задания ничего не сказано о составе этих манускриптов. Правда, Константин делает одно важное для понимания данных документов замечание. "В этих кодексах, — пишет он, —

преобретали устойчивость, что, например, наглядно показывает в случае с Новым Заветом сравнение древних кодексов греческой Библии (IV-V вв.) — Синайского, Ватиканского, Александрийского, Ефрема см.: Nestle-Aland). Поэтому и А.В. Горский постоянно делает сравнения между чтениями в ветхозаветных книгах по изданиям Александрийского и Ватиканского кодексов в поисках редакций оригиналов, лежащих в основе переводов, являющихся источниками ГБ (Горский, Невоструев 1855: 11-123).

В настоящее время известно семь относительно полных списков греческой Библии, относящихся к IV-XV вв.; два кодекса VIII и X вв. являются ее частями; две рукописи V и V/VI в. представляют из себя более или менее крупные остатки библейских кодексов; наконец, один кодекс XIII/XIV в. содержит весь Ветхий Завет без Псалтири (Ralfs: sigl. A, B, S (Gregory: Nr. H), 68 (Gregory: Nr. 205), 106 (Gregory: Nr. 582), 122 (Gregory: Nr. 205^{abc}), 130 (Gregory: Nr. 218); V, 55; C, Z; 46).⁸ Из этой статистики можно исключить два

должны содержаться Божественные Писания, которые, по твоему разумению, особенно нужно иметь и употреблять в Церкви (ῶν μάλιστα τὴν τ' ἐπίστευην καὶ τὴν χρῆσιν τῷ τῆς Ἐκκλησίας λόγῳ ἀναγκαῖαν εἶναι γινώσκεις) (De vita Constantini, IV.36 — PG t. 20: col. 1185). Отсюда вытекает, что создавшиеся книги должны были быть ориентированы на литургическое употребление, учитывая то важное значение, которое придавалось в Древней Церкви чтению Священного Писания за богослужениями. В свою очередь это также предполагало избирательный подход в отношении состава упомянутых книг, который определялся сложившейся практикой церковного учительства, о чем, видимо, было известно Константину.

- ⁸ A — *Codex Alexandrinus*, V-VIII в. — Лондон, Brit. Mus., Royal 1D;
B — *Codex Vaticanus*, IV в. — Ватикан, Bibl. Apostol., Vat. gr. 1209;
S (H) — *Codex Sinaiticus*, IV в. — Лондон, Brit. Mus., Add. 43725 — Лейпциг, Univ. Bibl., Gr. 1 (43 л. — 1 Пар., 1 Езд., Есф., Тов., Иер.) — Ленинград, ГПБ, собр. ОЛДП № 0.156 (1 л. — Иуд., текст смыт), Греч. 2, 259 и 843 (6 обрывков с текстом из Быт., Чис. и "Пастыря" Ермы);
68 (205) — *Библия*, XV в. — Венеция, Bibl. Marc., Gr. 5;
106 (582) — *Библия*, 1334 г. — Феррара, Bibl. Commun., Cl. II — 187 I, II, III и 188 II;
122 (205^{abc}) — *Библия*, XV в. — Венеция, Bibl. Marc., Gr. 6;
130 (218) — *Библия*, XII/XIII в. — Вена, Österr.Nat. Bibl., Theol. gr. 23;
V — 2 части *Библии*, содерж. *Ветхий Завет без Псалтири*, VIII в.: 1-я часть (132 л.) — Ватикан, Bibl. Apostol. > Vat. gr. 2106 — 2-я часть (164 л.) — Венеция, Bibl. Marc., Gr. 1;
55 — часть *Библии* (Осьм., Цар., Пар., Езд., Иуд., Есф., Тов., Макк. (1-4), Иов, Псалтирь с песнями Св. Писания), X в. — Ватикан, Bibl. Apostol. > Regin. gr. 1;

кодекса, созданных в XV в. в Венеции по заказу ревнителя церковной унии кардинала Виссариона, поскольку их появление, несомненно, является следствием прямого влияния католической (латинской) традиции Священного Писания (Ralfs: sigl. 68 (Gregory: Nr. 205), 122 (Gregory: Nr. 205abc)).

Таким образом, во времена свв. братьев Библия была достаточно редкой книгой на греческом Востоке, являясь либо достоянием крупнейших библиотек, либо собственностью иных отдаленных монастырей Египта и Синая.

Важное значение для греческой библейской кодикологии имел произошедший в IX в. перевод рукописей, содержащих тексты Священного Писания, на м и н у с к у ль н о е п и сь м о, применявшееся до тех пор лишь в деловой письменности. Мелкий курсив, заменивший крупные унциальные почерка, позволил при сохранении прежних объемов кодексов заметно увеличить их содержательную насыщенность. Это способствовало формированию более крупных сборников из книг Священного Писания.

Из ветхозаветных исторических книг составился сборник, содержащий их все или почти все, — *Осьмокнижие + Царства + Паралипоменон, Ездра (и Неемия), Есфирь, Товит, Иудифь, Маккавеи (1-3)*. Этот тип дошел до нас восемью рукописями X-XV вв., имеющими данный состав полностью (из них два кодекса смешанного состава: один — в сочетании с Новым Заветом (Ralfs: sigl. 44, Gregory: Nr. 664), другой — с книгами "премудрости" (Ralfs: sigl. 442), и пятнадцатью (X-XV вв.), имеющими в нем некоторые пропуски (Ralfs: 374-377).

Более радикально переход на курсив сказался на греческой новозаветной кодикологии. Достаточно распространенными мы видим теперь такие типы сборников, как *Новый Завет без Апокалипсиса* (129 списков IX-XVI вв.), а также *Деяния, Послания и Апокалипсис* (69 списков IX-XVII вв.). Последний в сочетании с Четвероевангелием мог составить двухчастный Новый Завет. Наконец, и цельный кодекс *Нового Завета* оказывается теперь не столь редким. В настоящее время известно 34 его списка, датируемых XI-XVI веками (Gregory-Aland: 61-202).

Z — *Codex Zuqninensis*, переписывался в нитрийском монастыре Зукнин (Египет) — Z^I: Суд. (VI в.), Z^{II}: Зап. (VI в.), Z^{III}: Зап. — фрагменты (V/VI в.), Z^{IV}: Псалтирь (VI в.), Z^V: Иез. (VII/VIII в.), Z^{VI}: Иез. и Дан. — фрагменты (VI в.) — Ватикан, Bibl. Apostol., Vat. syr. 162 — Лондон, Brit. Mus., Add. 14665 (7 л.); 46 — *Ветхий Завет без Псалтири*, XIII/XIV в., из афонского монастыря Дионисиат — Париж, Bibl. Nat., Coislin 4.

Игумен Иннокентий

Таким образом, с рубежа X-XI в. "библиотека", то есть собрание всех книг Ветхого и Нового Завета стала, по-видимому, более привычным явлением в монастырских и других книгохранилищах греческого Востока.

Правда, на славянскую книжность это уже не оказало влияния, если не считать некоторых знаменательных исключений.

Так, в середине XIV в. (ок. 1355 г.) на Руси появляется свой кодекс Нового Завета. Его происхождение обычно связывается с именем св. Алексия, митрополита Киево-Московского и Всероссийского.

Текстологические особенности этого памятника, требующего еще своего серьезного и всестороннего исследования, свидетельствуют о влиянии здесь новых южнославянских списков Евангелия и Апостола с более стабильным и нормализованным текстом. Последнее наводит на мысль, что этот кодекс Нового Завета мог быть создан в Константинополе, бывшем в то время крупным центром славянской книжности. Интересен и другой характерный момент: как раз на XIV в. приходится наибольшее число известных ныне греческих кодексов Нового Завета (15 списков из 34) (Metzger 1981: 54). Несомненно, что либо святитель Алексий, либо кто-то из современных ему русских книжников взял за образец этот тип сборника в Константинополе.

Соединению в одном кодексе полного собрания новозаветных книг способствовало и то, что с середины XIV в. в славянской письменности начинает господствовать *полустав*, вытеснивший письмо уставом. Новый более компактный вид письма позволил экономить писчий материал (пергамен, а с XV в. бумагу) и увеличивать содержательную насыщенность книг. Полуставом была написана впоследствии ГБ. На него ориентировался диакон Иоанн Федоров, когда создавал шрифты для острожских изданий.

Однако Новый Завет, хранившийся до 1918 г. в Чудовом монастыре в Московском Кремле,⁹ так и оставался на Руси в своем роде единственным памятником. Полных списков с него, как кажется, не делали. Известны лишь две рукописи Четвероевангелия XIV и XV вв. (Евангелие преп. Никона, игумена Радонежского — ГБЛ Троицкое собр., III № 6/М.8652 и Евангелие из собрания графа Ф.А.Толстого "Октава-1" — ГПБ, Оп I) и три рукописи Апокалипсиса

⁹ Современное местонахождение неизвестно. Имеется фототипическое издание памятника: Новый Завет... Труд святителя Алексия, митрополита Киевского, Московского и всей Руси. — Москва, 1892.

XV в. (ГПБ, Q п I 6; ГБЛ, Троицкое собр., № 710; ГБЛ, собр. В.М.Ундовского, № 1) (Алексеев 1988: 135-136), текст которых принадлежит той же редакции, что и Чудовский Новый Завет. Очевидно, что господствовавшая в XIV-XV вв. на Руси типология новозаветных рукописей Евангелия (тетр и апракос), Апостола (служебный и четий) и толкового Апокалипсиса представлялась еще наиболее оптимальной.

С упомянутым памятником был, вероятно, знаком архиепископ Геннадий, бывший до занятия в 1484 г. Новгородской кафедры игуменом Чудова монастыря (с 1472 г.). Это знакомство могло в некоторой степени подготовить его к последующему восприятию идеи Библии как полного свода книг Священного Писания в одном кодексе.

Другим интересным памятником славянской письменности, создатель которого, возможно, также испытал влияние современной ему греческой библейской кодикологии, является болгарский сборник 1350-1370-х гг. (ГПБ, F I 461), включающий в себя книги Царств + XVI пророков с толкованиями + "премудрости" (кроме Екклесиаста и Премудрости Соломоновой). Такой сборник в сочетании с Осьмокнижием и Псалтирию должен был охватить почти весь корпус славянского перевода Ветхого Завета. Правда, кодекса с таким же набором ветхозаветных книг среди дошедших до нас греческих рукописей мы не встретим.¹⁰ Однако сама идея объединения в одном кодексе разных типов сборников книг Ветхого Завета была к тому времени достаточно известна греческим книжникам, об этом же мог знать и их болгарский коллега.

В 1404 г. в Боснии появилась так называемая рукопись Хваля (ныне хранится в библиотеке Болонского университета), включившая в себя полностью книги Нового Завета и Псалтири. Интересной особенностью этой рукописи является расположение в ней новозаветных отделов. Так Апокалипсис находится в ней сразу после Четвероевангелия, а не после Апостола как это традиционно принято.

Любопытно, что эту же самую особенность расположения новозаветных отделов мы встретим в Супрасльском сборнике 1502-1507 гг. (БАН 24.4.28), явившемся результатом писцового труда

¹⁰ Среди греческих ветхозаветных сборников смешанного состава можно встретить устойчивое сочетание книг "премудрости" с книгами XVI пророков (XII в. — Ralfs: sigl. 311), к которым могли подсоединяться Псалтирь (XIII в. — Ralfs: sigl. 613) или малые исторические книги (Есфирь-Маккавейские) (XIV в. — Ralfs: sigl. 631).

Игумен Иннокентий

Матфея Десятого, благочестивого дворянина, проведшего последние годы своей жизни в западнорусском Супрасльском монастыре. (Описание сборника см.: Алексеев, Лихачева 1979: 54-88).

Идея Библии как единого свода всех священных книг была уже, очевидно, известна в западнорусских землях. Достаточно вспомнить, что спустя десятилетие Франциск Скорина приступит к печатанию своей "Библии руской". Так что нет ничего необычного, что православный мирянин, живя в монастыре, в благочестивом порыве взамен иноческих подвигов берет на себя труд переписывания находящихся в нем книг Священного Писания, к которым в своей рукописи он также присоединил Типикон, Месяцеслов и книгу Менандра.

Наличествующие в Супральском сборнике 1502-1507 гг. тексты Священного Писания являются свидетельствами их бытования в составе тех или иных богослужебных и четых книг, находившихся в западнорусской монастырской библиотеке. Так, кроме Нового Завета, в состав сборника вошли Псалтирь с большим количеством дополнительных статей; XVI пророческих книг, переписанных со сборника Пророков, соответствующего редакции толковых пророчеств (XII + IV) попа Упиря Лихого (1047 г.); Притчи (с перестановкой некоторых частей текста); Екклесиаст; Песнь Песней; Премудрость Иисуса, сына Сирахова (с нарушением последовательности в главах). Источником последних четырех книг служил соответствующий сборник "премудростей". Полными паримийными редакциями в сборник вошли книги Иова и Премудрости Соломоновой и отдельными паримиями книги Бытия (1-я паримия: Быт. 1.1-13) и Царств (три паримии пророку Илие: 3Цар. 17.1,17-40, 42; 19.1-6,19-21; 4Цар. 2.1,8.14). Источниками паримийных текстов здесь выступили служебные минеи и триоди.

Составление в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия в последнее десятилетие XV века первого полного славянского библейского свода, с восполнением переводов, отсутствовавших в кирилло-мefодиевской, древнеболгарской и древнерусской традициях, переводами с Вульгаты подвело итог византийской традиции Священного Писания в славянском мире.

Москва

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1983 — Алексеев А.А. К определению объема литературного наследия Мефодия. (Четий перевод Песни Песней). Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Ленинград. Т. 37. С. 229-255;

Алексеев 1988 — Алексеев А.А. Кирилло-мифодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы. (Переводы Св. Писания в славянской письменности). X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов. — Москва. С. 124-145.

Алексеев, Лихачева 1978 — Алексеев А.А., Лихачева О.П. Супрасльский сборник 1507 года. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. — Ленинград. С. 54-88.

Алексеев, Лихачева 1987 — Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. 1985. Ленинград. С. 8-22.

Горский, Невоструев 1855 — [Горский А.В., Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. Москва.

Евсеев 1911 — Евсеев И.Е. Рукописное предание славянской Библии. Христианское чтение. 1911. Т. 235, ч. 2. С. 436-450, 644-660.

Пичхадзе 1986 — Пичхадзе А.А. Типология паримийных чтений книги Исход. Старобългаристика. Т. X, № 2. С. 20-34.

Gregory (Gregory-Aland) — Указатель греческих новозаветных рукописей К.Р. Грегори см.: Aland K. Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung. Bd. I/1. — Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments. — Berlin, 1963.

Kyas, Šarapatkova 1971 — Kyas V., Šarapatkova Ž. Přehled starozákonnich lekcí staroslovenského parimejníku; Palaeoslovenica. Praha. S. 95-108.

Metzger 1981 — Metzger B.M. Manuscripts of the Greek Bible. An Introduction to Paleography. New York - Oxford.

Nestle-Aland — Novum Testamentum Graece. Textum Graecum post Eberhard Nestle et Erwin Nestle communiter ediderunt Kurt Aland, Matthew Black, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger, Allen Wikgren. Stuttgart, 1979 (26-е критическое издание греческого текста Нового Завета).

Ralfs — Ralfs A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments, für Septuaginta-Unternehmen. Berlin, 1914.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук СССР, Ленинград.
ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В.И.Ленина, Москва.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М.Е.
Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
MMFH — Magnae Moraviae fontes historici. — Brno, 1967-1973.
PG — Migne J.-P.: Patrologiae cursus completus. Series Graeca.

НОВГОРОДСКАЯ ШКОЛА БРАТЬЕВ ЛИХУДОВ

О. Б. Страхова

Для Московской Руси конца XVII - начала XVIII вв. было характерно большое внимание со стороны древнерусской интеллигенции к греческой культуре и греческому языку. Немаловажную роль в упрочении и развитии этого интереса сыграли приехавшие в 1685 г. в Москву греки, уроженцы о. Кефалонии, ученые монахи, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, которые остались яркий след в истории русской культуры как выдающиеся учителя и просветители, основатели первого в России высшего учебного заведения — Славяно-Греко-Латинской Академии (подробнее о Лихудах см.: Сменцовский 1899; Фонкич 1988).

Сразу же после приезда в Москву Лихуды включились в напряженную конфессиональную жизнь того времени. Вскоре они заняли ведущую роль в партии "грекофилов", ориентировавшихся на восточную (византийскую) культурную традицию. Партии "грекофилов" противостояли "латинофилы", искающие свои культурные ориентиры в Западной Европе (в основном, это были выходцы из Юго-Западной Руси — из Украины, Белоруссии, Литвы). Московский период жизни ученых братьев отмечен большим числом богословских трудов. Тогда же, в 1685 г. Лихудами была создана греко-славянская школа, переросшая затем в Славяно-Греко-Латинскую Академию.

Однако, в 1704 г. на братьев Лихудов последовал донос со стороны Саввы Рагузинского (о нем см.: Пекарский 1862, 252-255; Устрилов 1863, 254, 273, 275). Савва Рагузинский (вероятно, далматинец по происхождению), в течение ряда лет жил в Труции, где тайно представлял интересы русского правительства. В 1703 г. он появился в Москве, где служил переводчиком и достиг весьма видного общественного положения. Каковы были обвинения, предъявленные Саввой Рагузинским братьям Лихудам, — неизвестно. Можно только предполагать, что они носили политический, а не религиозный характер. Рагузинский, очевидно, подкрепил этим

религиозный характер. Рагузинский, очевидно, подкрепил этим доносом обвинения, которые еще раньше выдвигались со стороны иерусалимского патриарха Досифея (о нем см.: Каптерев 1891). Суть обвинений сводилась к тому, что Лихуды осведомляют Константинополь о характере и положении дел в столице русского государства. Донос возымел свое действие. Русское правительство посчитало опасным оставлять братьев Лихудов в Москве, где в это время ожидали приезда турецкого посла Мустафы-аги.¹ 27 января 1704 г. Петр специальным указом предписал Лихудам покинуть Москву и отправиться в ссылку в Кострому, в Ипатьевский монастырь.² Там Лихуды провели около двух лет. Костромская ссылка Лихудов была прекращена стараниями и хлопотами митрополита Новгорода и Великих Лук Иова.

Митрополит Новгородский и Великолуцкий Иов (? — 1716) был одним из самых ярких иерархов русской православной церкви конца XVII — начала XVIII вв.³ К сожалению, неизвестно ни время, ни место его рождения. Известно толь-ко, что будучи пострижен в монахи в Троице-Сергиевой Лавре, он до 1694 г. был архимандритом Богоявленской обители в Москве, где, возможно, и познакомился с братьями Лиходами, потому что именно там жили они с момента приезда в Москву по 1687 г. В том же 1694 г. Иов был переведен наместником в Лавру, а в 1697 г. был посвящен в митрополиты. В сане Новгородского и Великолуцкого митрополита Иов пребывал до

¹ Следует заметить, что для того времени вообще характерны были попытки со стороны русского правительства всячески пресечь возможные контакты турок и греков. Ср., например: "... при бытности Турского посла в 1704 году в Китае у Греческого и Богоявленского монастырей велено быть караулу и заказать из турок и татар никого в монастыри к грекам не пускать и на улице не разговаривать" (Здесь и ниже при цитировании рукописей XVII–XVIII вв. устранныены графические особенности оригиналов (употребление *v*; *w*, *и*, *и*, *ѣ*, *ї*, *Ѡ*, выносных букв, титл.) на конце слова) (цит. по: Сменцовский 1899, 329).

2 "... Старцев учителей Иоанникия и Софрония Лихудиев с детьми и с людьми их, для приезду Турецкого посла Мустафы-аги, сослать с Москвы в дальней монастырь до его, великого Государя указу, покамест Турской посол на Москве побудет, и держать их в присмотрении и кормить их монастырскою пищею" (разрядка моя — О. С.; цит. по: Строев 1882, 191).

³ Его позиции, своего рода жизненная программа, была выражена несколькими строками в письме к царевичу Алексею Петровичу: "... Всем, яко три крепчайшия вины христианское царство утверждающим имать: царь мужественен и благочестив, архиерейское начальство и училище православное" ("Журнал для воспитания", 1857, № VII, стр. 680).

самой своей смерти. Время его служения — интересная страница в истории Новгорода. Он — основатель первого в России приюта для подкидышей и сирот, а также — духовной школы, которой вплоть до 1726г. суждено было быть образцом в области духовного просвещения и образования. Митрополит Иов вел широкую переписку с виднейшими деятелями русской истории. Содержание его писем свидетельствует о незаурядности и масштабности его фигуры.

Корреспондентами митрополита Иова были Петр I и члены царской семьи: царевич Алексей, Екатерина I, великая княгиня Татьяна Михайловна, родная тетка императора; первые сановники государства — "светлейший князь" Александр Данилович Меньшиков и Никита Зотов, И. А. Мусин-Пушкин и Н. Е. Репнин, Ю. Ф. Шаховской и Б. Ф. Шереметьев, Ф. М. Апраксин, Ф. А. Головин, Е. И. Украинцев, М. П. Гагарин; из духовенства — св. Дмитрий Ростовский, патриарх Адриан, местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский (небольшая часть переписки Иова была опубликована в: Чистович 1861).

С самого начала своего служения на митрополичьей кафедре Иов проявил себя как любитель образованности и просвещения.

90-е годы XVII в. были отмечены обострением конфликта между латинофилами и грекофилами, в ходе которого грекофилы одержали временную победу. Все, кто так или иначе мог поддерживать "латинщиков", оказались окружены атмосферой подозрений и недоверия. Гонения и опала особенно сильно затронули выходцев из Юго-Западной Руси (ср.: Любимов 1875).

Тогда-то Иов и решил использовать сложившуюся ситуацию в интересах своей епархии и дал приют опальным монахам, заподозренным в "латинофильских" воззрениях и, одновременно, известных своей начитанностью и образованностью. Это были Гавриил Домецкий, ученый, поэт и писатель, прежде бывший архимандритом, затем во время гонения на латинофилов попавший в число монастырской братии, и Феодосий Яновский, впоследствии преемник Иова по кафедре и первый вице-президент Святейшего Синода (о них см.: Образцов 1865; Чистович 1868). Митрополит почтил их своим особым благоволением, сделав архимандритами главенствующих монастырей своей епархии: Гавриил Домецкий стал архимандритом Юрьевского, а Феодосий Яновский — архимандритом Хутынского монастырей. Возвышение представителей латинофильской партии в Новгороде вызвало сильное недовольство среди представителей грекофилов. Иова

подозревали в измене православию и выражали ему эти подозрения весьма резко, избрав своим рупором замечательного религиозного полемиста конца XVII в. иеродиакона Чудова монастыря Дамаскина.⁴ Дамаскин настойчиво убеждал новгородского иерарха отстранить от себя киевских ученых и приблизить к себе греческих, истинно, по мнению Дамаскина, православных. В одном из своих посланий он советовал митрополиту найти себе греческих учителей, которые показали бы Иову красоту и высокую духовность греческого языка; что же касается "латинствующих", то их знания ложны и действуют они по дьявольскому наущению.⁵

Следует заметить, однако, что не эти письма побудили митрополита лишить своего расположения Гавриила Домецкого. Основной причиной этого поступка явилась книга самого Гавриила, которую он представил для прочтения новгородскому иерарху. Очевидная католическая направленность этого труда серьезно раздосадовала и обеспокоила Иова, что и заставило его лишить своей благосклонности прежде обласканного им архимандрита.

В 1702 году Иов начал подыскивать квалифицированных ученых греческой ориентации. Тогда же он обратился к братьям Лихудам, спрашивая их мнение о некоем ученом монахе — греке из Трапезунда (см.: Чистович 1861.. 75). Что ответили ему Лихуды — неизвестно, и в 1702 г. школьное дело в Новгороде начато не было. Только в 1706 г. Иову представилась возможность создать у себя в епархии школу, отвечающую его православным убеждениям, когда в Новгород по его ходатайству перед Петром I прибыли Иоанникий и Софроний Лихуды.⁶

⁴ В частности, Дамаскин писал митрополиту Иову следующее: "Яко блаженство твое сими и сицевыми ветры, яко трость наклоняешися и являешися от восточной части, яко отступающ, к западной же склоняющся" (цит. по: Знаменский 1881, 28).

⁵ "Благоволи сыскати себе греческих преводников и писцов, — писал Дамаскин, — и увидеши чудо преславно, узриши бо коликая полнота писаний обретается в еллинском языке, и несть нам нужды до латынников никоєяже, мощно и премоющно нам быти без них; всуе льстят они нас, не Бог их посылает на нас, но сатана, на прельщение, а не на исправление" (цит. по: Образцов 1865, 94; ср.: Яхонтов 1884, 15; Знаменский 1881, 29).

⁶ В 1706 г. Петром I был подписан указ: "1706, генваря 31, Великий Государь Царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, по доношению Иллирийского шляхтича Савы Рагузинского, иеромонахов греческих Иоанникия и Софрония Лихудиевых, которые напред сего посланы с Москвы на Кострому в Ипатской монастырь и велено им тамо быти до его, Великого Государя, указу, и тех иеромонахов

Итак, в 1706г. сразу после прибытия Лихудов, в Новгороде начала действовать новая духовная школа. Значение этого дела, важность его в масштабе всего государства приуменьшить никак нельзя. Неслучайно, это мероприятие митрополита нашло горячий отклик у такого поборника духовного просвещения в России, как св. Дмитрий Ростовский.⁷

В школе с самого начала были созданы 2 класса — "славянский" и "греческий". Обучением в "славянском" классе руководил переводчик Федор Герасимов. Курс наук в славянском классе начинался изучением церковнославянского чтения и письма. Преуспевшие в них переходили к более глубокому изучению церковнославянской грамматики по руководству Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619).

В греческом классе преподавали сами Лихуды, и объем преподаваемого ими курса, был неизмеримо больше курса, читаемого в славянском классе. Первым этапом в обучении было изучение элементарной греческой грамматики, т.е. системы греческого чтения и письма. Грамматика преподавалась Лихудами по той же программе, что и в Москве. Большой процент учащихся (56 человек) дальше этого не пошел; некоторые (32 человека) освоили элементарный курс греческой грамматики, изучили именное словообразование греческого языка (т.е. имя существительное, прилагательное, местоимение) и подошли к изучению глагола, другие (17 человек) изучили и систему греческого глагола; только очень немногие полностью освоили грамматику греческого языка (9 человек). Освоившие грамматику приступали к изучению "пиитики" (8 человек), завершающим этапом обучения была риторика, которую изучило четверо (см.: Описание документов и дел ... VII, XCIV-XCVII; Сменцовский 1899, 341).

из того Ипатского монастыря перевесть в Новгородския монастыри, что в епархии Новгородского и Великолуцкого митрополита Иова, в котором пристойно, и быть им тамо в монастыре до его ж, Великого Государя, указу, и давать им в том монастыре пищу против того ж, по чему им давано в Ипатском монастыре; и к Москве их без его, Великого Государя, указу, отпускать не велеть" (цит. по: Строев 1882, 191-192).

⁷ Св. Дмитрий Ростовский писал Иову по поводу открытия школы следующее (письмо от 10 декабря 1706 г.): "Слышаши наченшееся у преосвященства вашего еллино-греческое учение, зело о том радуюсь: что бо человека вразумляет, аще не учение?" (цит. по: Сменцовский 1899, 341).

Вообще же, в школу с самого начала поступило более 150 человек, самого разного возраста, профессии, происхождения:

софийские певчие	4
подьяки	19
дьячки	19
пономари	20
звонарь	1
сын протопопа	1
поповы дети	25
дьяконские сыновья	3
сын иподьякона	1
дети дьячков	6
пономаревы дети	7
сыновья звонарей	2
сын прапорщика	1
ключарский сын	1
сироты	2
сын столяра	1
дети маляров	2
сын купца	1
дети монастырских служителей	3
монахи	3
люди, звание которых не указано	31
(<i>ib., id.</i>)	

Есть основания считать, что первоначально Лихуды и Иов намеревались создать славяно-греко-латинское училище. Во всяком случае, в письмах (за 1706-1707 гг.) митрополит неоднократно упоминал об этом.⁸ На это же предположение наталкивает и наличие

⁸ Ср., например, такие письма: письмо к архимандриту Троице-Сергиевой Лавры Сильвестру, позже — митрополит Нижнего Новгорода (с 1707 г.) от 26 июня 1706 г.: "... словеснейшие учителя, честнейшие иеромонахи, Иоанникий и Софроний Лихудиевы, обретающиеся по указу монаршескому в доме Софийском, воистину высокоучени суть, добри же и верни, трезви и бодри, и во учении усердни: непрестанно на кийждо день учеников греческим, славенским и латинским письмяном, без всякого сокрытия вседушно обучают... и сего июня 24, мнози от учеников латинославенскую грамматику начали..."; письмо к Н. М. Зотову (конец 1706-начало 1707 гг.): "... вся у нас доселе право и богоугодно в церкви преходят, и со успехом немалым из разных чинов многим учеником, укрепляемы

Новгородская Школа Братьев Лихудов

в библиотеке греческого класса двух "латинославенских" грамматик Ильи Копиевича (Копиевского).⁹ Кроме того, в каталоге рукописей, входящих в собрание профессора Ф. Г. Баузе, погибшей во время Московского пожара 1812 г., под № 23 указывалась неизвестная науке "грамматика латинского и славенского языков", приписываемая братьям Лихудам.¹⁰ Вероятно, изучение латинского языка предполагалось, и, возможно, было введено, но в силу каких-то обстоятельств приостановлено.

Уже в первые годы существования школы митрополит Иов и братья Лихуды предприняли определенные шаги в организации в Новгороде переводческого и книгопечатного центра. В ряде писем, адресованных к высшим сановникам русского государства, новгородский иерарх просил передать в его ведение типографию, а также прислать в епархию нескольких известных по тем временам

мудростию и благодатию ... через мудрейших воистину и всеблажайших отцев и учителей изящнейших, иеромонахов Лихудиевых: непрестанно бо на кийждо день учеников греческим, славенским и латинским письмом, в грамматице сущим, без всякого сокровения вседушно обучают, и мнози от наших новых учеников не токмо грекославенолатинскую грамматику добре изучиша, но и разлагольствах и в писании литер по премногу искусни суть" (разрядка моя — О.С.; цит. по: Чистович 1861, 79, 119).

⁹ 3-го марта 1716 г. в день смерти митрополита была сделана опись имущества, оставшегося после него. В опись вошли не только предметы церковного обихода — утварь и облачения, — но и митрополичья библиотека. Как видно из этой описи, часть книг Иова была отдана в школу, причем в оба ее класса — "греческий" и "славянский". Среди книг греческого класса указываются: "две грамматики, творения Элия Копиевского, латинославенские (разрядка моя — О.С.; Описание документов и дел... I, прил. VIII, XCVI). Имеется в виду грамматика Ильи Федоровича Копиевского или Копиевича, переводчика, умершего после 1708 г., белоруса по происхождению. Он обучался в Голландии, где, приняв протестанство, был пастором в Амстердаме. В 1700 г. в Амстердаме он издал "латинославенскую" грамматику *"Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonic-Rosseanae adornata"*.

¹⁰ Ср.: "№ 23. Грамматика латинская и российская учителей братьев Лихудиевых, писана в Новгороде в 1706. В 40" (ГИМ, собр. Черткова, № 88, л. 7 об.; цит. по: Моисеева 1980, 314). Обращает на себя внимание характерное (свойственное и самим Лихудам) написание фамилии ученых братьев ("грамматика ... братьев Лихудиевых"), которое, скорее всего, непосредственно восходит к списку рукописи, а не является творчеством составителя каталога. Г. Н. Моисеева, описывающая этот каталог, неоднократно подчеркивает компетентность проф. Ф. Г. Баузе, ссылаясь при этом на таких авторитетных ученых прошлого, как Н. М. Карамзин и К. Ф. Калайдович (см.: ib., 303, 304, 306).

переводчиков — "справщиков" (ср. ц.-слав., др.-русск. *справа исправления, сверка рукописей; редакторская и/или корректорская деятельность*). Известно, в частности, что в Новгороде в 1712 г. жил Карион Истомин, известный стихотворец, переводчик, филолог (о нем см.: Брайловский 1901; Панченко 1973, 116–130, 135–140 и сл.). Иов и Иоанникий Лихуд упросили начальника Монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина (племянника патриарха Иоакима и бывшего студента Лихудов) направить к ним Кариона, жившего на покое в Чудовом монастыре. Трудно сказать, был ли Карион использован как преподаватель и в какой мере. Иов приглашал его в качестве переводчика, как человека, свободно владевшего латынью и греческим. Велась переписка и по поводу известнейшего переводчика с латыни и греческого, одного из лучших учеников Лихудов по Москве — Николая Симеонова Головина.¹¹ Именно тогда, вероятно, переехал в Новгород и иеромонах Иов, также ученик Лихудов по Москве, — филолог, переводчик, знаток греческого и латыни.

Дошла до нас и интересная переписка Иова по вопросу издания в Новгороде известного словаря Епифания Славинецкого, лидера партии грекофилов, умершего в 1675 г., блестательного филолога и переводчика (о нем см.: Брайловский 1890, 236–250; Ротар 1901; Шолом 1958, 19–23; Німчук 1961, 86–96).¹² Уже один этот факт

¹¹ Ср., например, письмо к Я. Н. Римскому-Корсакову (от 3 января 1710 г.): "... Еще же и о сем молю доложить его сиятельства: аще не в труд вашей боголюбивей душе, донести сие мое прошение, ко славе Божией и к церковней пользе, о некоем обретающемся при печатном дворе Николае Симеонове, искусном преводчике греческаго и латинскаго диалектов. Просит бо он нас, дабы ему быти у нас, желая чина священическаго чрез наше рукоположение получити, и в школе при других учителях послушным управителем быти" (цит. по: Чистович 1861, 87).

¹² Ср.: письмо к Петру I (декабрь 1707 г.): "По имянному Твоему указу, Великий Государь, ради лексикона Епифаниевского ... послах к Москве Софрония, учителя Лихудиева ... Молю убо царское твое величество, яко да укажеши реченный лексикон с печатного двора на время ... отдать Софронию"; письмо адмиралу Ф. М. Апраксину: "Великий Государь в Санкт-Петербурге ... пожаловал мне на время лексикон Епифаниевский с печатного двора..."; ему же: "Просим тебе, господине, — изволь его Царского величества доложить, чтоб государь пожаловал, повелел отписать к болярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину об отдаче ко мне на самое малое время ... с распискою с печатного двора лексикона Епифаниевского..." (цит. по: Брайловский 1890, 249). Словарь Епифания Славинецкого, известный в научной литературе под именем "Филологического словаря" содержал объяснения терминов Св. Писания, в настоящее время хранится в Москве в

Новгородская Школа Братьев Лихудов

указывает на необычайный размах замыслов митрополита Иова и братьев Лихудов в целом, поскольку "словарь Славинецкого, заключавший в себе около 7000 слов, необыкновенно ценился современниками и ближайшим потомством, как совершенно исключительное явление в тогдашнем умственном обиходе Московской Руси. Рукопись его сохранялась в особых золотых и расписных ящиках и выдавалась нуждавшимся в ее помощи не иначе как с высочайшего соизволения уже при Петре Великом" (Булич 1904, 182).

К сожалению, этим начинаниям митрополита не суждено было исполниться. Отправленный в конце 1707 г. в Москву, чтобы принять типографию, Софроний Лихуд былдержан там для преподавания греческого языка. В январе 1708 г. Петр I издал указ, предписывающий Лихудам покинуть Новгород и прибыть в Москву.¹³ Вплоть до самой своей смерти Иов пытался возвратить Софрония Лихуда в Новгород, но единственное, что ему удалось, это удержать у себя Иоанника. Спустя некоторое время после отъезда из епархии младшего, более энергичного и, очевидно, более талантливого Софрония, дела в школе пошли хуже. Иоанник, будучи значительно старше своего брата (он родился в 1633, а Софроний в 1652 г.), вести занятия на прежнем уровне уже не мог. После смерти Иова, которая последовала 3 марта 1716 г., Иоанник переехал к брату в Москву. С 1716 по 1718 гг. школой руководил иеромонах Иов (см. выше). В 1718 г. он был отстранен от руководства школой по старости и дела принял лучший новгородский ученик Лихудов — Федор Максимов (о нем см.: Филарет 1863, 10; Геннади 1880, 282; Булич 1904, 196-197; Булахов 1976, 160-161; пользоваться указанной литературой следует с осторожностью, ввиду содержащихся там ошибок). Начался новый этап в истории Новгородской школы.

В 1727 году в Святейший Синод был представлен доклад о состоянии дел в епархиальных школах, существовавших в России к тому времени. Конечно же, первое место в докладе было уделено Новгородской школе, поскольку предполагалось, что именно она

Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина (ГБЛ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 238). Описание словаря см. в: [Строев] 1845, 112).

¹³ Ср.: "... Иеромонахов греческих Иоанника и Софрония Лихудиевых, которые ныне в Великом Новгороде, и при них находящиеся люди, которые с ними посланы с Москвы, взять по прежнему к Москве и учить им в школах греческому языку" (цит. по: Сменцовский 1899, 344).

О. Б. Страхова

послужит образцом и примером. В докладе рассматривался большой период существования школы — с 1706 по 1726 г. Данные доклада позволяют достаточно полно понять структуру и состав новгородской школы. В докладе сообщалось, что в школе за период до 1726 г. обучилось 282 человека.¹⁴ Далее, в докладе была представлена таблица — "кратчайшая ведомость об учениках, ныне обретающихся в школе" (разрядка моя — О.С.).¹⁵ Исходя из данных таблицы, можно полагать, что в 1726 г. в школе училось 284 человека. Таким образом, за 20-летний период существования школы в ней получили образование более 550 человек — цифра, рекордная для всех епархиальных школ России того времени! Главное место в докладе занимали поименные списки выпускников школы, причем

¹⁴ Ср.: "Всеподданейший доклад Святейшего Синода и ведомости о епархиальных школах. В Великом Новгороде при доме архиерейском грекославянская школа заведена 1706года. При ней сначала, в разные годы, имелось учеников, кроме ныне действительного содержащихся, 282 человека" (разрядка моя — О.С.; Описание документов и дел... VII, XCIV).

¹⁵ Считаю целесообразным привести эту таблицу:

МЕСТО ШКОЛ	Чис- ло при- шко- ле быв- ших уче- ников	Ди- лек- там како- вым обу- ча- лись	Какие науки произошли и колико								ПИСА- ТЬ	
			Грамматику		Риторику		Читать		Со- вер- шен- но	Несо- вер- шен- но	ПИИ- ТИ- КУ	
			Со- вер- шен- но	Несо- вер- шен- но	Со- вер- шен- но	Несо- вер- шен- но	Со- вер- шен- но	Несо- вер- шен- но				
В до- мо- вой архи- ерей- ской греко- сла- вен- ской	284	Гре- чес- кий	10	60	1	9	6	—	—	—	—	58
		Сла- вен- ский	57	67	—	—	1	15	—	—	—	—

(см.: Описание документов и дел... XVII, CVI).

Новгородская Школа Братьев Лихудов

отдельно указывались ученики, кончившие школу при Лихудах, т.е. до 1716 г., и ученики, кончившие школу после 1718 г., т.е. во время директорства Федора Максимова. Поименные списки содержали: 1) сведения относительно личности ученика: име-ни, фамилии, социального происхождения и т.п. и 2) краткое сообщение о степени его образования — изучил он весь курс наук, преподаваемый в школе, или только часть его.

Данные поименных списков показывают, что за время руководства школой Лихудами в греческом классе изучался только греческий язык — его грамматика, риторика, пийтика. При этом преподавание велось не только на греческом, но и на церковнославянском языке. Именно так следует понимать термин грекославянский по отношению к дисциплинам — риторике, грамматике и пийтике.¹⁶ Такое словоупотребление (при котором первая часть слова относится к изучаемому языку, а вторая — к "метаязыку") вообще характерно для учебной терминологии того времени. Ср. "латинославенскую" грамматику Ильи Копиевича (Копиевского) (см. прим. 9); грамматика эта построена таким образом, что латинский материал излагается на "славенском" (= церковнославянский) языке. Тот же принцип номинации сохранился и в сегодняшних названиях двуязычных словарей, где первая часть составного прилагательного относится к языку описываемому, а вторая — к языку описывающему.

Иначе дело обстояло после того, как руководство школой принял на себя Федор Максимов. В той части ведомостей, которая касается времени его преподавания в школе, мы встречаем следующую терминологию — "грекославенская грамматика", "греческая и славенская грамматика", "гречески читать и писать и славенская грамматика", "славенская грамматика".¹⁷ Причем заметим,

¹⁶ Ср.: "Подъяк Федор Максимов, с 1706 года изучил грекославенские грамматику, пийтику и риторику, в 1708 году произведен в чин иподьякона-ства"; "подъяк Федор Иванов учился с 1706 г. грекославянским грамматике и риторике..."; "дьячков сын Василий Михайлов, с 1706 года изучил греко-славянские грамматику и пийтику..."; "дьячек Петр Петров, изучив греко-славянские грамматику и пийтику, назначен..."; "подьяки Григорий Григорьев и Антон Павлов изучили грекославянскую грамматику..."; "значатся во обучении греческого чтения и письма и грамматики во осьмочастии четвертая части глагола, подъяки..."; "значатся во обучении греческого чтения и письма и грамматики во осьмочастии вторая части, именем..." (Описание документов и дел... VII, XCIV-C).

¹⁷ "Ученики, бывшие под учением ученика Лихудиевых учителей иподьякона Федора Максимова от 1718 года до 1726, из которых обретаются

что те ученики, которые значатся в ведомости, как изучившие только "славенскую грамматику", также входят в число учеников Федора Максимова. Естественно предположить в таком случае, что Максимов изменил систему преподавания в школе. Так, в частности, Сменцовский указывал, что в 1723 году Федор Максимов ввел в программу обучения "славенскую риторику" (Сменцовский 1899, 344), которой при Лихудах не было. Известно также, что с 20-х годов XVIII в., по предложению Феодосия Яновского (см. выше), новгородского митрополита, школа, руководимая Федором Максимовым, стала центром по подготовке учителей "славянской грамматики" (ср.: Прилежаев 1877). Ученики прошедшие успешно курс возвращались в свои приходы с правом преподавать церковнославянский язык. Этим и объясняется такое грандиозное количество учеников по данным 1726 г. Таким образом, изучение церковнославянского языка стало основным предметом в школе; но, подчеркну, его преподавание не мыслилось вне изучения греческого языка.

Такая организация учебного процесса, внешне противоречащая традициям братьев Лихудов, внутренне отражала следование их заветам. Высказанная однажды ими мысль, что человек, не знающий хорошо греческого языка, не может познать церковнославянский,¹⁸ оказала серьезное влияние на языковое сознание их учеников и сподвижников. Эта идея, частично реализованная Максимовым в его преподавательской деятельности, нашла свое законченное выражение в созданной им в 1723 г.

иные от прежних учителей, а иные вновь собраны, а именно: ... пономарь Савва Иродионов ... учил грекославенския грамматики осьмочастие..."; "Степан Максимов произошел греческую и славянскую грамматику..."; "Иродион Тихонов учился гречески читать и писать и славенскую грамматику..."; "подкидыш Иустин Иванов произошел славенскую грамматику..."; "бывшего секретаря сын Гавриил Герасимов проходил грекославянскую грамматику..."; "Димитрий Даниилов произошел букварь изустно..., писать и грамматику славянскую" (ib. id.).

18 Ср.: "Такожде не ведяй известно еллинский диалект ниже славенский диалект весть, ниже познати может искреннюю мысль и разум божественных писаний и отцев, на славенский диалект претолкованных, и не ведяй правил оных еллинского диалекта вне намерения ходит и, увы! яко кораблец некий малый, или и великий не велицем море есть, не имеяй знамене ветроуказательного, помышляя бо прямо к востоку плыти, оле! на запад обретается" ("АКОΣ или врачевание" братьев Лихудов — ГИМ, Синодальное собрание, № 440, л. 57 об.).

Новгородская Школа Братьев Лихудов

грамматике церковнославянского языка.¹⁹ В основу этой грамматики легли два источника: церковнославянская грамматика Мелетия Смотрицкого и грамматика греческого языка братьев Лихудов (о последней см.: Смирнов 1855, 44-50).

Такова история создания и расцвета Новгородской школы. Несколько слов осталось сказать о ее закрытии. В 1726 г. митрополитом Новгорода стал Феофан Прокопович — выходец из Киева, талантливый поэт, видный религиозный деятель петровского времени (о нем см.: Чистович 1868; Морозов 1880). С вступлением его на кафедру положение дел в школах значительно изменилось.²⁰ Феофан закрыл партикулярные и епархиальные новгородские школы, созданные по образцу лихудовской, а в 1728 г. обратил свой взгляд и на нее. Самых лучших учеников он перевел в Петербург, и Новгородская грекославянская школа прекратила свое существование. Как замечал известный историк церковного просвещения в России П. Знаменский, "вместе с нею (новгородской школой — О. С.) рушился последний остаток популярного в Великороссии еллино-славянского школьного направления и последний противовес новому славено-латинскому образованию, шедшему из Киева" (Знаменский 1881, 132). Дальнейшая судьба Федора Максимова осталась невыясненной. Был ли он переведен в Петербург или продолжал жить в Новгороде — неизвестно. Его имя, как и его жизнь, оказались тесно связанными с историей Новгородской школы и канули в Лету вместе с ней.

Москва

¹⁹ Полное название грамматики Федора Максимова — "Грамматика Славянская в кратце собранная в Грекославянской школе, яже в великом Нове граде при доме Архиерейском Повелением Всепресветлейшаго, Державнейшаго Государя нашего Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода, напечатася при Санктъптербурхе в Троицком Александровском монастыре. Лета от Рождества Христова 1723".

²⁰ ~то могло быть связано с тем, что Новгород как центр епархии был постепенно заменен Петербургом, и это вызвало невнимание со стороны властей к делам в нем. Кроме того, вполне возможно, что развитие школьного дела в Новгородской епархии Феофан связывал с деятельностью своего предшественника и врага — Феодосия Яновского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Брайловский 1890 — Брайловский С. Н. Филологические труды Епифания Славинецкого. — Русский филологический вестник, 1890, № 2, стр. 236-250

Брайловский 1901 — Брайловский С. Н. Один из "пестрых" XVII-го столетия. (=Записки имп. Академии Наук по историко-филологическому отделению. Сер. 7, т. 5) СПб., 1901

Булахов 1976 — Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1. Минск, Издательство БГУ, 1976

Булич 1904 — Булич С. К. Очерк истории языкоznания в России. (=Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского Университета, часть LXXV) СПб., 1904

Геннади 1880 — Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 год, т. 2. Берлин, 1880

Знаменский 1881 — Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881

Каптерев 1891 — Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с Русским правительством. М., 1891

Любимов 1875 — Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII в. — Журнал Министерства народного просвещения, 1875, часть 180, № 8, с. 117-152; часть 181, № 9, с. 74-104

Моисеева 1980 — Моисеева Г. Н. "Собрание российских древностей" профессора Баузе. — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы. XXXV. Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1980, стр. 301-344

Морозов 1880 — Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880

Німчук 1961 — Німчук В. В. З лексикографічної спадщини Є. Славинецького. — Лексикографічний бюллетень, вип. 8, 1961, стр. 86-89

Образцов 1865 — Образцов И. Гавриил Домецкий и иеродиакон Дамаскин. — Духовная беседа, 1865, № 1, стр. 22-37; № 2, стр. 54-72; № 3, стр. 104-129

Описание документов и дел... — Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1 (1542-1721), СПб., 1868; т. VII (1727), СПб., 1885

Новгородская Школа Братьев Лихудов

Панченко 1973 — Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973

Пекарский 1862 — Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.— СПб., 1862

Прилежаев 1877 — Прилежаев Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху. — Христианское чтение, 1877, № 3-4, ц. 331-370

Ротар 1901 — Ротар Ив. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVIIв. — Киев, 1901

Сменцовский 1899 — Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. Опыт исследования церковного просвещения и церковной жизни конца XVII — начала XVIII веков. СПб., 1899

Смирнов 1855 — Смирнов С. К. История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855

[Строев] 1845 — [П. Строев.] Библиотека Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1845

Строев 1882 — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. (=Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. 29, № 4) СПб., 1882

Устрялов 1863 — Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. IV, часть 2. СПб., 1863

Филарет 1863 — Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 1720-1858 гг. (умерших писателей), т. 2. Чернигов, 1863

Фонкич 1988 — Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1987. — М., 1988, стр. 61-70

Чистович 1861 — Чистович И. А. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными людьми. — Странник, 1861, февраль, стр. 68-132

Чистович 1868 — Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. (=Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. 4) СПб., 1868

Шолом 1958 — Шолом Ф. Я. Єпіфаній Славинецький і російська філологічна наука середини XVIIст. — Міжслов'янські літературні взаємини (збірник статей). Київ, 1958, стр. 19-23

Яхонтов 1884 — Яхонтов И. К. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVIIвека. СПб., 1884

ΕΚΤΥΠΩΣΗ
ΑΘ. ΑΛΤΙΝΤΖΗ, ΕΘΝ. ΑΜΥΝΗΣ 38
ΤΗΛ. 222965, 221529
ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ

